

История одной судьбы

Что делалось на этом вокзале! Яблоку упасть было негде. Люди лежали
везде: на полу, на скамейках, под скамейками. Грязь повсюду была такая,
точно вокзал не подметали по крайней мере месяц. Впрочем, его действительно
не подметали месяц, а то и дольше.

Но люди все — таки были довольны, над ними не капало, стены защищали от
ветра и дождя, было сравнительно тепло и сухо.

Подошел еще один поезд...

Когда толпа схлынула с перрона, из вагона вышел солдат. На перроне
горели фонари, но свет их плохо рассеивал темноту. Городская электростанция
работала с перебоями. Вокзал освещался от собственного движка. Трудно было
рассмотреть что — либо в ночном сумраке. Солдат спрыгнул на перрон и,
прихрамывая, направился на вокзал.

В дверях он чуть не споткнулся, кто — то лежал у самых дверей.

— Куда прешь...

Солдат перешагнул и тут же наткнулся на кого — то еще...

В глубине зала, вдоль стены, за сдвинутыми деревянными диванами табором
расположились женщины. Расположились домовито и точно надолго, расстелили на
полу пальто, платки, разделы детей, подложили под головы мешки, сумки...

Солдат кое — как добрался до этого шумного женского табора, присел было
на корточки, поставил чемодан, потом не выдержал, уселся прямо на пол и
устало вытянул ноги, облокотясь на свой чемоданишко.

— Эх ты, мужик, куда ж ты... — не без ехидства сказала не старая еще женщина с покрашенными, несмотря на грязь, сутолоку и неустроенность, губами. — Думаешь, теплее с бабами? Титек не видал? Тут ребят кормят...

Она насмешливо, даже вызывающе взглянула на солдата и вдруг удивилась:

— Да ты никак баба...

И точно, солдат оказался женщиной. Может быть, даже не женщиной, а

девушкой. Она была еще очень молода, и, хотя на лице ее лежал отпечаток

безмерной усталости и даже страдания, в глазах ее теплилась такая милая,

такая трогательная наивность, какая бывает обычно свойственна только детям.

Соседка с покрашенными губами подвинулась к женщине в шинели.

— Откуда едешь — то? — сочувственно спросила она. — Неужто с фронту?

— Точно, — ответила женщина хриловатым и вместе с тем звонким, слегка

вибрирующим молодым голосом.

— Домой или на побывку?

— Работать.

— Работать везде надо, — сказала соседка. — До места еще далеко?

— Приехала.

Соседка пыталась втянуть ее в беседу.

— Досталось, поди, на фронте? Сестрой была? Многих раненых вынесла?

— Санинструктором. В стрелковой роте, — устало сказала женщина. — А

выносить раненых, между прочим, не мое было дело. Выносят санитары. Мое дело

сразу на передовой перевязать. Пока одного поташу, десять кровью истекут...

Она замолчала и, прикрыв глаза, прикорнула у своего чемодана. Однако

кругом стоял гомон... Говорили обо всем. О молоке, о детях, о жилищах. Об убитых мужьях, о неверных мужьях, просто о мужьях. Фронт откатывался все дальше на запад, сомнений в исходе войны не оставалось теперь ни у кого, и вслед за войсками тысячи людей потянулись на свои пепелища. Поэтому в разговорах мешалось все: и где бы достать гвоздей, и какая казнь ждет Гитлера, и почему на базаре лук.

Женщина закрыла глаза. Ох сколько ей пришлось повидать! Наплывали какие-то свои мысли. Наплывали, уплывали... Тело сковывала дремота. Она не знала, сколько времени провела в полудреме. Будто только зажмурилась — и опять...

— Гражданка... Или как вас там? Товарищ старшина... Ваши документы!

Перед нею стоял патруль. Лейтенант из военной комендатуры, какой-то железнодорожник, милиционер.

Время было тревожное, война еще не кончилась.

Полезла в наружный карман гимнастерки, достала документы.

— Гончарова... Анна Андреевна?.. А сюда зачем прибыли?

— По вызову.

— Вот и идите в город, ночевать разрешается только транзитным пассажирам.

— Куда ж я ночью пойду?

— А вы видите, что делается на вокзале? Да и ночь на исходе. Скоро уборка...

Женщина застегнула шинель, встала.

— Куда ты, Аня?.. — Соседка потянула ее за полу.

— Сиди. Небось не выкинут.

— Раз не положено...

Патруль ждал. Она обдернула под ремнем шинель, подняла чемодан и пошла к выходу.

II

Сперва она как бы ослепла. Вокзал не ахти как освещен, однако все можно различить. Привокзальная площадь тонула во мраке. Небо серело лишь в вышине, по — над домами оно было черным. Черным как сажа. Перед рассветом ночь всегда особенно темна.

Анна постояла, всматриваясь в темноту. Неподалеку стояла грузовая машина, шофер отсутствовал, ушел, должно быть, спать или по делам. На площади так пустынно и тихо, что одной стоять жутковато.

Анна могла пойти только к Бубенчиковым.

Две сестры — Полина и Серафима Егоровны. Анна квартировала у них, когда училась в техникуме. Они жили недалеко от центра. Номер дома Анна забыла, но самый дом помнит хорошо. Рыжеватый, облупленный флигелек в три окна, много с ним связано воспоминаний. Больше ей негде остановиться. Егоровны любили ее.

Небось не откажут, примут.

Анна ухватила чемодан поудобнее и пошла. Она хорошо знала город, но в темноте он казался ей сейчас каким — то иным. А может быть, иным он казался не потому, что стояла ночь, а потому, что много домов было разрушено, а кое — где вообще не осталось никаких домов.

Три года провела Анна в Пронске, покуда училась в техникуме. Год жила в общежитии, два — у Бубенчиковых. Она убирала дом, обстирывала старух, делилась с ними продуктами. Зато занимала отдельную комнату, легче было учиться...

Вот и Московская. На Московской — клуб железнодорожников. Все девчонки из техникума бегали сюда смотреть кинофильмы, билеты в клубе стоили дешевле, чем в городских кинотеатрах.

Из — за угла с грохотом выкатился грузовик, ослепил на мгновение Анну, осветил фарами остов трехэтажного дома и помчался к вокзалу. Задул ветер.

Злобный осенний порывистый ветер. Стало совсем холодно. Неизвестно откуда появился пес. Тявкнул и исчез. Анна метнулась в сторону, но пес уже исчез.

Она не боялась собак. Пожалуй, она теперь вообще уже ничего не боялась.

Просто растерялась от неожиданности.

Всего четыре года прошло, а сколько пережито, сколько досталось на ее долю...

Пронск полومان, разрушен, но он снова станет таким, каким был. А ей уже не стать такой, какой она была. Ничего не поправить, ничего в ее жизни не починить.

Она шла, опустив голову, глядя не на землю, а сквозь нее. Много утрачено... Нет Толи, нет и никогда уж не будет. Она даже не знает, где он погиб, как погиб. Плохо Женечке, плохо ей самой. Темно и худо.

Дошла до Базарной площади. Перейти, а там скоро и Палашевский...

Небо бледнело. Начинался день. Новый день.

Каким — то он будет?

Вот и знакомый переулок. Анна замедлила шаги, совестилась разбудить

старух спозаранок. Номер дома она забыла, но рыжеватый флигелек в три окна

запомнила навсегда. Однако флигелька не было. Анна растерянно смотрела перед

собой. Никакого флигелька. Голое место. Ни флигелька, ни следов от него.

Никаких Егоровен. Ничего...

Переулками прошла на Советскую улицу.

Советская, 38...

Стена. Необычно белая стена, словно только что выбелена. Выбиты окна.

Несколько ступенек, отделенных от дома. Ступеньки стоят на тротуаре сами по

себе. За ними пролом и вороха щебенки. Какое здесь может быть учреждение?

Вот идет какой — то дядька в рыжей бекешке, с испитым желтым лицом, с

брезентовым портфелем под мышкой. Портфель туго набит. Что в нем? Картошка,

дровишки, книги? Да и книги, если набит ими портфель, тоже небось на

растопку.

— Гражданин, не знаете, где тут сельхозуправление?

— Тут, тут. Правильно. Во дворе. Прямычком...

Она прошла в ворота. За развалинами уцелел большой деревянный особняк.

С застекленными окнами. С дверью, сверкающей свежей охрой. С вывеской. С

аккуратной вывеской под стеклом: "Пронское областное управление сельского

хозяйства". Милости просим! Входи, Аннушка, входи, входите, Анна Андреевна,

вас ждут здесь, товарищ Гончарова!

— Я Гончарова. Вот вызов...

Непрезентабельный вид у товарища Гончаровой. Шинелишка. Серая,

потрепанная. Ушанка. Кирзовые сапоги. Словом, шел

солдат с фронта.

— Вы — агроном?

— Агроном.

— В Пронске кончали техникум?

Кажется, ей не верили — ни в то, что она агроном, ни в то, что она

училась именно здесь, в Пронске.

— Одну минуточку...

Заглянули в один шкаф, в другой, там полно всяких бумаг, папок. Не все

сторело во время войны, сохранилось еще много бумажек, целы архивы, целы

люди, целы их должности, звания, права.

— Пройдите к начальнику...

Кабинетик начальника управления похож на клетушку; в старину в

купеческих домах в такие клетушки запихивали приживалок да сундуки со всяким

тряпьем.

Сам начальник в выцветшем кителе, лицо серое, бескровные губы жестко

сжаты, большие руки широко раскинуты, словно держатся за стол.

Начальник бросил на вошедшую быстрый взгляд.

— С фронта?

— Точно.

— Где служили?

— В стрелковой роте.

Он опять бросил на нее испытующий взгляд.

— Соскучились по земле?

Анна не нашлась что сказать.

— Я тоже фронтовик, — вдруг сказал он. — Только я и на фронте копался в

земле. Сапер. Командовал саперным подразделением.

Тогда Анна позволила себе поинтересоваться:

— А сюда что — отозвали?

— Да, — отрывисто сказал он. — Восстанавливать. Разорена наша область.

Ни скота нет, ничего.

Анна знала его. Никогда раньше не видела, но

знала. Фамилия начальника

— Петухов. Это был знаменитый агроном. Не так чтобы известный повсюду, но в

Пронской области знаменитый. Картошка, которую он выращивал в своем колхозе,

славилась в Пронске. Ее так и называли — "петуховская". Крупная,

рассыпчатая, розоватая, как боровинка. На базаре продавцы всегда заверяли

покупателя, что картошка их "петуховская".

Анне не понятно, почему Петухов пошел сюда. Такому человеку не стоило

сидеть за письменным столом, такой человек должен ходить по земле.

— Бывали в Суроже? — спросил он.

— Нет...

Она поняла, что Петухов пошлет ее в Сурож.

— Пошлем в Сурож, — сказал он. — Там очень плохо. Город выжжен, в

колхозах пусто. В райсельхозотдел. Главным агрономом.

Он не спросил ее согласия, вообще ничего не спросил — ни кто она, ни

как она, что — то оскорбительное было в его отрывистом, торопливом разговоре.

— Семья есть?

— Дочка.

Он опять сердито взглянул на Анну.

— Фронтная?

— Нет, еще с до войны.

Она могла бы не отвечать, сказать какую — нибудь резкость — какое ему

дело до ее жизни? — но почему — то решила промолчать.

Петухов опять на нее взглянул, ей показалось, что глаза его потеплели.

— А муж?

— Убит.

— С квартирами плохо в Суроже, — сказал он. — Только — только начинают

строить. Но ничего, найдете.

Петухов задумчиво посмотрел в окно.

— Сходите, поговорите с Волковым, — помолчав, посоветовал он. —

Познакомьтесь. Главный агроном управления. Понимающий мужик. Есть и опыт и

воля... — Петухов чего-то недоговаривал. — Но не очень подчиняйтесь ему, —

неожиданно сказал он. — Больше доверия. Больше доверия...

Анна не поняла, к чему относятся эти слова.

— Ну идите, — сказал он и криво усмехнулся. — Извините, не провожаю.

Анна вышла от Петухова с каким-то тягостным чувством, словно человек

этот чего-то недосказал.

Она осмотрелась. На всех дверях надписи — кто где находится, какой где

отдел. Нашла дверь с фамилией Волкова, постучала.

— Заходите, заходите, — услышала она звучный, ласковый голос.

Комната и попросторнее и посветлей кабинета Петухова. У стены блестел

диван, обтянутый зеленым новеньким дерматином. У окна веселым часовым

выпрямился длинный фикус, поблескивая чистыми глянцевыми листьями. На столе

лежали образцы свеклы и аккуратные снопики льна.

Сидевший за столом человек соответствовал своему кабинету. Он был хоть

и не молод, но моложав, над открытым лбом вились русые волосы, лоб широкий,

белый, чистый, а пронзительные черные глаза не скрывают улыбки, готовой

вот-вот появиться на сочных губах.

— Заходите, заходите, — приветливо повторил он, глядя на Анну. —

Агроном Гончарова? Мне уже говорили. Познакомились с Иваном Александровичем?

Замечательный человек. Суров, но в общем хороший. Надо было только сперва

зайти ко мне. Он куда вас направил?

— В Сурож, — сказала Анна. — Не хвалит, правда, но в Сурож.

— Ну вот! — воскликнул Волков. — Я говорю, надо было зайти ко мне. Там

ведь все еще... — Он с досады махнул рукой, вышел из — за стола, указал на

диван, сел рядом с Анной. — Мы бы вам нашли место в Пронске. А теперь...

— Я не возражаю, — сказала Анна. — Люди везде живут.

— Мы переведем вас, — ласково заверил ее Волков. — Получайте подъемные,

устраивайтесь. Подбросим семенного материала, дадим тракторов. Налегайте на

картошечку. Люди изголодались. Будет похлебка, будет и настроение...

Своей ласковостью он сразу обезоружил Анну.

— А знаете что? — воскликнул вдруг Волков, глядя на нее влажными

глазами. — Я устрою вам пару ульев!

Анна не поняла.

— Каких ульев?

— Обыкновенных, — объяснил Волков. — Лично вам пару ульев.

Анна так и не поняла.

— Зачем?

— Мед, мед! Как вы не понимаете? Будете иметь свой мед. Поставите

где —нибудь в колхозе, поручите кому —нибудь и будете со своим медом. Пшеница

— это еще как бог даст, а цветов...

Он так аппетитно говорил о меде, о цветах, что они невольно возникали в воображении.

Но Анна не столько поняла, сколько почувствовала, что от ульев надо отказаться.

— Спасибо, — сказала она. — Но я не возьму, не нужно. — Она смягчила

отказ: — Я боюсь пчел...

Волков засмеялся:

— Что ж вы за агроном? Кто ж отказывается от меда!

Но и не настаивал. Заговорил о сурожских почвах, об удобрениях, о севообороте. Посулил помочь семенами, но много не обещал. Обещаньями не разбрасывался, был деловит, даже прижимист.

— В случае чего обращайтесь, — сказал он на прощанье. — Чем смогу — помогу.

Обеими руками пожал ее руку, и сухие тонкие пальцы Анны сомлели в его пухлых и теплых ладонях.

Анна не собиралась больше заходить к Петухову — оформила документы, получила деньги, — но оказалось, он сам просил Гончарову зайти к нему еще раз.

Она вошла. У Петухова сидели какие — то люди.

— Вы можете подождать? — спросил он.

— Пожалуйста.

Она собралась было выйти.

— Нет, нет, — остановил он ее. — Посидите здесь.

Она села у двери, прислушалась к разговору.

Речь шла о

сельскохозяйственной технике, о ремонте косилок, изломанных во время войны.

Взгляд Анны задержался на карте области, потом скользнул по столу, на пол...

Удивилась... Не сразу сообразила — чему, но что — то поразило ее.

Перевела взгляд на Петухова, потом снова поглядела под стол. Она не понимала, как сидит Петухов. Где его ноги?.. Поджал под себя? Она уже не отводила взгляда от стола...

Он отпустил посетителей.

— Подсаживайтесь, — сказал он. — Познакомились

с Волковым?

Что — то все — таки озадачило ее в Петухове.

— Вы что на меня смотрите? — вдруг спросил он.
— Соображаете, как я обхожусь?

— То есть как обхожусь? — переспросила Анна. — Вы о чем?

— Да я же видел, как вы смотрели, — резко произнес Петухов. — А

смотреть — то не на что!

— Я не смотрела, — сказала Анна.

— Смотрели, — сказал Петухов. — Это я на mine подорвался.

Она вдруг поняла... Стыдно было таращить глаза под стол! Он был без ног

— этот Петухов.

— Извините, — сказала Анна.

— Ах, так вас не предупредили? — догадался он, видя ее смущение. — Да,

без ног. Подорвался на mine. Еще удачно. Голова цела.

Анна видела много людей без ног, но безногого начальства видеть ей еще

не случалось.

— Ну что? — быстро спросил Петухов. — Что хотите спросить?

— Но как же вы... — Неудобно спрашивать, но он сам заставлял. — Как же

вы...

— У меня хорошая жена, утром привозит, а вечером увозит, — объяснил он

и даже усмехнулся. — Скоро избавлю ее. Обещают протезы.

Она не знала, что сказать, и не знала, надо ли вообще что — либо

говорить, молчала и смотрела себе на коленки.

— Ну, а как вы — собираетесь заводить пчел или нет? — неожиданно

спросил Петухов.

— Нет, — сказала она и улыбнулась. — Нам бы картошечки...

— И правильно, — жестким голосом произнес Петухов. — Вы правильно поступаете, товарищ Гончарова. Больше доверия. Себе.

III

Сыпал мелкий сероватый снежок, когда Анна приехала в Сурож. Над городом висело низкое сумрачное небо, натоптанные тропинки расплзались в грязь, до рогу то тут, то там перерезали глубокие колеи.

Домишки стояли кособокие, приземистые, бурые от дождя и непогод, располагались как — то поодиночке, каждый сам по себе, точно кто — то нарочно разбросал их подальше один от другого.

В Пронске Анна слышала, что Сурож не раз во время войны горел, что немцы его беспощадно бомбили, да и партизаны не один раз обстреливали, выбивая немцев из города.

Однако ни развалин, ни пожарищ, ни воронок уже не было. Просто пусто и голо, точно никогда и ничего не было здесь, кроме редких невзрачных домишек.

Анна нашла аптеку, свернула за угол и пошла по узкой улочке в гору.

В Пронске ей объяснили, как найти районный отдел сельского хозяйства:

"От аптеки за угол и вверх"...

Вот и цель ее путешествия. Какой — то полутораэтажный дом, хоть и состоит

он из двух этажей — нижний, из кирпича, глубоко вдавлен в землю. В нижних

окнах герань, фуксии, столетник, занавесочки — там обитают люди, в верхних —

ни цветов, ни занавесок, невеселый, водянистый блеск,

там — учреждение.

К скособоченной, покрашенной суриком двери приколочена фанерная дощечка, на ней надпись: "Райсельхоз сзади".

Анна поднялась по трясущимся ступенькам, и перед нею возникла обычная канцелярия. Столы, стулья, шкафы. Счеты. Служащие. Служащие сидели за столами, писали, считали, разговаривали. В комнатах неуютно, но чисто. Не столько от стремления соблюсти чистоту, сколько от пустоты. Пусто и одиноко чувствовал себя человек в этих комнатах.

Заведовал отделом Александр Петрович Богаткин. О нем хорошо говорили в областном управлении. Старый, опытный агроном. Поможет, поддержит, посоветует.

Анна поискала глазами и не нашла кабинета заведующего. Все двери открыты, надписей нет. Богаткин сидел, вероятно, за одним из столов, но — за каким?

Она обратилась к девушке, занятой графлением бумаги.

— Товарищ Богаткин здесь?

— А где ж ему быть!

Девушка указала комнату, за порогом которой сидел товарищ Богаткин.

Он понравился Анне. Скромный человек в дешевом костюмчике, с темным галстучком, он сидел и крутил ручку арифмометра.

— Садитесь, девушка, садитесь, — сказал он. — Я сейчас.

Старомодные очки в тонкой металлической оправе не скрывали рассеянного взгляда добрых голубых глаз.

— Вы ко мне? — спросил он, не отрываясь от арифмометра, точно это не очевидно.

— Я из Пронска. Направлена к вам на должность главного агронома.

— Замечательно, — сказал Богаткин. — А то мы совсем зашились. — Он

отставил от себя арифмометр. — Надеюсь, вы агроном?

— Разумеется. Кем же я могу еще быть?

— Не скажите, — возразил Богаткин. — Не всегда агрономами посылают агрономов. Тут у нас был один...

Он не стал вдаваться в подробности, кто у них был, встал, прошелся возле стола.

— Мы внесем ваш стол ко мне в кабинет, здесь теплее, — объяснил он. —

Топят у нас плохо, дров мало.

Богаткин помолчал, задумчиво посмотрел в окно и вздохнул.

— Погода... — задумчиво произнес он. — Чем-то еще она нас порадует.

Анна ждала, что расскажет он о районе, но Богаткин, по-видимому, не намерен был затевать сейчас деловой разговор.

— Сегодня отдохнете, а завтра на работу.

— Можно и не отдыхать.

— Семьи у вас нет? — спросил Богаткин, как нечто само собой разумеющееся.

— Есть.

— Где ж вы поместитесь? — участливо спросил Богаткин. — У нас тут худо с жильем.

— Да уж как-нибудь. У меня только дочка, да и та еще на Кубани.

— Ну, это легче...

Он опять встал, вышел и тут же вернулся.

— Ходил узнать насчет комнаты. Есть тут одна женщина, Ксенофонтова. Сын

у нее механиком в МТС работает. Сдается у нее комнатка...

Он сам взялся проводить Анну, довел до

Ксенофонтовых, можно сказать,
сосватал ей комнату.

Комнатушка темная, узкая, перегородка,
отделявшая ее от хозяйских
комнат, не доходила до потолка, но в последнюю
военную осень и такая комната
была в Суроже находкой.

— Ладно, — сказала Ксенофонтова. — Верю, что
агроном, хоть и не похожа

на него. Больше пускаю из — за дочки, жалею детей.
О плате договоримся,
жадности не люблю ни в людях, ни в себе...

Она помогла Анне устроиться, поставила койку,
поприветила жиличку,
поделилась с ней даже бельем, и наутро Анна с
успокоенным сердцем пошла из
этого дома на работу.

IV

Анна понять не могла — как это получается? Не
все ли равно где
работать? Оказалось — не все равно.

Не так — то уж плохо было ей на Кубани, работа у
нее была "под ногами не
валяется", не будь она фронтовичка, не направили бы
ее в плодородческий
совхоз. Ходи знай указывай, как окучивать деревья,
уничтожать вредителей,
убирать урожай, собирать фрукты в корзины...

Ан нет, потянуло домой. Картошка в Пронске,
оказывается, вкусней, чем
яблоки на Кубани. Она раньше не понимала, до
чего ж дороги ей родные
пронские земли, как не понимала когда — то мать,
которая говорила отцу: "Вези
куда хочешь, а лежать хочу в своей, в родительской, в

пронской земле".

Анна аккуратно ходила в свой райсельхоз. Она быстро привыкла ко всем и

во всех находила что-то хорошее. Богаткин был добрый человек, только

какой-то заполошный. Его часто вызывали то в райком, то в райисполком.

Прибегал оттуда — лица на нем не было, начинал на всех кричать, а больше на

самого себя. И очень любил заставлять сотрудников подсчитывать будущие

урожаи. Если запашем столько-то и столько-то га и засеем такими-то и

такими-то культурами и если будут такие-то и такие-то климатические условия,

сколько соберем с гектара? Он тонул в бумажном потоке и не пытался из него

выбраться.

Девушки из отдела делились с Анной своими секретами. Рая ругала

Богаткина за то, что он заставляет работать по вечерам. Зина хотела выйти

замуж, но не знала за кого. Обе они очень интересовались, когда же Анна

привезет в Сурож дочку.

Самым невозмутимым человеком в отделе был бухгалтер Бахрушин. Высокий,

красивый, он говорил меньше всех, делал свое дело, а агронома в шинельке

просто не замечал.

Богаткин сразу оценил Анну. Если требовалось подготовить решение,

Богаткин сажал на проект Анну.

Она сочиняла решения, составляла таблицы, "подбивала" сводки...

Как-то попросила послать ее в какой-нибудь колхоз.

— Чего вы там не видели? — удивился Богаткин.

— Они лучше нас с вами

разбираются в своих делах.

И не пустил. Он уже не мог обходиться без Анны.

За несколько месяцев она постигла всю механику бумажного руководства.

Писать, писать, писать. В этом заключалась работа. Не так уж важно, что писать, важно было писать. Спрашивать, запрашивать, изучать, и обязательно в письменном виде. К ним писали из области, из министерства. Они писали в область. Писали в колхозы. Нескончаемым потоком шли запросы, инструкции, циркуляры. Война не кончилась, а люди погрузились уже в писанину.

Она уставала за своим столом больше, чем если бы работала в поле.

Приходила вечером домой, в глазах серым — серо, все сливалось в серый туман, да и дома было не веселее.

Ксенофонтовы были простыми людьми. Сама Евдокия Тихоновна всю жизнь работала на шпигатной фабрике. Мужа потеряла еще до войны, одна вырастила и поставила на ноги сына.

Грише Ксенофонтову всего семнадцать, но он уже два года работал на МТС.

Почему — то все считали, что работает он механиком, хотя на самом деле работал токарем. Просто у него был талант к механике. Отработав свое, Гриша оставался ремонтировать тракторы, комбайны, косилки. Все, что нуждалось в ремонте. Он не получал за это никаких денег, разве что изредка его благодарил тот, за кого он оставался работать. Но Гриша и не ждал благодарности, он трудился из любви к делу.

Дома Гриша вел себя как взрослый мужчина. Возвратясь с работы, умывался, садился за стол, ждал, когда мать подаст ему ужин, потом ложился,

закуривал папиросу и... засыпал.

По — детски он только вставал. Мать не могла его добудиться.

— Гриша, Гриша! Уже гудело...

Проснуться он не мог. Потом вскакивал, взглядывал на часы, совал в

карман несколько холодных картофелин — и был таков!

К Анне Гриша относился так же покровительственно, как и к матери. Он был единственным мужчиною в доме.

Анна ложилась и, несмотря на усталость, подолгу не могла заснуть, до

того ей было тоскливо и одиноко. Женечка далеко, и страшно привезти ребенка

в это неустройство.

Вслух она вспоминала дочку редко, но Евдокия Тихоновна угадывала ее мысли.

— Чего ты томишься? — обращалась она вдруг к Анне без видимой причины.

— Вези, не пропадешь, воспитала же я Гришку...

Но Анна никак не могла решиться, все ей казалось, что у тетки Женечке лучше.

Утром она опять шла в свою канцелярию и вместе с Богаткиным погружалась в поток цифр.

Оживление пришло с весной. Война близилась к концу. И — кончилась. Наши

взяли Берлин. Не прошло после капитуляции немцев и нескольких дней, как все

изменилось в Суроже. Везде начали строиться. Понемногу строились в течение

всей зимы, но так буйно строиться начали только с мая. Новенькие срубы

появлялись то тут, то там. Как грибы после дождя. Сурож оживился, повеселел.

Постукивали молотки, шуршали, повизгивая, пилы. Весна пахла сладкой сырой стружкой. Анна всей грудью вдыхала этот запах.

Себе она купила новое пальто. В райпотребсоюз привезли партию верхней одежды, и Богаткин принес из райисполкома записку, чтобы Анне продали пальто прямо со склада. Она выбрала самое дорогое, мягкого синего драпа, свободного покроя, без пояса, с широкими рукавами. Там же на складе купила голубую косынку, туфли... И вдруг заметила, что на нее стали обращать внимание.

Как — то почтительнее стал обращаться к ней Богаткин, начал первым здороваться

Бахрушин, принялся чуть не каждый день заходить инструктор райкома партии

Сухожилов. Девушки в отделе уверяли, что Сухожилов зачастил ради Анны. Она не верила, и все же было приятно, что так говорят.

Ко всему, что касалось ее лично, Анна относилась безучастно. Так вели

себя люди после тяжелых контузий. В ней была какая — то вялость, ничего не

хотела она для себя. Она была ушиблена войной. Ей казалось, что после Толи у

нее уже не может быть никого. И все — таки, когда с окончанием войны все

вокруг ожило, и в самой Анне что — то начало пробуждаться...

Одолевали всякие мысли. Уж очень однообразно шла ее жизнь. Служа да

нужа, служа да нужа, все то же и без конца. Лежишь, лежишь, а думы жалят, как комары...

С вечера Евдокия Тихоновна натапливала печь чуть не докрасна, Анну

размаривало, клонило в сон, но тепло вскоре выдувало, и под тонким байковым

одеялом становилось холодно и одиноко.

Женечку бы под бок, прижать, пригреть, да и самой пригреться...

Как — то живет без нее ее доченька? Не обижают ли

ее?..

Вспоминалось, как рассталась, как встретила с Женечкой...

Домик уютный, беленький, чистенький.
Украинская глинобитная хатка,

каких множество в кубанских станицах. Тетя Клава оказалась молодой еще

женщиной, приветливой, крикливой, надоедливой.

— Ох ты, Толечка, мой дорогой! Ох ты, Нюрочка, моя дорогая! Ох ты,

внучечка моя... Подумать только! Мне бы самой еще замуж, а я бабушка!

За домом рос садок. Вишни, абрикосы, груши. Вдоль плетня цвели мальвы.

Войны здесь еще не было. Здесь были — мир, сад, абрикосы.

Толя оставил жену и дочку на попечение тетки. Не прошло недели, как

Анну отвезли в больницу. Надо же было простудиться в июле! Воспаление

легких. Всем было не до нее. Война приближалась семимильными шагами. Когда

Анна вернулась к тетке, в станицу уже доносились раскаты орудийных

выстрелов. Во время болезни у нее пропало молоко. Тетка кормила Женечку из

бутылки. Козьим молоком. Тетка говорила, что козье полезней коровьего.

Но еще раньше, чем до станицы донесся грохот орудийных раскатов, пришли

слухи о зверствах немцев. Евреи, коммунисты, офицеры... Все подлежали

истреблению. Истреблению подлежали семьи коммунистов, их жены, дети,

родители.

Тетка нервничала. Она хотела жить. Она еще собиралась замуж. Она с

опасением посматривала на Анну. Все знали, что Анатолий — офицер, летчик,

коммунист.

— Ты бы уехала, — сказала ей как-то ночью в темноте тетка. — Женю оставь, я ее выхожу.

Старики, подростки, девушки записывались в ополчение. Анна тоже записалась.

Батальон ополченцев увели в горы перекапывать дорогу, чтобы задержать продвижение немцев на Кавказ.

Горы, окопы, дороги. Началась и для Анны война. Грязь и кровь...

Анна вернулась в Белореченскую, демобилизованная после ранения, в начале 1944 года. Похудевшая, измученная, злая. Станица чернела в копоти.

Анна шла по улице с вещевым мешком на плече. Там консервы, сахар, галеты. Все для Женечки. Знакомой хаты не было. Дом сожгли. Сад вырубил.

Тетка жила в землянке среди корявых пеньков, торчавших на месте грушевых деревьев.

Война сильно изменила Анну, однако тетка ее признала.

— Нюрочка, на кого ты стала похожа?!

Она действительно была не похожа на себя.

— Где Женя?

Спустилась в землянку. На деревянном топчане сидела девочка, копошась в каком-то тряпье.

Тот, кто видел в войну дистрофиков, представляет, что это такое! Мало

сказать — кожа да кости. Кожа не походила на кожу. Серая, вот — вот готовая

порваться, нетелесная какая-то оболочка, и палочки вместо рук и ног. Скелеты

с полубезумными глазами, прячущимися в глубоких впадинах.

Дети были еще страшнее...

Из полутьмы девочка безразлично посмотрела на

мать.

Анна упала. Вещевой мешок потянул ее к земляному полу. На что тут консервы, на что сахар...

— Женечка, доченька...

Захотелось сказать что — нибудь обидное Клавдии, она еще раз взглянула на

Клавдию — и расхотелось говорить. Та сама была немногим лучше ребенка —

такое же изможденное лицо, такие же диковатые глаза в темных впадинах.

Тетка подняла Анну.

— Э — эх, Нюра, если бы ты знала, каково нам досталось...

Анна понесла дочь в больницу.

— Не переживайте, если ребенок не выживет, — безжалостно сказал врач. —

Вы молоды, будут новые дети...

— Я не выйду замуж, — упрямо произнесла Анна.
— Лечите. Лечите, как только можете.

— Отблагодарим, — добавила тетка.

— Попытаемся без благодарности, — сказал врач. — Попытаемся.

У Анны брали кровь и вводили дочери...

Ходить Женя начала месяцев через пять.

На работу Анна устроилась в плодородческий совхоз. Она брала с собой в сады Женю. Та бродила на неокрепших ножках между деревьев и грызла зеленые яблоки.

Тетка бегала к поездам. Торговать. Она торговала всем: вишнями, шелковицей, оладьями, яйцами. Купит на базаре курицу, сварит, суп сами

съедят, а курицу обжарит и несет на станцию. Постепенно тетка начала

поправляться. Помолодела, округлилась, стала поглядывать на мужчин.

— Ты бы, Нюра, попросила себе в совхозе квартиру,

— посоветовала тетка.

— Надо строиться, а без мужика не сладить.

Анна не находила себе места, все здесь напоминало Толю.

Анна писала на родину, писала знакомым, интересовалась, как идет в

Пронске жизнь, и вдруг получила вызов — Пронское областное управление

сельского хозяйства предлагало работу.

Ох, до чего ж соскучилась она по рассыпчатой пронской картошке и

квашеной капусте!

— Поеду — ка я, Клава, домой, — полувопросительно сказала тетке Анна.

— Чего лучше, — тотчас согласилась тетка.

— Не знаю только, как с Женечкой быть. На что еду — сама не знаю.

— Оставь, подсоблю. Освоишься, привезу. Или сама приедешь.

Так и порешили. Осенью Анна уехала на родину, в Пронск.

Чуть потеплело, она принялась слать тетке письмо за письмом. В каждом

письме просила привезти Женю. Евдокия Тихоновна усиливала ее нетерпение.

"Как же это можно родное дитя на отшибе держать?!"
Наконец тетка сообщила,
что едет.

V

На вокзале уже был порядок, всюду подметено, прибрано, только креозотом

пахло еще резче, чем в прошлом году.

Анна трижды прошла платформу из конца в конец, асфальт проминался у нее

под ногами, душно было и в тени. Нетерпение все

сильнее овладевало ею, и,

когда вдали появился попыхивающий паровоз, она с трудом удержалась, чтобы не побежать навстречу.

Четвертый вагон...

Вот и тетка с чемоданами в обеих руках, позади какая — то женщина с Женечкой.

Ох, до чего ж она худа да бледна! Совсем заморыш. В зеленом плюшевом пальтишке. Такого у нее не было. Мала не по возрасту. Не в отца и не в мать.

Спать хочет или в девочку вселилось такое равнодушие, что его уж ничем не истребить?

Тетка сразу увидела Анну.

— Ну, здравствуй, здравствуй. Доехали. Бери чемодан, одной трудно.

Носильщика не надо, справимся.

Анна схватила Женечку, прижала к себе.

— Дочуня, узнаешь?

Женечка молчала, но как будто узнала мать, тоже прижалась к ней испуганно и доверчиво.

Тетка засмеялась.

— Своя кровь!

Сама тетка раздобрела, помолодела, на ней габардиновое пальто и цветастая шелковая косынка, узлом стянутая на затылке.

Теткина попутчица приветливо посмотрела на Анну и застенчиво произнесла:

— Вот и свиделись...

— Бывайте здоровеньки, — вдруг сказала ей тетка. — Ходите. Теперь мы сами уже...

Тетка ничего не сказала обидного, но точно отбросила женщину от себя, та постояла с минуту и пошла прочь.

— Что — знакомая? — спросила Анна.

— Какое там, — безразлично отозвалась тетка. —
Смотрели друг дружке за
вещами... — Попутчица ее уже не интересовала. —
Ну куда, Ньюра? Показывай.

Как ты тут, обжилась?

Одной рукой Анна прижала к себе Женечку, другой
взяла у тетки чемодан —
чемодан был тяжел, точно набит камнями, — и пошла к
выходу.

За оградой ждала машина — грузовик из
Сурожской МТС. Шофер должен был
получить в Пронске железо, но директор МТС сказал,
что железо можно и не
получать, возьмут в следующий раз.

Анна из уважения посадила тетку рядом с
шофером, отдала ей Женечку,
хоть и не хотелось отдавать, а сама с чемоданами
забралась в кузов.

— Анна Андреевна, я захвачу человек двух? —
небрежно обратился к ней
шофер.

Анна понимала, вопрос задается только ради
проформы.

Он ушел искать пассажиров.

Вскоре в кузов набилось столько людей, что Анне
пришлось потесниться.

— За железом не поедem, — решительно заявил
шофер. — Ребенка мотать
ничего...

Шофер был в хорошем настроении — не зря сгонял
в Пронск машину — и всю
дорогу назад гнал грузовик с ветерком.

Платных пассажиров высадил при въезде в Сурож,
довез Анну до квартиры и
помог даже внести в дом чемоданы.

Тетка вошла в комнатушку Анны и поморщилась.

— Тесно...

Комнатушка и впрямь была тесна, тесна и бедна;
и узкая железная

кровать, и колченогий стол с подоткнутой под одну из ножек дощечкой, и жалкий комодик с флаконами из-под одеколона — все подчеркивало скудость средств и неустроенность обитательницы комнаты.

Анна обвела комнату взглядом, как будто увидела ее заново.

— Не все сразу, — сказала она. — Будут и хоромы, бог даст.

Тетка сразу почувствовала себя хозяйкой. Сняла пальто, повесила на

гвоздь, полезла в комод, сама нашла простыню, занавесила пальто, достала из

чемодана сало, лук, домашнюю колбасу.

— Угощай, Нюра, гостей, — весело сказала она. — Русские люди на пустой желудок не калякают.

Анна накрыла на стол, принесла самовар, пригласила к столу хозяйку.

— Тетя Клава, тетя Дуся, — познакомила она тетку с хозяйкой.

Тетка толстыми ломтями кромсала сало.

— Кубанское сальцо, угощайтесь!

В Суроже жили небогато, люди еще еле — еле оправлялись после войны, сало, да еще вдосталь, было в диковину.

Евдокия Тихоновна, натерпевшаяся и голода и холода за войну, выбрала

ломтик потоньше, осторожно положила на хлеб.

— Благодарствуйте, поберегу сыну.

— Да мы и сыну отвалим, — великодушно ответила тетка. — Вот привезла внучку...

Она опять критически оглядела комнату.

— Где же ты ее поместишь? — спросила тетка. — Тесно.

— В тесноте, да не в обиде, — недовольно возразила Евдокия Тихоновна. —

Нам в Суроже не до жиру.

— Не скажите, — возразила тетка, наевшись сала.

— Ребенок требует ухода.

Женечка сидела рядом с матерью и лениво жевала сало.

— А теперь по чашечке, — сказала тетка.

Она опять слезила в чемодан, достала кулек с урюком, щедрым жестом высыпала угощение на стол.

— Угощайтесь, угощайтесь, с чаем очень полезно. — Наложила сушеных плодов в стакан, подала стакан Анне. — Плесни — ка кипяточку. Распарятся, самый smak будет. — Подвинула стакан Женечке. — Угощайся, внучка.

Напившись чаю, тетка принялась выкладывать из чемодана подарки.

— Я вхожу в положение. Вот сальце. Поболе килограмма. Чернослив. Не уступит сочинскому. Килограмма два. Урюк...

Она выкладывала кулек за кульком, горделиво поглядывая на хозяйку квартиры — мол, вот я какая!

— Прибери, — приказала она племяннице. — Тебе с твоей простотой без поддержки не обойтись, я ж понимаю.

Выложив подарки, тетка снова села к столу. Распаренная, сытая, уверенная в себе, она ласково смотрела на собеседниц.

— А как тут у вас с сухофруктами? — вдруг спросила она, не обращая ни к кому порознь. — Как тут у вас с сухофруктами, спрашиваю?

— С какими сухофруктами?

Анна удивилась, а Евдокия Тихоновна вовсе не поняла вопроса.

— Ну, компот, компот, — нетерпеливо пояснила тетка. — Есть на базаре

сухофрукты? В ваших местах сухофрукты должны быть в цене!

Носком туфли она притронулась к чемодану.

— Полтора чемодана привезла, расходы оправдать.
Евдокия Тихоновна задумчиво посмотрела на гостью.

— Нет у нас сухофруктов, — скучным голосом сказала она. — Детский продукт...

— А ты, Нюра, не примечала? — обратилась тетка к племяннице.

Анна отрицательно покачала головой.

— Не хожу я на базар.

Тетка решительно встала, оделась.

— Пойду сама погляжу.

Анна убирала со стола. Почему — то стало неудобно перед хозяйкой. Анна

насыпала на тарелку урюк, положила сала.

— Возьмите, тетя Дуся.

Хозяйка кивнула на выходную дверь, испытующе взглянула на квартирантку.

— Не заругается?

— Берите, берите.

Тетка вернулась под вечер, довольная и веселая.

— Все лавки обошла, хоть шаром покати, — похвасталась она. — Не

поступает сухофрукта в продажу, по детским домам да по больницам расходится.

Соскучился народ по фрукте, выноси на базар — с руками оторвут. Не знаю

только, почем продавать. Урюк, конечно, подешевле, а вот курагу...

Она вслух прикидывала, по какой цене продавать свою сухофрукту,

подсчитывала прибыль, говорила о черносливе с такой теплотой, будто

чернослив этот был предметом ее самой пылкой любви.

— Я тебе, Нюра, посылки буду сюда посылать с фруктою. Я тебе найду

здесь людей, самой, конечно, как агроному, неудобно на базаре стоять, а

вечером посчитаешься честь честью, себе процент возьмешь и мне переведешь. А

то, еще лучше, что из промтоваров пришлешь, я тебе напишу что...

Легли спать, а она все говорила и говорила, и даже тогда, когда ее речь

сменилась монотонным посвистыванием, Анна долго не могла заснуть.

Тетка проснулась спозаранок, но Анна была уже на ногах.

— Чуть не проспала... — Тетка зевнула, потянулась.
— Пойду...

— Нет, Клава, — жестко сказала Анна. — Никуда вы не пойдете.

— Как не пойду? — удивилась тетка, садясь на кровати. — Меня люди ждут!

— Не пойдете, — повторила Анна. — Незачем.

— Ты мне не указчица! — вспылила тетка. — Сама знаю, что делать.

— Нет, Клава, — сказала Анна. — Я здесь агроном, мне людей совестно,

думаете — не станет известно, кем вы мне приходитесь?

— А ты уж и засовестилась? — язвительно спросила тетка.

Анна посмотрела на тетку.

— А что ж вы думаете?

Тетка не ответила, молча встала — она была словоохотлива, ей трудно

было молчать, — сходила умыться, оделась, взяла чемодан и молча пошла к

двери.

— Вы куда? — спросила Анна, в ее голосе прозвучала угроза, — спросила

так, что тетка вынуждена была остановиться.

— На рынок, — ответила тетка, стараясь говорить как можно независимее.

— Не пущу...

Анна не сказала больше ничего, но тетка поняла, что пойти ей на рынок

не удастся, в тоне Анны звучало что-то такое, с чем тетка не могла

совладать.

— Да у меня и денег на дорогу не хватит, — несмело проговорила она, робея почему — то перед племянницей.

— Добавлю, — сказала Анна. — Доедете.

Тетка нерешительно потопталась на месте, посмотрела на спящую Женечку и неожиданно всхлипнула.

— Когда дочь оставляла — не принципиальничала!

Для тетки это было трудное, малодоступное слово, но она нашла его

где-то в глубинах своей памяти и правильно употребила, вложив в него достаточную долю иронии.

Анна тоже задумчиво посмотрела на дочь.

— Я ведь не гулять от нее ушла...

— Да ведь и я брала ее не на радость, — сказала тетка. — Самой жрать было нечего.

— Я расплачусь, — тихо сказала Анна.

— Вот и расплачивайся, — сказала тетка. — Мне тоже надо наверстывать, что за войну потеряла.

— Только не так, — сказала Анна. — Торговать я вам в Суроже не позволю.

— Так люди мне еще спасибо скажут... — Тетка кинула на Анну пытливый взгляд. — Схожу на рынок?

— Нет, — сказала Анна. — Я вам на чужом горе наживаться не дам.

Тетка зло посмотрела на Анну.

— Неблагодарная ты!

— Ладно.

— Уеду. Сейчас же уеду.

— Ну что ж...

Тетка подхватила чемоданы.

— Подавись ты моим добром!

— А вы не волнуйтесь, — негромко сказала Анна. — Ваши кулечки я обратно сложила. Что вчера съедено, того не вернешь,

конечно, а остальное в
чемодане.

— Сам не дам и другому не дам? — Тетка
остановилась на пороге, тряхнула
чемоданами. — Автобусы у вас ходят?

— Ходят.

Тетка еще раз тряхнула чемоданами.

— Хоть донести помощи, тяжело ведь!

— Это я могу...

Анна взяла у нее из рук один из чемоданов.

— Ну спасибо тебе, Нюлочка, — высказалась тетка
еще раз. — Добро — оно
всегда забывается. Пеняй потом на себя, хлеб за
брюхом не ходит...

Анна не хотела отвечать. Довела тетку до
автобусной остановки, внесла

чемодан в автобус, сунулась было в карман за
кошельком — она ж обещала тетке

дать на дорогу, — но та заметила ее движение и
сердито махнула рукой.

— На свои доеду, не нужно.

Анна кивнула ей — ладно, мол, и выпрыгнула из
автобуса. Выпрыгнула и

только что не побежала домой — Женечка могла вот —
вот проснуться.

В сенях навстречу ей вышла хозяйка.

Они встретились глазами.

— Проводила? — спросила Евдокия Тихоновна.

— Проводила.

— Ну и не расстраивайся, — сказала ей Евдокия
Тихоновна. — Компот

сладок, только уважение от людей слаще того компоту.

VI

Видеть Петухова Анне пришлось еще лишь один
раз. В самом начале 1946

года Богаткина и Гончарову вызвали на совещание в Пронск.

Анна и Богаткин приехали в управление прямо с поезда, было еще рано, немногие опередили сурожцев, но Петухов уже сидел в единственном стоявшем за столом кресле, поставленном, вероятно, специально для Петухова.

Анна увидела его и ужаснулась, это был другой человек, осталась лишь половина того Петухова, которого она видела год назад, — он как бы уменьшился в размерах, еще больше похудел, посерел, сморщился.

К удивлению Анны, он узнал ее.

— Эй, Сурож, Сурож! — позвал Петухов хрипловатым глухим голосом. —

Агроном из Суροжа, подите — ка сюда...

Руки Петухова лежали на столе, он повернул кверху худую большую ладонь, и Анна положила на нее свои пальцы.

— Как вы там? — Петухов слабо пожал ее руку. — Не обижают?

Анна улыбнулась.

— Кто меня обидит? Я сама любого обижу...

Но Петухов не улыбнулся в ответ.

— Правильно, — серьезно произнес он. — Не давайте себя обижать...

В совещании участвовали представители многих областных организаций.

Петухов был не мастер говорить речи, но было видно, что он знает, чего хочет

от людей. Он беспощадно обрывал каждого, кто увлекался общими словами.

— Вы мне о всемирно-исторических победах не толкуйте, — останавливал он

оратора. — Вы скажите лучше, сколько вы тракторов отремонтировали?

Оратор начинал говорить о тракторном парке, о недостатке запасных

частей...

— Сколько, сколько? — перебивал Петухов. — У вас всего четыре трактора да ваш язык на ходу, а вам известно, что в колхозе "Авангард", в овраге за кузницей, лежат в земле три ящика с запасными частями, закопанные перед приходом немцев?

Можно было подумать, что этот безногий человек самолично обошел все поля своей области. Он злился, раздражался, грубил, но ему многое прощалось...

Волков ему поддакивал, соглашался, но нет — нет, да и поправлял. Петухов воплощал в себе бурю и натиск, а Волков был само благоразумие.

По существу, спор на совещании и шел между Петуховым и Волковым.

Петухов требовал засеять весь яровой клин.

— На себе пахать, а засеять!

— А убирать?

— Уберем!

— Людей мало, сеять надо столько, сколько сможем убрать...

Анна жалела Петухова. Женским своим сердцем она понимала, как нейметя

ему на поруганной пронской земле собрать золотой урожай.

— Разбазарили землю, роздали по рукам, трудодни начисляются всем

подряд, — отрывисто говорил Петухов. — Опять стали жить хуторами. Объединять надо мелкие хозяйства, сливать...

— Все это правильно, Иван Александрович, — соглашался Волков. — Но под

носом у себя еще кое — как ковыряются, а на большом поле — поди уследи! Подъем

экономики обеспечит и рост общественного самосознания. Закон экономического

развития. Этап за этапом. Нельзя перепрыгнуть через самих себя.

— Ладно, — сказал Петухов. — У нас не теоретический спор. Вот что, товарищи из районов. Чтобы через две недели по каждому колхозу был план севооборота. Списочки инвентаря и тягла. Все как есть! Не считайте тракторов, которые бездействуют, и не прячьте лошадей, на которых ездите на базар...

Анна видела, она хорошо видела, что Петухов умирает. Достаточно было вспомнить, каким был он год назад, чтобы понять, что ему остались считанные дни. Анна встречала таких людей на фронте. Смертельно раненные, они в упор, до последнего патрона били по врагу. Маленький, сморщенный, жалкий, не то сидел, не то стоял этот обрубок человека в своем кресле и неистово боролся за урожай. За урожай, который ему не придется собирать.

После совещания Петухов задержал Анну:

— Товарищ Гончарова, вы не очень спешите? Оставайтесь. Поговорим.

Все уже расходились. Кто — то торопился на поезд, кто — то спешил домой.

Анна остановилась.

Вместе с ней к Петухову подошел Волков.

— Вы идите, Геннадий Павлович, — сказал Петухов. — Хочу потолковать с агрономом Гончаровой. О ее делах.

Волков неуверенно взглянул на Петухова.

— Я не спешу. Побуду с вами, пока придет Ольга Антоновна.

Он стоял, спокойный, здоровый, сильный. Анна не понимала, почему ей кажется, что он точно заискивает перед больным, щедушным и плохо владеющим

собой Петуховым.

— Не надо, — ответил Петухов, раздражаясь.

Волков недоверчиво поглядел на Анну.

— Остаетесь?

Он пожал руку Петухову и Анне и спокойно, не торопясь, пошел прочь из комнаты.

Под потолком светились два белых матовых шара, теснились сдвинутые

стулья, на скатерти валялись скомканные записочки, и посреди этого

беспорядка один как перст торчал над столом Петухов.

— Да-а... — неопределенно протянул он, не глядя на Анну.

Должно быть, ему было не по себе, и она вдруг поняла — от него исходило

ощущение отрешенности от окружающего, должно быть, Петухов понимал, что он

уже не жилец на этом свете.

— Садитесь, — спохватился он.

Анна послушно села. Два белых матовых шара спокойно светились над их

головами. Петухов придвинул к себе папку, полистал бумаги.

Анна думала, он будет говорить с ней о работе, о Суроже, о положении

сурожских колхозов. Но Петухов молчал.

— Скажите, вы любите стихи? — неожиданно спросил он.

Анна не особенно любила стихи, всю жизнь ей было не до стихов.

— Не знаю, — задумчиво ответила она. — Может быть, Пушкина, Лермонтова.

А современных поэтов не очень люблю.

— И я, — сказал Петухов. — Я думаю, это потому, что тогда жизнь была

застойная. Движение было — Пушкин, Лермонтов. Они двигали жизнь. А теперь

поэты — разве они движут жизнь?

Он еще полистал бумаги, вытянул листок с

цифрами, покачал головой,
глядя на цифры.

— Вы сколько тракторов просите? — спросил он.

— Двадцать, — сказала Анна. — Хотя бы двадцать, — поспешно добавила она.

— Не дадим, — твердо произнес Петухов. — Всем надо. Откуда я вам возьму

столько тракторов? — Он холодно посмотрел на Анну.

— Во всем должна быть

справедливость, — добавил он, и это относилось не только к тракторам.

Анна видела — спорить с ним бесполезно.

— Очень вам плохо в Суроже? — вдруг спросил он.

— Да нет, не так чтобы очень, — сказала она. — Жить можно.

— Жить везде можно, — сказал Петухов. — А нужно, чтобы жилось хорошо.

Всем. Для этого мы и живем. — Он опять спохватился. — Ну, а что у вас там

вообще? — деловито спросил он. — Вы не стесняйтесь, рассказывайте.

Анна собралась с мыслями. Принялась говорить об удобрениях. С вывозкой

на поля навоза в районе дело обстояло хуже всего, тягла не хватало,

минеральных удобрений поступало недостаточно.

— А вы выберите отдельные участки, убедите хороших людей, а осенью

поощрите их, когда соберут урожай, — посоветовал Петухов. — Сразу всех не

заставите, да всех и невозможно заставить. Покажите образец. Люди боялись

летать, их невозможно было бы оторвать от земли, если б не два — три

смельчака...

В первый раз за весь вечер он улыбнулся.

— А как у вас с антифрикционными сплавами? — спросил он.

— Какими? — Анна растерялась. — Я не знаю...

— Баббита хватает?

— Какое! Просто даже не знаем, что делать.

— Что ж вы за агроном, если не знаете, как делаются подшипники? —

упрекнул ее Петухов. — Агроном должен знать все, с чем сталкивается. Во

всяком случае, много знать. Баббита мы вам дадим, — добавил он. — Не обидим.

Только пашите. Подумайте о свекле. На корм.

— Свекла у нас не растет, — возразила Анна. — Мы лучше картошку.

— Неправда, — сказал Петухов. — Вы попробуйте. Картошка вас не спасет.

Анна удивилась.

— Это вы говорите? Да ваш картофель...

— Отжила петуховская картошка. Петухов вчера был хорош, а сегодня...

— Волков? — нечаянно вырвалось у Анны.

— Нет, — сразу отрезал Петухов. — Вы! Вам сегодня работать. У Волкова

всегда все будет хорошо, только без боли не родить...

Он поморщился, точно у него в самом деле что-то внутри заболело, и Анна

опять увидела, какой он маленький и несчастный. Он стал удивительно похож на

Женечку, какой она была после возвращения Анны с фронта, — такое же узкое

сморщенное личико, такая же хилая фигурка, и ей стало жаль Петухова, точно

перед нею был ее собственный истерзанный дистрофией ребенок.

Он все морщился, морщился...

— Вам плохо? — спросила Анна.

Петухов отрицательно покачал головой:

— Нет.

Может быть, ему в самом деле не было больно, может быть, просто мысли

не давали ему покоя.

— Вы любите деревню?

— Я не задумывалась об этом, — ответила Анна. —

Конечно, я люблю свою
родину...

— Нет, деревню, — поправил Петухов. — Весну с пробуждающейся травой,
лето с его цветами, снежную пелену зимой...

Петухов озадачивал Анну.

— Это вы опять о стихах?

— Вы не понимаете, — возразил он. — Это чисто агрономический вопрос.

Весной я считаю, сколько стеблей прорезалось на квадратном метре, летом мне
нужно то солнце, то дождь, а зимой я занят снегозадержанием. Это утилитарный
подход. Хотя, впрочем...

Он опять недоговорил. В этот вечер он вообще недоговаривал. Ему многое
не удалось сказать.

— Почему вы стали агрономом?

— Не знаю, — сказала Анна. — Легче всего было поступить в
сельскохозяйственный техникум. И, должно быть, все —
таки я люблю деревню.

— Землю, землю, — поправил Петухов. — Вы агроном. Вы должны любить
землю. Она сторицей отдаст, если ее любить.

Где-то хлопнула дверь, а может быть, и не
дверь. Что-то стукнуло и
смолкло. Было тихо, и снег запорошил окна.

— Когда я умру, — сказал Петухов, — я хочу,
чтобы меня обязательно
закопали в землю. Я не хотел бы, чтобы меня сожгли.

Я биолог, и меня
нисколько не пугают ни тлен, ни могильный сумрак,
ни черви. Естественный и
справедливый процесс. Мы состоим из тех же
химических элементов, что и все в
природе. Вы прислушивались когда-нибудь, как растет
трава? Это и наш голос в
ее шелесте. Прислушайтесь...

Петухов смотрел куда-то сквозь Анну, но сама

Анна смотрела на Петухова.

Ее озарило как молнией: в его глазах было столько задора, что его нельзя было жалеть, он не нуждался в жалости, он продолжал черпать жизнь полной мерой.

И вдруг он опять, в который уже раз, спохватился и виновато посмотрел на свою собеседницу.

— Извините, — сказал он. — Разговорился. Должно быть, жена уже пришла за мной. Слышит, что кто-то есть, и не заходит. Посмотрите, пожалуйста.

Анна выглянула в коридор. Там сидела молодая женщина, высокая, полная, статная, с малиновыми губами, с соболиными бровями, настоящая русская красавица.

— Вы за Иваном Александровичем? Он ждет...

Женщина легко поднялась, кивнула Анне, на минуту скрылась и пошла в кабинет, катя перед собой кресло на колесах, в каких возят паралитиков.

Анна воображала, что у немощного Петухова и жена должна быть ему под стать, какая-нибудь изможденная, маленькая женщина, которая несет посланный ей судьбою крест. А такая мешок с зерном пудов в пять поднимет — плечом не поведет. Такой жить да жить. Косить да жать, да ребят рожать. Муж для такой только в сказке есть...

А она подвезла к столу кресло и спросила:

— Устал, Ванечка?

— Ничего, — сказал он. — Отдохнем.

Жена Петухова не посмотрела даже на Анну, точно ее не было в комнате, обняла Петухова за плечи и легко, совсем легко, точно она и вправду привыкла таскать мешки с зерном, перенесла Петухова в кресло.

Она помогла Петухову одеться, заботливо подоткнула со всех сторон и плавно покатила перед собой.

— Всего хорошего вам, — сказал на прощанье Петухов. — Пишите, если что.

Да и сами себя в обиду не давайте.

— Всего хорошего, — повторила его жена. — Слаб, слаб, а драться до смерти любит...

Она засмеялась, и так с этим смехом они и исчезли в зимней ночи.

VII

На смену промозгой, дождливой осени пришла суровая, снежная,

бессолнечная зима. Все тонуло в сугробах. Дома и срубы будущих домов,

заборы, кусты, бревна. Сурожь стала рано, ее занесло снегом, темнели только

тропинки через реку. Так и жизнь Анны была занесена снегом, лишь тянулись по

снегу извилистые темные тропки.

Сурожский район со многим походил на ее родной Завидовский район. Такие

же люди, такие же деревеньки, те же поля.

Анна подолгу задерживалась в отделе. Забот по району было много,

накапливались они по мелочам, как навоз во дворах, а поднять и вывезти было

не на чем.

Район был беден людьми. Беден район, бедны соседние районы, бедна вся

область. Война разметала людей, одних истребила, других разбросала по всей

стране, и лишь мало — помалу возвращались они к родным пепелищам. Надо было

заново поднимать к жизни истерзанный
неисчислимыми бедствиями край.

Вот они и возились в своем районном отделе, в
своем сельском хозяйстве

как муравьи. И Богаткин, и Гончарова. Все девушки,
все сотрудники и все те,

кто ходил и ездил из деревни в деревню, из колхоза
в колхоз, собирая

уцелевшую технику.

— Технику, технику, ребята! — замирающим
голосом обращался ко всем

Богаткин. — До последнего винтика, до гаечки...

"Техникой" назывался сельскохозяйственный
инвентарь, все машины и

орудия, тракторы и косилки, культиваторы и сеялки,
даже лопаты и грабли.

Искали бросовые машины, собирали заржавленные
обломки, из трех — четырех

испорченных механизмов составляли один, который с
грехом пополам вступал в

строй.

Собрать и восстановить технику! Собрать и
восстановить технику!..

Об этом ежечасно твердил Богаткин. Об этом
говорила Анна. Они вместе

накапливали ресурсы, и постепенно машины
оживали, готовые выползти на

затопанные поля.

Анна приучилась "бродить" по карте района. Не
везде она лично побывала,

не все видела, но про себя уже знала все уголья,
берегла в памяти все поля и

пажити, луга и леса. За все они с Богаткиным были в
ответе.

Возвращалась она с работы сердитая, истомленная,
голодная. Но домой

стремилась всегда. Дома горел огонек, у которого
она грелась. Женечка

встречала ее щебетом, игрушками, бесконечными
детскими просьбами...

Анна не знала, как благодарить Евдокию Тихоновну. Хозяйка частенько сердилась, бывала груба на язык, но для Анны оказалась едва ли не матерью.

Видно, от чистого сердца посоветовал Богаткин своей агрономше пойти на квартиру к Ксенофонтовым.

Детский сад выручал не всегда. Случалось, на весь день оставляла Анна

дочь на Евдокию Тихоновну, и девочка была и накормлена и присмотрена.

Даже Гриша Ксенофонтов, который смерть не любил, как он выражался,

незамужних баб, и тот притерпелся к новой жилище. Он долго посматривал на нее искоса. Но гостей у нее не бывало, сама только что на работу и домой, нос не задирала...

В отсутствие Анны он даже возился с Женечкой, напил ей в мастерской

кубиков, оставлял для нее сахар, который не часто бывал в ту пору у Ксенофонтовых.

Но спать дочку Анна укладывала сама. Она приносила ей то конфетку, то

картинку, играла с ней, пока Женечка не начинала клевать носом, умывала, раздевала и садилась баюкать.

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету,
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту...

Очень любил эту песню Толя.

От воспоминаний Анна защищалась книгами. Множество книг перечитала она

в первые послевоенные зимы. О Прянишникове и Докучаеве говорить нечего, без их помощи трудно было бы думать о севооборотах,

но и другие книги, не
имеющие отношения к ее работе, помогали ей жить.

Ее окружали герои Толстого и Тургенева, она
читала советских писателей

и переводные романы, ее внимание надолго
привлекли две ее тезки — Анна

Каренина и Аннета Ривьер, интересовалась она
историей — от греческих мифов

до антифашистских памфлетов, читала все, что
попадалось под руку, — мемуары,

жизнеописания, очерки...

Раньше она не представляла, что книги могут так
заполнять жизнь. Но она

была слишком привязана к жизни, чтобы очутиться у
них в плену. Судьба

сурожских колхозов волновала ее больше, чем любые
призрачные образы.

Лишь один призрак владел ее сердцем. Она не
хотела освободиться от его

власти.

Далеко за полночь гасила она свет, сон смежал
веки, хотелось только

заснуть, заснуть...

Гасила свет, ложилась в постель, закутывалась в
одеяло, и вдруг сон

убегал прочь. Посвистывал в трубе ветер. За окном
кто — то стоял и смотрел на

нее. Окно было запорошено снегом, на стекле
серебрился иней, но она

чувствовала — кто — то стоит и смотрит, смотрит...

Она очень хорошо знала, кто смотрит. Вспоминала
все, что пережила с

ним. Цветы и поцелуи. Первую встречу. Последнюю
встречу. Последние его

слова. Ни он ее не забыл, ни она его не забудет. Она
знала, что никого за

окном нет. Но в душе — что такое душа? — в душе
он всегда, неистребимо и

вечно. Серебрится на стекле иней. Посвистывает за
окном ветер. Ночь

обволакивает землю, и населяем мы эту непроглядную зимнюю морозную ночь только теми, кого сами помним, зовем и любим.

VIII

Вот смотришь — смотришь на что — нибудь, смотришь изо дня в день и не видишь, а вдруг бросится это в глаза, и удивишься — почему то, что вчера не замечалось, привлекло сегодня внимание?

Так и с Анной. Забежала утром к хозяйке за солью и увидела на стене календарь, обыкновенный настенный календарь.

— Ох, тетя Дуся, вы совсем отстали от жизни! Май! Май уже на дворе, а у вас январь с места не стронулся!

Ни один листок на календаре не сорван.

— А куда торопиться? — насмешливо возразила тетя Дуся. — У меня все дни одинаковы.

— А для чего календарь?

— Численник? Для чтения. Вся моя библиотека. Задумаешься о чем — подойдешь да почитаешь.

Анна подошла к "библиотеке", отогнула листки до мая.

— Сорвать?

— Сохрани тебя господи! — воскликнула тетя Дуся. — А что читать мне?

Анна вгляделась.

— Погодите, погодите, тетя Дуся! Да ведь он за прошлый год! Ведь у нас сорок седьмой...

Тетя Дуся иронически поглядела на жилищу.

— Ну а много что изменилось у нас с тобой за год? Женька в детский сад

пошла, да Гришка начал усы брить, всего и делов.

Тетя Дуся была права. Анна взяла соль и ушла.
Немного "делов"

прибавилось за год. Время замерло, как и численник на стене.

Анна поехала как-то зимой в "Авангард", в самый отдаленный колхоз, туда

всегда приходилось ехать с ночевкой. Инструктор райкома Сухожилов поехал с

Анной. У него тоже нашлись дела. Сухожилов достал легковушку, а без него

пришлось бы добираться на чем бог послал. Днем в колхозе они почти не

виделись, а ночевать их поместили у одной вдовы. Хозяйка постелила Анне в

горнице, Сухожилов устроился на лавке у печи. Ночью он пришел к Анне.

— Анна Андреевна, до чего вы мне нравитесь...

— А дальше что? — спросила она.

— А вам что, жалко, что ли? — нахально сказал Сухожилов. — Все равно вы одна...

Анна повернулась к нему спиной. Он привалился к ней, забросил на нее

руку. Анна с силой ухватила руку, принялась молча ее выкручивать.

— Да вы что? — охнул Сухожилов. — Пустите! Я закричу сейчас...

— Ну и кричите, — сказала Анна, не отпуская руки.

— Анна Андреевна, — взмолился Сухожилов. — Честное слово, простите...

Он ушел, бормоча что-то сквозь зубы. Утром уехал ни свет ни заря, пока

Анна еще спала. После этого он перестал заходить к Богаткину, в случае чего

— вызывал в райком.

Анна тогда задумалась — почему он позволил себе пристать? Она

действительно была одна, ни девка, ни мужняя жена. Ей казалось, что и на

Женю кое — кто поглядывает искоса. Даже в детском саду. Безотцовщина! Не

будешь объяснять каждому — что, да как, да почему. Жене тоже не доставало отца.

Девочка спрашивала иногда:

— А где мой папа?

И Анна не могла, не решалась, не повернулся язык сказать, что папы нет

и не будет, не в силах была она похоронить Толю, для нее он всегда был и будет жив.

— Папа наш в армии, — говорила она. — Отслужится и приедет.

Но листать численник и вправду не было смысла. Какая — то монотонность

установилась в ее жизни. Казалось, такая жизнь будет длиться до скончания

века. Иногда хотелось уйти из отдела, покинуть Богаткина, проститься с

Ксенофоновыми, перебраться куда — нибудь в деревню, поближе к земле. Она начинала вдруг скучать по земле.

Вспоминала свой разговор с Петуховым. Он говорил, что надо любить

землю. У него самого не было выхода, он делал больше, чем мог. Но ее он определенно толкал...

Куда? Не хотелось ей больше оставаться в отделе. Но куда пойти?..

До сих пор она была еще вся в себе. Даже смерть Петухова не очень

приняла к сердцу. Бумажки из Пронска стали вдруг приходить подписанные все

Волковым да Волковым. "Начальник облсельхозуправления Г.Волков". Анна

привыкла, что бумаги вместо Петухова часто подписывал Волков. Но тут

непрерывно: Волков да Волков. Она как — то сказала:

— Что это все Волков подписывает? Уж не заболел

ли Петухов?..

Богаткин удивился:

— А вы разве не слышали? Петухова уж с месяц как похоронили. В газете было объявление...

Анна взяла подшивку, нашла объявление "С прискорбием извещаем...".

Значит, все. Отходился агроном Петухов по земле. Подорвался на mine. Нет

Петухова. "С прискорбием..." Не так уж много времени прошло с того вечера,

когда он говорил с Анной. Анне вспомнилась его жена. Как — то она сейчас?

Небось выйдет замуж...

У нее появилось странное чувство, точно она в долгу перед Петуховым.

Ушел, а она не успела что — то сказать, что — то спросить. Ведь он от нее

чего — то ждал. А она не успела...

Ощущение неосознанной тревоги все чаще наполняло ее душу.

Однажды она набралась смелости, спросила Богаткина:

— Вы довольные своей работой?

— В общем да, — сказал он.

— А чего вы хотите достичь? — спросила она.

Богаткин не понял:

— То есть как чего достичь?

— Ну к чему вы стремитесь?

— Как вам сказать? Чтобы все было хорошо в районе.

— Ну, а себе, себе? — домогалась Анна. — Себе вы чего хотите?

— А у меня все есть. Семья, работа. Лично я всем удовлетворен.

— Ну и плохо, — категорично сказала Анна.

— Что плохо?

— Все. Плохо, когда человек доволен жизнью.

— Это уж глупости, — даже рассердился кроткий Богаткин. — Человек

должен быть скромн. Надо ограничивать себя, иначе из тебя выйдет хапуга.

Анна вся напряглась. Она не могла выразить Богаткину свое несогласие,
но и не могла с ним согласиться.

— Человек должен быть безграничен, — сказала она...

Так они и не поняли друг друга.

IX

Девушки из отдела любили собираться компанией, "устроить вечеринки".

Главной заводилой таких вечеринок была Зина, у нее обычно и собирались.

Купят сыра, колбасы, консервов, печенья — вклад женской половины общества,

напитки приходились на долю мужчин, — разложат по тарелкам, поставят в углу

на тумбочку патефон, чтоб не сбить во время танцев, — и милости просим...

Зина была главной заводилой, но ей не приходилось тащить других за руку

— кому не хочется весело провести вечер? Только Анну пришлось уговаривать.

— Да что вы, девочки, что мне там делать? Только настроение другим портить...

— Анна Андреевна! Анечка! Посидим, потанцуем. Есть одна пластиночка...

— Какой из меня танцор? Я уже старуха...

— Старуха? В двадцать пять лет! А нам по сколько?..

Девушки уговорили Анну. Она бы еще подумала, но Бахрушин тоже просил ее прийти.

— Не отказывайтесь, Анна Андреевна, проведем время...

С некоторого времени Анне казалось, что Бахрушин обратил на нее внимание. Он догнал ее как-то, когда она вышла пройтись за городом, наломал черемухи, пригласил в кино. Потом они не раз бывали в кино вместе. Бахрушин не заходил за нею домой — в Суроже легко могли возникнуть пересуды, — они встречались у входа в кинотеатр. Бахрушин был немногословен, сдержан, может, и хотел что сказать, но не говорил, больше молчал, это и нравилось в нем Анне. Невозможно же сидеть все вечера дома, все одной да одной.

— Сегодня обязательно, обязательно, Анечка, — сказала в обед Зина.

Рая по секрету шепнула, что сегодня у Зинки именины.

Возвращаясь с работы, Анна зашла в универмаг, купила крепдешиновую голубую косынку с синей каймой и непонятными розовыми цветами, а заодно носки Женечке — детские носочки не часто бывали в сурожских магазинах.

Под вечер августовское солнце заливало палисадник апельсиновым светом, багряные георгины казались черными, патефон за окном пел песню о пилотах, которые обращают внимание на девушек только тогда, когда им, скажем прямо, нечего делать...

Компания была в сборе. Анна отдала косынку. Сели за стол.

Бахрушин рядом с Анной. Преднамеренно никто не рассаживался, но

Бахрушин в последнее время всегда оказывался рядом с Анной. Впрочем, это было естественно. Анна по должности, а Бахрушин по возрасту были старше всех, им полагалось быть вместе.

- За именинницу.
- Тебя разве крестили?
- Ни в жисть!
- Так какие ж это именины?
- Двадцать два!
- Так это день рождения!

Преподаватель физкультуры из школы пытался пригласить Анну танцевать, но Бахрушин не пустил ее.

— Анна Андреевна со мной пойдет танцевать...

Не пустил Анну и сам не пошел. Анна все же не удержалась, пошла — таки с механиком из МТС, с Колей Губановым. Вел он ее несмело, точно боялся наступить на ноги, и все — таки двигаться под музыку было приятно. Не думать, просто двигаться...

Она вернулась на свое место. Бахрушин сидел насупленный. Налил ей и себе по рюмке водки.

- Давайте, Анна Андреевна?
- Я не пью.
- А из уважения ко мне?

Анна выпила, чтоб не обижался Бахрушин, и опять пошла танцевать с Губановым.

Бахрушин совсем помрачнел. Ей не захотелось к нему возвращаться.

— Я пойду, — внезапно сказала она.

Ей вправду захотелось уйти. Единственный здесь серьезный человек на нее

сердится, а сидеть с ним и молчать тоже как — то не того...

— Погодите, рано еще, — заверещали наперебой Зина и Рая.

Анна решительно пошла к двери.

- Хозяйка уже спит, дочка одна, поздно.
- Рано! — крикнула Зина.
- Нет, нет, поздно, — возразила Анна уже на пороге.
- Где уж мне

гулять...

От водки кружилась голова, во всем теле чувствовалась слабость, хотелось спать — не столько даже спать, сколько лечь, и еще больше хотелось выйти на улицу, вдохнуть воздуха, которого так недоставало в тесной прокуренной комнате.

Она шагнула за порог и плотно притворила за собой дверь.

Улица спала. Редкие окна светились, да и те были задернуты занавесками, тусклый свет слабо пробивался наружу. Дома казались выше, чернее, а звезды в небе гораздо ближе, и даже собачье тьяканье вдалеке придавало ночи не меньшую поэтичность, чем щелканье соловья.

Не успела Анна постоять с минуту одна, как дверь снова распахнулась.

Она даже не поглядела, знала, что это Бахрушин.

— Анна Андреевна, — позвал он.

Он не сразу нашел ее в темноте.

— А вы куда? — спросила Анна.

— Надоело, — объяснил он. — Вот вас провожу.

Анна почему — то была уверена, что Бахрушин выйдет вместе с ней, может

быть, поэтому она и заторопилась, она даже была удивлена, когда очутилась на

улице одна, настолько сильна была в ней уверенность, что она нравится

Бахрушину. Он ничего ей не говорил, но и на работе и сейчас вот, на

вечеринке, смотрел на нее больше, чем надо. Собственно говоря, на вечеринке он только на нее и смотрел.

Он был общительным человеком, мог и пошутить, и посмеяться. Выпив,

легко становился душой общества. А теперь эта душа раскрывалась только для нее... Он точно присох к ней.

— Пойдемте, — просто сказала Анна. — Ночь — то уж больно...

Она не договорила — больно темна, или хороша, или еще что, — она и сама не знала, какая эта ночь.

Они двинулись было по дощатому тротуару и тут же сошли на тянущуюся обок тропу, плотно утрамбованную пешеходами. Никто их не обгонял, не попадался навстречу.

— Утомились, Анна Андреевна? — заботливо осведомился вдруг Бахрушин, но она не ответила, и они опять пошли молча.

— Я очень плохо знаю астрономию, — вдруг сказала Анна. — Знаю, конечно, какие — то звезды. Вега, Альдебаран, Большая Медведица. Но что к чему — совершенно не знаю.

На этот раз не ответил Бахрушин.

Они прошли еще какое — то время молча.

— Да, мы много чего не знаем, — согласился Бахрушин и неожиданно спросил: — Почему бы вам не сменить квартиру, ведь у вас небось тесно?

Он был прав, комната у Анны плохая, тесная, все время она на виду у соседей, но ей как — то в голову не приходило, что квартиру можно сменить.

— Да я уж привыкла, — виновато сказала Анна.

Бахрушин вдруг взял ее за руку и тотчас отпустил, и это понравилось Анне.

"Не разбалованный, не умеет ухаживать", — подумала она.

— Пойдем к реке, — предложила она. — Настроение какое — то такое...

— Поздно, — неуверенно возразил Бахрушин.

Толю не пришлось бы уговаривать, подумала она, он бы сам отвел ее к реке, и ей понравилось, что Бахрушин не похож на

Толю, если ей кто и нужен,
то уж никак не такой отчаянный и нетерпеливый, как
Толя...

Она не ответила Бахрушину, просто свернула в
переулок и пошла вниз к
реке, и было приятно, что Бахрушин тотчас
последовал за ней. Она с
удовлетворением слышала, как шумно и, может быть,
даже рассерженно дышит он
за ее спиной.

Медленно текла в темноте Сурожь. Ночной мрак
рассеивался у берегов, и
было ощутимо, как темная вода стремится куда — то
вниз, вдаль, к другим
берегам и рекам.

Анна спустилась к самой Сурожи, вода
вкрадчиво шелестела, омывая
влажную землю, бессильная расплескаться, разлиться,
затопить побережье...

Всему своя мера, свое русло.

Было одиноко и даже страшно здесь ночью, на
берегу у реки. Анна
оглянулась. Бахрушин стоял рядом. Стоял рядом и ждал.
Анна не знала чего, но
чувствовала, что чего — то он ждет, хотя, может быть,
сам не отдает себе в
этом отчета.

Анна еще раз оглянулась.

— Что — то я ничего не пойму, — прошептала она,
обращаясь больше к самой
себе.

Но Бахрушин услышал.

— Чего не поймете? — быстро спросил он.

— Ничего не пойму, — негромко сказала Анна,
глядя на бегущую воду.

Все было неясно сейчас на реке. Неясно, неверно,
обманчиво.

Анна отошла от берега. Села. Провела возле себя по
траве рукой.

— Роса...

Бахрушин скинул пиджак, бросил на землю.

— Так удобнее, Анна Андреевна...

Анна села на пиджак, так было сухо, тепло.

Бахрушин тоже сел рядом.

Стало еще теплее.

Бахрушин боялся пошевелиться, его плечо только слегка касалось плеча

Анны.

— Вы любите...

Анна спросила было и замолчала. Ей хотелось знать, что любит Бахрушин,

но она не знала, что он может любить.

Бахрушин заглянул ей в лицо.

— Чего любите? — с готовностью переспросил он.

— Я не знаю что, — сказала Анна. — Сидеть вот так на берегу. Думать,

плыть, пить, петь.

Бахрушин усмехнулся.

— Ну, пить все пьют...

— Не знаю что, — сказала Анна. — Но что-то надо любить.

Она замолчала. Ей хотелось бы сейчас плыть, плыть.

Уплыть...

Бахрушин осторожно притронулся к ней рукой, положил ладонь на колено.

Ладонь была горячая. Сразу стало смутно и томно.

Анна не отстранилась. Она могла бы еще встать, но было даже приятно,

что так кружится голова. Бахрушин осмелел, и она не противилась. Все плыло

вокруг, ни о чем не хотелось думать...

Х

Первая любовь обрушилась на нее внезапно. За минуту она еще не думала о ней.

Анна только что кончила техникум. Сданы были зачеты, получены отметки, осталась практика.

Выпускники проходили практику в пригородном совхозе. Кое – кто переселился в совхоз, но большинство продолжало жить в городе. С утра ехали в пригородном поезде, добирались в совхоз на попутных машинах, а вечером возвращались обратно. В то лето почему – то ни когда не хотелось спать.

Пахали, сеяли, пропалывали посевы. Все с шуточками, с песнями, со смешками

Ужинали в столовой совхоза и возвращались вечером в город. Разбегались по домам, переодеться, принарядиться, и шли на Советскую, а потом на набережную

или в городской сад. Сперва девчонки шли вместе, стайкой, ребята двигались

сзади. Потом вместе сидели над рекой, на скамейках и прямо на земле, пели

песни, потом всей компанией шли есть мороженое, потом опять в городской сад.

Парочки отпочковывались, пропадали вдруг в темноте. Пели, молчали, никак не могли разойтись...

Однажды после работы Анна шла с подружками в городской сад. С Таней

Грушко и Машей Гончаровой И вдруг появился он...

Совсем не такой, как все. Какой – то удивительный! Загорелый, ласковый,

добрый. Она сразу поняла, что он добрый. В морской форме, с крылышками в

петлицах. Лейтенант. Нет, старший лейтенант. Ей показалось, что он намного

старше ее. На самом деле он был старше ее на пять лет. Невысокий, а

стройный...

– Толя! – вскрикнула Маша.

– А я и вышел, чтобы встретить тебя, – сказал

лейтенант.

Маша познакомила его с подругами.

— Мой двоюродный брат. Приехал в отпуск.
Летчик. Из Севастополя.

— Гончаров, — назвался он.

Вместе с девушками он пошел в городской сад. На следующий день опять

встретился с ними. В руке у него были ландыши. Шесть букетиков, каждой по два.

Анна не помнит, как они отстали от компании. Она понимала одно — пришло счастье. Ему невозможно сопротивляться. Да и не нужно.

Мальчишки в техникуме иногда целовали ее, и она отвечала им. Беглые,

ничего не значащие детские поцелуи. Толя поцеловал ее тоже очень нежно,

очень осторожно, а ее сразу пронизало ощущение, что он может делать с ней все, что захочет.

Она ехала утром на практику, а в голове было: Толя, Толя, Толя...

— Какие у тебя гнезда? — говорил агроном Золотов, ее преподаватель.

— Какие гнезда? — спрашивала Анна.

— Разве так сажают кукурузу? — говорил Золотов.
— Сколько ты кладешь в лунку зерен?

— Какую кукурузу? — спрашивала Анна...

Толя ждал ее у въезда в город.

Она выпрыгивала из кузова и попадала ему прямо в руки. Неумытая, в

пыли, в ситцевом сарафане, с открытыми загорелыми плечами...

Он обнимал ее, и они уходили. Им уже ни до кого не было дела.

Через две недели они зарегистрировались, и он сразу увез ее в

Севастополь. Мальчишки в Пронске торговали

сиренью. Толя, кажется, скупил

всю сирень. Он завалил сиренью все купе. У него оставалось мало денег, но он

не мог везти Анну в жестком вагоне. Какой—то тип, сосед по купе,

запротестовал: "Мы задохнемся, у всех разболится голова!" Толя не стал

спорить. Он ушел и купил еще два билета. Всю дорогу они ехали вдвоем в

четырёхместном купе. Он был совсем сумасшедший и щедрый. Он всегда был

щедрый. С Анной. С товарищами. С незнакомыми людьми...

Толя увез ее в начале лета, и не прошло года, как Анна родила девочку.

В апреле. Назвали они ее Женей. Толе нравилось это имя.

В июне началась война. Немцы принялись бомбить Севастополь. Население

города срочно эвакуировалось. Старшему лейтенанту Гончарову разрешили самому

вывезти на самолете свою семью и семью еще одного товарища. На Кавказское

побережье. В самом начале боевых действий он на целые сутки был отпущен для

устройства личных дел.

Он долетел до Туапсе, сел с женой и дочерью в поезд, довез их до

Белореченской.

В станции Белореченской жила его тетка, у нее был дом, сад, хозяйство.

Думалось, сюда не доберется война.

Анна пошла проводить мужа до станции.

Поезда шли на юг уже без расписания, везли солдат, оружие, технику.

— Ну, Аннушка...

Они постояли у водонапорной башни. Анна упала бы, не будь рядом Толи.

Вот и вокзал. Толя зашел к дежурному по станции.

— Садитесь, товарищ офицер, на любой

пассажирский поезд.

Вышли на перрон. Подошел поезд. Толя обнял жену.

— Умирать буду, Аннушка, тебя назову...

— Нет, нет!

Что она могла еще сказать?

Поезд отходил. Толя взялся за поручень, подтянулся. Встал на ступеньку и поплыл. Мимо всего того, что оставлял в Белореченской. Все дальше и дальше.

Анна посмотрела вслед поезду.

— Толечка, Толечка...

Вот и нет его. И никогда не будет. Больше она никогда его не увидит. Не

получит от него ни письма, ни привета, и только через два года найдет ее запоздалая похоронная.

XI

Они вышли в обеденный перерыв — Анна и Бахрушин. На их уход обратили

внимание, вместе они никогда не уходили из отдела.

— Куда это вы? — удивилась Машенька, помощница Алексея.

— В загс, — серьезно сказал он.

— Вы скажете... — Машенька не поверила. — Нет, правда?

— Правда, — подтвердила Анна.

Машенька обиделась.

— Как хотите. Можете не говорить. Я бы тоже с вами пошла...

До загса было рукой подать.

Заведующая загсом осведомилась:

— Какую фамилию выбираете? Бахрушины?

Дав согласие выйти за Бахрушина, Анна решила переменить фамилию. Она и

по пути в загс думала, что переменит фамилию. Но сейчас не могла. Не могла изменить Толе. Переменить фамилию — это все равно что отказаться от Толи.

— Нет, останусь Гончаровой.

— Для чего? — возразил Алексей. — Для чего это тебе?

Анна упрямо наклонила голову.

— Так лучше...

На то, чтобы расписаться, ушло пять минут. Заведующая поздравила их:

"Поздравляю". Вот они и стали муж и жена. На всю жизнь. Неужели на всю жизнь?

За дверью Алексей сразу спросил:

— Для чего ты оставила старую фамилию?

— Так удобнее, — объяснила Анна. — Работаем вместе, незачем привлекать внимание.

В этом был резон. Алексей подозрительно взглянул на жену и ничего не сказал. Может быть, она и права. Все равно изменить уже ничего нельзя.

До замужества ни Анна не бывала у Бахрушина, ни он у нее. Виделись на службе, встречались на вечеринках, ходили вместе гулять или в кино, но дома друг у друга не бывали. Зайди в таком городке, как Сурож, в дом к неженатому мужчине, сразу поженят.

Они вместе пошли с работы, все девушки из отдела с любопытством смотрели им вслед...

Анна погладила Алексея по руке. На шесть лет он старше ее. Молодой, высокий, красивый. Да, красивый. Лицо немного насуплено, но красивое. Прямой нос, черные брови, серые внимательные глаза... Нет, это поддержка, поддержка!

— Теперь ко мне зайдём? — спросила Анна.

— Зайдём, — согласился Алексей.

— Я познакомлю тебя с Женечкой, — с тревогой сказала Анна. — Как — то вы с ней поладите...

— А почему не поладим? — даже обиделся Алексей.

— Неужто не найду к ней подхода?

— А как тебя представить? Что сказать?

— А чего раздумывать? Отец... Отец вернулся с войны. Так и скажи!

Анна вздохнула. Алексей был и прав и не прав...

— А ты не пожалеешь?

— Да я ж тебя люблю!

— Ну смотри, Алеша. Только не подведи...

— Все будет как по нотам, — успокоил её Алексей.

— Да что она понимает!

— Ну что ты, — возразила Анна. — Она уже большая.

Они подошли к дому Ксенофоновых.

— Ты и с тетей Дусей поласковой, — попросила Анна. — Она, случается, скажет что, но она душевная.

— А что нам тетя Дуся? — Алексей пожал плечами. — Отсюда все равно уезжать.

Вошли в дом, хозяйки не было. Женечка сидела на постланной через комнату дорожке, сотканной из цветных шнуров, играла с куклой.

Увидев мать, оторвалась от игры, побежала навстречу.

— Как ты рано, доченька? — удивилась Анна. — А я хотела идти за тобой.

— Меня тетя Дуся привела...

Девочка увидела Алексея, замолчала, вопросительно взглянула на мать.

— А кого я к тебе привела! — воскликнула Анна нарочито радостным голосом... Она и смущалась и робела почему — то перед

дочерью, хотя Женечке
шел всего шестой год.

Девочка перевела взгляд на Алексея.

— Это папа твой... Папка!..

У Анны перехватило дыхание, комок непрошенных
слез подкатил к горлу, она
проглотила его, схватила дочку в объятия.

— Это наш папа, — повторила она, принуждая
себя говорить спокойнее,
разумнее. — Вот он и вернулся с войны. Помнишь,
я тебе говорила? Вот,
вернулся...

Анна посмотрела на Алексея. Он тоже был
смущен и растерян, она это
видела. Высокий и сильный, он стоял с опущенными
руками, не догадываясь,
куда их деть.

— Бери же, бери... Анна протянула ему Женечку.

Он осторожно взял ее на руки. Женечка с
любопытством смотрела на
Алексея.

— Господи, какие вы смешные! — произнесла Анна.
— Да поцелуйтесь же!

Алексей осторожно поцеловал девочку в щеку,
помедлил, поцеловал еще
раз, и Женечка вдруг потянулась к нему и звонко
чмокнула его в губы.

— Ну вот и все в порядке, — облегченно
засмеялась Анна. — Все в
порядке, все хорошо, все хорошо, — повторила она
несколько раз. — Вот мы и
вместе, вместе...

Она услышала за перегородкой шаги.

— Тетя Дуся? Тетя Дуся! — позвала она хозяйку. —
Идите сюда!

Тетя Дуся вошла, остановилась у порога,
недоверчиво взглянула на
Алексея.

— Вот я и нашла Жене отца, — возбужденно
сказала Анна.

— Понимаю, — протяжно произнесла тетя Дуся. — Ну что ж, совет да любовь...

Она замолчала, но в ее молчании таилось много вопросов.

— Нет, Евдокия Тихоновна, все будет хорошо, — твердо сказала Анна. —

Вот увидите.

— Дай-то бог, — ответила хозяйка. — Вы женщина хорошая.

— И он хороший, — сказала Анна, указывая на Алексея.

— Ну, в этом мы уж с тобой сами разберемся, — сухо выговорил тот,

по-видимому досадуя, зачем Анна берет в судьи какую-то тетю Дусю.

— Да нет, я ничего, — примирительно отозвалась тетя Дуся. — Вас не хаю.

— А вы разве знаете меня? — настороженно осведомился Алексей.

— В таком городе, как наш, каждый каждого знает, — ответила тетя Дуся.

— Вы же с Аней в одном заведении служите.

Она приняла Женю из рук Алексея.

— Поди ко мне, моя звезденька...

— Садитесь же, — сказала Анна, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Аня теперь уедет от вас, — сказал Алексей.

— Я понимаю, — согласилась тетя Дуся. — У нас тесно.

— Да и вообще, — объяснил Алексей. — Она работает, а у меня мать. Есть кому присмотреть за ребенком.

— Отмечать-то будете? — любопытствовала тетя Дуся. — Такое событие!

— А мы сегодня и отметим, — спохватился Алексей. — Я сбегая, Аня.

Хозяйка твоя права, надо же выпить на прощанье.

Он тут же ушел и вскоре вернулся с конфетами для

Женечки, с колбасой, с

сыром, с бутылкой вина и бутылкой водки.

— Не обессудьте, сами напросились, —
пригласил он тетю Дусю. —

Поужинаем, так сказать, в ознаменование.

Они сидели за столом, когда вернулся Гриша.
Его тоже пригласили.

Сначала он отнекивался, потом сел.

— Я не пью, — отказался он.

— Мы тебе десертного, — примирительно сказал
Алексей.

— Уезжают от нас, — произнесла мать Гриши.

— Ну и правильно, — сказал Гриша. — Хорошо,
что мне мало лет, а то

давно бы сплетни пошли.

— Ты скажешь! — сказала мать.

— Я смотрю в суть вещей, — сказал Гриша.

Пили все. Тетя Дуся раскраснелась, всплакнула
было, потом принялась

петь. Пил Алексей, помногу и часто, но не пьянел,
только бледнел и неотрывно

смотрел на жену. Словно хотел заслонить ее от всего
мира. Даже Гриша после

двух рюмок раздобрился, принес гитару, принялся
аккомпанировать матери. Не

пила одна Анна, держала Женечку на коленях,
разговаривала, а где — то внутри

себя все думала, думала, а о чем — не очень хорошо
понимала.

— Вам весело? — спросил вдруг Гриша Алексея.

— Весело, — искренне сказал тот. — А что?

— Ничего, — ответил Гриша. — В таком случае я
ошибся.

— Ты много еще будешь ошибаться, — сказал
Алексей. — А я не ошибаюсь.

Домой он не пошел, остался ночевать у Анны.

В воскресенье Алексей повел Анну знакомиться с матерью. Он жил на другом берегу Суружи, идти надо было через мост. Улица, на которой он жил, была тихая, сонная, огороды тянулись от домов до самой реки. Алексей жил в маленьком флигельке — комната и кухня, — но все же таки в отдельной квартире.

Над крышей на шесте, точно вышка часового, торчал островерхий скворечник.

— Все лето живут, — сказал Алексей. — Хотел поймать, приручить, да не собрался.

В сенях было темно, стояли какие-то кадушки, пахло сырым деревом, кислой капустой, погребом.

— Хорошо, что женился, — пошутил Алексей. — Мать капусты наквасила, двоим за зиму не съесть.

— Мать-то знает? — спросила Анна.

— Два дня ждет, — беспечно проговорил Алексей. — Еще бы!

Дверь сама распахнулась навстречу. Пахнуло теплом, жарко натопленной

печью, чем-то съедобным, домовитым. У печки стояла женщина, немолодая, но и

не так чтобы сильно старая, крупная, в черном платье, ростом почти с сына,

только поплоней и не такая красивая, как Алексей.

— Вот и мать, — сказал Алексей. — А это Аня. Знакомьтесь.

Анна подошла к свекрови. Она не знала, как себя вести, как здороваться.

Не знала, надо ли целоваться. Но свекровь сама сделала два шага вперед,

захватила рукой подол, обтерла губы и прикоснулась к Анне губами, сперва к

одной щеке, потом к другой.

— Значит, так... — сказала свекровь. — Ну что ж, заходи... Заходите, —

поправилась она. — Говорил он мне...

В кухне было ни грязно, ни чисто, было, как в обычной кухне, только за

печкой стояла просторная кровать с целой горой подушек в цветных наволочках.

— Проходи, — пригласил Алексей жену, и они втроем прошли в комнату.

Кровать Алексея была поскромней, чем у матери. Разросшийся фикус с

большими, точно вырезанными из жести листьями, пяток венских стульев да

этажерка с коробками из — под папиросных гильз, с бритвенными принадлежностями

и десятком — другим книг составляли всю обстановку комнаты.

Анна кивнула ему:

— Значит, здесь...

Еще раз оглядела она новое жилище. Стены были оклеены выцветшими

обоями. Желтые цветы по серому полю. Над кроватью под стеклом, окаймленным

черным багетом, висело десятка два фотографий, наклеенных на один картон.

Анна подошла ближе.

— Все я, — сказал Алексей. — Можно сказать, вся моя жизнь.

Он пальцем стал указывать на каждую из фотографий.

— Вот папа с мамой, сестра стоит, а я на руках у мамы. Они у меня из

колхозников.

— А ты?

— Я — государственный служащий. Это я в школе, пионерский отряд. Это по

окончании десятилетки. Это отец в гробу. Это я в армии. Это на курсах

бухгалтеров, а это уже бухгалтером в райпотребсоюзе.

Там лучше было, чем
сейчас у нас. Весь товар шел через наши руки. Ну, а
это уж в начале войны,
на курсах комсостава. Это после производства в
младшие лейтенанты, а это на
фронте, после награждения Красной Звездой. Это я
уже капитан, снят под
Дрезденом. А это здесь, в Суроже, после
демобилизации...

Действительно, вся жизнь, подумала Анна. Самая
обыкновенная, и... И,
собственно, никакая. Все сказал, и ничего не сказал.
Как жил, чем жил, чем
дышал... Ничего! Вот он, весь перед нею, а поди
разберись в нем...

— Теперь снимемся с тобой, — сказал Алексей. —
Эту мы повесим отдельно.

Анна вдруг подумала, что карточку Толи она уже
не сможет повесить,
придется спрятать.

— Успеем еще сняться, — сказала Анна. — Лишь бы
не ссориться.

— А зачем ссориться? — весело возразил Алексей.
— Нам делить с тобой
ничего.

Анна согласно улыбнулась.

— Что ж, будем устраиваться.

— Вещей — то много? — осведомилась свекровь.

Анна не поняла.

— Имущества, — пояснила свекровь. —
Перевозиться когда будете?

— Какое там перевозиться, — ответил Алексей. —
Переноситься. Ты посиди,

Аня, побеседуй с мамой. Пойду схожу в райпотреб, на
конный двор, попробую
раздобыть подводу.

Анна еще утром уложила вещи — было их не так уж
много, несколько узлов,
два чемодана, кровать, стол да шкаф, купленные ею
вскоре после приезда в

Сурож.

Она осталась наедине со свекровью.

"Значит, здесь, — подумала Анна, — здесь мне теперь жить. Правильно ли

я поступила? Алексей — человек серьезный, положительный, по всему видно, но

вот свекровь... Какой — то окажется она?"

— Вас Надеждой Никоновной звать? — спросила Анна.

— Какая я тебе Никоновна? — возразила свекровь. — Раз мать, так уж матерью и зови.

Это были обещающие слова — не так нуждалась в матери Анна, как Женя

нуждалась в бабушке.

— Ведь у меня дочка, знаете? — спросила Анна.

— Знаю, — сказала свекровь. — Говорил. В детский сад много платишь?

— Восемьдесят.

— Вот еще, — сказала свекровь. — Лучше лишнее платьишко купить.

— Там будет видно.

— А чего видеть? Ребенку дома спокойнее, и деньги целее.

"Может, она и вправду будет Жене бабушкой, — подумала Анна. — Еще не

старая, здоровая, бодрая. Скучно, наверно, сидеть одной..."

Сидеть и ждать Алексея тоже было скучно, Анне казалось, что свекровь

знает о ней все и только поэтому не задает вопросов. Но та все — таки не

выдержала.

— Алексей — то сколько получает у вас? — спросила она.

— Восемьсот. Или около. Не знаю точно.

— Восемьсот... — Свекровь поджала губы. — Не говорит, хоронится... —

Она что — то считала в уме. — А сама сколько?

— Тысячу сто.

Свекровь обтерла ладонью рот.

— Да, сдвинулось все. Чтоб баба больше мужика?!
Конечно...

Она с уважением посмотрела на Анну.

— Агроном?

— Агроном.

— Не зря училась.

Свекровь замолчала, замолчала надолго, все что — то соображала про себя.

Занимать невестку не видела, кажется, надобности.

Алексей появился часа через два. За окном загромыхала повозка, хлопнула дверь, он вошел с узлами.

— Принимайте!

Анна встрепелулась, сразу стало легче, как только появился Алексей. По

крайней мере не нужно было гадать, о чем раздумывает свекровь.

— А Женечка?

— Не дала твоя хозяйка, — весело объявил Алексей. — Сказала, сама принесет.

Аня поднялась.

— Сиди, сиди, — сказал он жене. — Управлюсь.

Он втащил чемоданы, кровать, стол.

Анна помогла ему сгрузить шкаф.

— На спину, на спину! — крикнул он. — Наваливай!

Она удивилась, с какой легкостью понес он в дом платяной шкаф. Даже

чудно стало, что такой сильный человек сидит целыми днями в канцелярии, перебрасывая на счетах костяшки.

Сразу стало спокойно на душе. С таким не пропадешь. Он как — то

удивительно легко и быстро внес вещи, ненадолго скрылся, пошел отвести

лошадь, вернулся все такой же веселый и оживленный, помог все расставить,

шутил, был внимателен, ласков, даже брови перестал хмурить.

Мимоходом подмигнул матери.

— На ужин — то припасла? Как — никак свадьба!

Мать вздохнула, решительно пошла в кухню.

— Аня, Алексей. Берите... — Показала на свою кровать. — Берите, —

повторила она. — Куда мне этот станок? Я свое отыграла. Бери, бери...

Она настояла, чтобы взяли ее кровать, себе за печку поставила узкую койку сына.

Аня еще разбирала вещи, когда тетя Дуся принесла Женечку.

— Вот и от меня подарок, — сказала она, передавая девочку Анне. — С новосельем.

Она оглядела комнату, одобрительно кивнула.

— Здесь будет сподручнее...

Она все время обращалась к одной Анне, точно ее одну и видела, взгляд ее скользил куда — то мимо Бахрушиных.

— Заходи, однако, не забывай, — обратилась она опять к Анне.

— Ну что вы, тетя Дуся... — Анна пригласила ее: — Ужинать!

— Благодарствуйте, — отказалась тетя Дуся. — Гришка ждет, заест он меня...

Она так и не осталась ужинать, расцеловала Женечку и ушла.

Вот он — первый ужин в новом доме, в новой семье!

Алексей ухаживал за молодой женой, подвигал к ней тарелки, накладывал

еду. Он даже за матерью ухаживал, та с любопытством посматривала на сына.

— Вижу, вижу, — сказала она не без одобрения. — Прибился, значит, к берегу...

Алексей кивнул:

— Прибился, мама.

Свекровь улыбнулась невестке.

— С этим он у меня не торопился.

Анна бросила на мужа любопытный взгляд.

— Почему не торопился?

Свекровь вздохнула.

— Да он самого себя только по праздникам любит, куды ж ему...

— Это вы, мама, бросьте, — перебил ее Алексей. — У нас с Аней серьезные чувства.

— А я ничего не говорю...

Свекровь не спеша убрала со стола.

— Идите уж, — сказала она молодым. — А внучечку я к себе возьму. Чтоб не мешала.

— Нет. Женечка будет спать возле нас, — твердо ответила Анна. — Дороже

Женечки для меня нет никого.

Надежда Никоновна искоса взглянула на сына. Алексей промолчал, но за столом сразу повеяло холодком.

— Ладно, пойдем, — отрывисто проговорил Алексей, выходя из — за стола. —

Успеем еще разобраться, кто дешевле и кто дороже.

Встала и Анна, взяла дочь на руки, шагнула к двери.

— Спокойной ночи, — сказала она свекрови.

— Спице, спице, — пробормотала в ответ свекровь.

В доме Бахрушиных началась новая жизнь.

XIII

До чего ж заунывна бывает иная дорога! Тянется, тянется, без конца, без

края, без вешки, без следа, да и не нужны ни следы, ни вехи. Бегут две

темные колеи, бегут себе да бегут куда — то. Попади в колею колесом и катись

по дороге. Заунывно как — то, да ничего, и до тебя так жили, и после тебя будут жить...

Так и потекла жизнь в семействе Бахрушиных. И обижаться нет как будто причин, и радоваться нечему. С утра на работу, к вечеру домой. В общем хозяйстве с деньгами стало посвободнее, появилась возможность и лишние вещички купить, и лишнюю бутылочку выпить. Кому что!

Зина, глядя со стороны на Бахрушина, не раз говорила Анне:

— Счастливая вы, Анна Андреевна! Такой мужик, как Алексей Ильич, ни на кого больше не поглядит. Приобрел что надо и успокоился.

Но сама Анна не была уверена, годится ли ей порядок, установленный в доме Бахрушиных.

Жили вместе, а дышали врозь. Алексей таился от матери, мать таилась от

Алексея. Деньги тоже каждый придерживал при себе. Алексей с неохотой давал матери на хозяйство, но, давши, не мог добиться от нее при нужде ни копейки.

Такие же отношения пытались они установить с Анной. Но ее щедрость, свобода, с какой она жила, обезоруживали их, она по природе не была мелочной, и, общаясь с ней, трудно было размениваться на мелочи.

Днем Женя оставалась с новой бабушкой. Девочка не жаловалась на нее,

стала только менее разговорчивой, притихла. У Ксенофонтовых ее голосок по всему дому звенел, а теперь она чаще говорила шепотом.

Анна не замечала, чтобы свекровь обижала Женю. Та не останавливала

девочку, не бранила, но людская черствость связывает ребенка больше, чем любые замечания.

Свекровь не выражала особой любви к неродной внучке — Анна была подходящей женой, с хорошим окладом и без излишних прихотей, ребенок при ней был будто и ни к чему, но с этим приходилось мириться.

Сам Алексей на первых порах оказывал Жене какое-то внимание, но, привыкнув, поостыл к падчерице, она ему не мешала, и он просто ее не замечал. Скорее какое-то недовольство собой ощущала с его стороны Анна.

У него оказалось немало привычек, которым он не собирался изменять ради жены. В субботу после бани обязательно выпить пол-литра. В воскресенье встретиться с дружками, работавшими в райпотребсоюзе. Летом он ехал на рыбалку, а зимой просто шел с ними в столовую. Рыбы не привозил, но всегда возвращался навеселе. Любил разбрасывать по комнате окурки. Ссориться с матерью...

Анна пыталась отучить мужа от этих привычек.

Он отвечал одно:

— Ты не умней меня.

Как-то Алексей пришел пьяней обычного. Анна оттолкнула его от себя.

— Не подходи.

Он замахнулся на нее.

— Тебе дорога от печи до порога!

Утром она сказала:

— Еще раз замахнешься — уйду...

Так прошел год. Целый год. Тянулся долго, а минул незаметно.

Вскоре после замужества Анна забеременела. Она не сразу призналась

мужу. Лишь в июне, когда пошел пятый месяц и уже невозможно было скрывать,
сказала ему.

Алексей как будто обрадовался, стал внимательнее,
целый месяц не ездил

на рыбалку, во всем уступал жене, строже принялся
покрикивать на мать.

— Кого ты хочешь, Алеша? — как-то спросила
Анна.

— Парня, — определенно сказал он. — Баб в доме
достаточно.

В декретный отпуск Анна ушла с опозданием,
жалела оставить Богаткина

одного, осенью в отделе работы хватало.

Стояла середина октября. Наступил вечер. Анна
только — только уложила

Женю, как почувствовала, что начинается.

— Алеша! — позвала она мужа. — Беги за подводой.

— Где ее сейчас достанешь? — сказал он. — Давай
как —нибудь так...

Пришла из кухни свекровь, помогла собраться.

Женя испуганно смотрела на мать.

Анна подошла к дочери, поцеловала.

— Скоро вернусь. Слушайся бабушку.

Вышла с Алексеем на улицу. Моросил мелкий
осенний дождь. Было темно,
скользко.

— Погоди...

Он побежал обратно, принес свое кожаное пальто,
закутал Анну, повел.

Анна была терпелива, раза два лишь охнула по
дороге.

Дошли до больницы.

— Ты не обижайся на меня, — сказал Алексей,
прощаясь с женой. — Как

узнаю, что все кончилось, что все благополучно,
сердись не сердись, напьюсь

с радости.

Но напиться ему пришлось с горя: Анна родила
девочку.

Дочь назвали Ниной. Девочка была крупная, сильная, горластая. Не успели ее принести в дом, как Надежда Никоновна взялась укачивать внучку. "Ты мой серенький бычок, повернися на бочок, ай — ю — ю, ай — ю — ю..."

— Не надо, — сказала Анна. — Не надо качать.

Перед родами она прочла не одну книжку об уходе за грудными детьми.

— Мы своих не по книжкам растили, а вон какой бугай вырос... — Свекровь кивнула на Алексея.

Она потребовала, чтобы достали люльку. Алексей достал. Анна вынесла

люльку в сени. Слова, которые хотелось свекрови высказать в адрес невестки,

застыли у нее на губах. Но Анна поняла ее.

— Не будет у нас люльки, — сказала она.

Свекровь опять пошевелила губами.

— Нет, — повторила Анна.

Алексей считал, что мать и жена спорят попусту.

Переупрямить, однако, свекровь Анна была просто не в силах. Она вышла

на работу раньше времени. Богаткин дождаться не мог ее возвращения. Дети

оставались на попечении бабушки. При Анне свекровь не осмеливалась качать

Ниночку, но в ее отсутствие не только сама укачивала внучку, но и Женечку

заставляла баюкать сестру на руках.

Женя уже училась в школе. Вместе с матерью она выходила утром из дома и

возвращалась перед тем, как Анна прибежала в перерыв покормить Ниночку.

Ниночка была счастливее Жени, с первых дней появления на свет ей

хватало и материнской ласки, и материнского молока. Хватало нянек. Мать.

Бабушка. Старшая сестра. Надежда Никоновна любила напоминать о том, что

девчонки в деревне в пять лет уже нянчат младших сестер и братьев.

— Завистная ты, Женька, — нет-нет да и слышала Анна, как точит иногда

Женю Надежда Никоновна. — Нет чтобы помочь бабке, все норовишь на улицу, даром только хлеб ешь...

Ссора возникла по другому, более серьезному поводу.

Анна прибежала покормить ребенка. Не успела открыть дверь, как к ней

бросилась Женя. Обхватила ее ноги, уткнулась лицом в юбку, бормотала что — то

невнятное. Анна не сразу разобрала ее слова.

— Уедем... Уедем отсюда. Куда хочешь. К тете Дусе...

Анна наклонилась к Жене.

— Что с тобой, доченька? Что с тобой?

— Он мне не папа, не папа, — твердила девочка. — Уедем, уедем...

Анна подняла Женю на руки.

— А где бабушка? — спросила она.

Женя всхлипывала и не отвечала.

Свекровь с внучкой на руках вошла в комнату.

— Что тут произошло? — спросила Анна.

— Собака она, а не девка, — зло сказала свекровь. — Боюсь даже говорить. Убьешь ты ее.

— Что она сделала?

— Нинку ошпарила, вот что! — торжественно сказала свекровь. — Убить ее, суку, мало.

— Как ошпарила?

— Очень просто как! Девка запачкалась, я велела ей вымыть девку. А она

принесла таз, да и бултыхнула ее в кипяток. Хорошо, я вошла да увидела. Не

успела она девку сварить...

Анна опустила Женю, схватила Ниночку. Развернула. Ножки у нее вправду

покраснели, особенно правая, та вовсе побагровела.

— Как же так? — спросила Анна, ни к кому в общем не обращаясь. — Как же это...

— Нарочно она это, нарочно! — визгливо прокричала свекровь. — Нарочно хотела сварить девку!

— А как же вы-то недоглядели? — спросила Анна, не обращая внимания на

слова свекрови. — Разве ребенок понимает, какая вода?

— Я тебе говорю, нарочно хотела девку сварить! — закричала свекровь. —

Тут доглядывай не доглядывай, если человек задумает кого изничтожить, все

равно ни о чем не углядишь!

— Да вы что? — медленно произнесла Анна. — Вы думаете, что говорите?

— От зависти! — закричала свекровь. — Видит, родная дочь дороже, вот она и решилась...

— Замолчите! — крикнула Анна. — Думайте, прежде чем говорить!

— А чего думать? — вскричала свекровь. — Не родная и есть не родная!

Отец-то ей не родной, ему на Женьку плевать, вот она и взревновала...

— Да замолчите же! — с отчаянием крикнула Анна. — Вам говорят!

Женя стояла у кровати, глядя на мать широко раскрытыми глазами, и

столько было в этих глазах ужаса и непонимания, что Анна даже растерялась,

не зная — какой из дочерей надо сейчас заняться.

Она села, расстегнула кофточку, обмыла грудь, накормила младшую — та

сразу успокоилась, припав к материнской груди. И опять Анна с тревогой, с

волнением, с жалостью посмотрела на Женю.

— Что случилось-то, ты мне скажи, доченька? Не бойся. Мне можно

сказать...

Потом Анна уложила Ниночку в кровать, взяла на колени Женю, долго ласкала ее, успокаивала, и из несвязного детского рассказа кое — как поняла, что произошло.

Нина заплакала. Зашла бабушка, велела принести из кухни воды, сменить пеленки и помыть Ниночку. Таз стоял на плите. Женя сняла его, принесла в комнату и хотела мыть. Но вода, должно быть, была слишком горячей. Ниночка закричала. Вбежала бабушка и отняла Ниночку.

Она сказала, что Женя завидует Ниночке, что Ниночку все любят, а Женя ревнует Ниночку и хочет ее смерти. И еще сказала, что папа — это вовсе не ее папа, что Ниночке он папа, а Женя...

Тут Женя повторила такое отвратительное слово, что у Анны на секунду остановилось сердце.

— Это правда, что папа мне не родной? — спросила Женя.

— Глупости, — ответила Анна. — Может ли это быть? Если отец, значит, родной...

Она не вернулась в этот день на работу, дождалась возвращения мужа и, не дав ему пообедать, рассказала о происшествии.

— Ты что —нибудь говорил матери? — спросила Анна.

— Да ты что? — рассердился Бахрушин. — Много я с ней говорю?

Это была правда.

— Ты Женечке отец или не отец?

Бахрушин ответил не сразу.

— Я ведь брал тебя с дочкой...

Должно быть, в глазах Анны было что — то страшное и решительное, потому что ответил он определенно и ясно, вероятно,

почувствовал: веди себя

по — другому, тут же потеряет жену.

Весь вечер он играл с Женей, рассказывал сказки, пытался даже что — то

рисовать. Играл и посматривал исподтишка на жену.

Свекровь весь вечер не показывалась из — за печки, у Анны появилось

ощущение, что свекровь боится выйти, и только когда Анна стала укладывать

дочь, она поняла, чем вызван был этот страх.

Сняв с девочки платье, Анна увидела на ее плече багровую полосу.

— Это что? — спросила она.

Подняла рубашонку. Вся спина у девочки была в таких полосах.

— Что это?

Женя потупилась.

— Это бабушка. Настегала.

Девочка не жаловалась, она чувствовала себя виноватой, она стыдилась

этих побоев.

— Алексей! — крикнула Анна. — Ты видишь?

Он пожал плечами.

— Ну... бывает.

Анна подошла к печке, заглядывать за нее не стала, ей не хотелось

видеть свекровь.

— Слушайте меня, мама, — сказала она громко и четко. — Если вы еще хоть

раз, хоть пальцем тронете Женю, я не знаю, что сделаю с вами...

У нее опять замерло сердце... Спать она легла вместе с Женей. После

всего происшедшего Алексей тоже стал чем — то ей неприятен.

Ночью Анне не спалось. Спина у нее болела, точно это ее отстегали веревкой.

Но тревожили ее не только синяки и кровоподтеки. Ей, выросшей в деревне, тоже доставалось в детстве и от отца, и от матери, она допускала, что и сама способна ударить ребенка, лишь бы сделать нужную зарубку на его памяти. Но коверкать душу ребенка, отравлять ее подлостью, неверием в людей, этого она не могла позволить. Никому! Ни мужу, будь это даже родной отец ребенка. Ни его матери. Ни своей матери. Даже себе.

Рана была нанесена, и надо, чтобы она зажила. Поскорее. Безболезненно.

Незаметно. Всех надо было лишить возможности сыпать на рану соль...

В Суроже знали Бахрушиных. Анна с дочерью жили у всех на глазах. Они не вызывали особого внимания, но ведь шила в мешке не утаишь. Сегодня свекровь вызвала у девочки интерес к тому, о чем ей не следует знать. Девочка начнет думать, допытываться, узнавать. Того и гляди кто —нибудь подтвердит ей истину.

Лучше всего уехать. Туда, где никто ничего не знает. Где никто ничего не может сказать. Где ссадина заживет, забудется...

Анна думала, что хочет уехать из города только ради Женечки, спастись от пересудов...

Но стремилась она в деревню не только из — за дочери, ее давно тянуло поближе к земле, нужен был лишь повод... Она и ухватилась за повод.

На следующий день Анна разбудила мужа раньше обычного.

— Алеша, я хочу уехать.

— Как уехать? Куда?

— Куда — нибудь, в деревню. В колхоз. Агрономом.

— С чего это вдруг?

— Я не вдруг.

Он сел на кровати, посмотрел на пол, словно что — то новое на нем увидел,
принялся одеваться.

— Подумаем.

Анна разбудила старшую, накормила младшую, непрерывно думая о своем.

Свекровь вела себя тише воды ниже травы. Нажарила картошки. Принесла из погреба огурцов. Вскипятила чаю. Напекла даже пышек, хотя обычно пышки пекла только по воскресеньям.

Пододвинула пышки Женечке.

— Ты кушай, кушай...

Анна вышла из дома вместе с дочерью. Алексей нагнал их.

— Все думаю, — сказал он. — Может, ты и права.

Анна удивилась, что он не спорит. Алексей любил поставить на своем. Он был самолюбив, всегда старался дать понять, что все в доме решает он. Даже удивительно было, что он не пытается возражать.

Должно быть, Алексей просто испугался, что Анна может от него уйти.

Понимал: обижать Женю она не позволит, дочь ради мужа не пожертвует. Это он понимал, А потом ему казалось, что в деревне Анна будет более одинока, чем в городе, меньше будет проявлять свою волю...

На работе ни Анна, ни Алексей никому ничего не сказали. Думала Анна, думал Алексей, решение пришло к ней внезапно, но для каждого в нем содержался особый смысл.

В обед Анна побежала кормить маленькую. Свекровь стряпала, Ниночка

спала, Женя делала уроки. Было тихо, мирно, точно вчера ничего не произошло.

Сейчас было очень подходяще сказать о своем намерении свекрови.

— Мама, знаете, мы хотим переехать...

Свекровь не выразила особого удивления, а может быть, поборолась в себе любопытство.

— Куда это? — деловито спросила она теми же словами, что и Алексей.

— В деревню, — сказала Анна. — Там спокойнее.

— Ну что ж! — ответила свекровь. — В деревню так в деревню. Корову купим, совсем будет хорошо. Здесь не так сподручно, а уж в деревне без сена не останемся.

Анна дивилась. Против ожидания, ни муж, ни свекровь не встретили ее

предложения в штыки. Наоборот, она это заметила, чем — то это предложение

пришлось им по душе. Анна даже насторожилась: не слишком ли опрометчив такой шаг, может, стоит повременить?..

Вечером Анна решила сходить к Ксенофоновым. Тетя Дуся не умела кривить душой, только она одна и могла помочь Анне разобраться в ее переживаниях.

Анна рассказала обо всем, что произошло.

— Вот я и надумала, тетя Дуся. Подальше от греха. В деревне мы для всех чистое полотно.

— Корят, значит? — спросила тетя Дуся. — Не удержались?

— Да как сказать... — Анна задумалась. — Женщина необразованная, сорвалось с языка. Родную внучку, конечно, больше жалеет.

Тетя Дуся поджала губы.

— Смотри, девка, они и тебя укорят.

— Меня — то чем же?

— Найдется чем. В деревне они тебя вокруг руки обматывают, на то и

расчет. А ты не поддавайся.

— Может, не ехать?

— Поезжай. Тесно тебе здесь. Думаешь дочь оберечь, а тебе и самой

хочется. Вижу ведь я тебя, Анечка. Один все у бережка плещется, а другой

норовит куда бы поглубже нырнуть...

Выражалась тетя Дуся иносказательно, но в Суроже не удерживала.

Понимала, кажется, Анну лучше, чем она сама себя понимала.

Придя домой, Анна возобновила утренний разговор.

— Надумал, Алеша, или нет?

— Не возражаю. Надо к какому-то берегу прибиваться. — Он засмеялся. —

Только мать ставит условие. Купите корову, говорит, поеду. Охота, говорит,

своего молочка попить.

— Купим, конечно...

Анне было не до коровы. В глубине души она чувствовала, что этот пока

еще предполагаемый переезд заново поворачивает всю их жизнь. Ей вспомнился

почему-то Петухов, он ведь тоже говорил о деревне...

Вечером Анна, Алексей и даже мать то и дело принимались толковать о

том, что ждет их в колхозе. Свекровь мечтала о корове, об огороде, ее

прельщала возможность обзавестись хоть небольшим, но своим хозяйством.

Расчеты Алексея были сложнее. Вероятно, он тешил свое самолюбие

перспективами возвыситься и над женой и над окружающими. В отделе он

все-таки был по отношению к Анне подчиненным, а в колхозе рассчитывал,

по-видимому, обрести большую независимость. Анна тоже рассуждала о пользе

переезда, но на самом деле — она ощутила это вдруг совершенно явственно —

она нестерпимо соскучилась по земле.

Анна еще не знала, как ей заговорить с Богаткиным, но на следующий день

он сам начал с ней разговор.

— В колхоз хотите, Анна Андреевна?

— Кто вам сказал?

— Алексей Ильич. Молодцы вы! Не хотелось бы отпускать, но... — Богаткин

сочувственно развел руками. — Алексей Ильич коммунист, да и вы... Какая вы

беспартийная! Вполне советский человек. Пятый год мы с вами...

Анна смутилась.

— Возникла у нас такая мысль, Александр Петрович...

Богаткин помешал ей высказаться.

— Я бы вас задержал, но в райкоме только и слышишь: давай да давай

специалистов на производство! Агрономов, зоотехников, механизаторов.

Укрепляй да укрепляй! А откуда я их возьму? Рад бы вас задержать, да неволя

заставляет...

— Мы еще все думаем...

Но Богаткин опять не дал ей договорить.

— Принципиально правильно решили вы у себя на семейном совете.

Партийный человек у вас муж. Он мне сегодня сразу с утра: переезжаем в

колхоз. Раз такое дело — пошлем. Вас агрономом. Алексея Ильича тоже по

специальности. А в дальнейшем может председателем стать или выберут

секретарем парторганизации. Все зависит от вас самих...

Богаткин тут же пошел в райком. Вяловатый в делах и недостаточно

принципиальный, он был восторженный человек.

Порыв Бахрушина и его жены,
патриотический порыв, как он понимал, понравился
ему, он хотел похвастаться
этими людьми и наконец показать, что и он выполняет
указания...

Когда Богаткин вернулся, судьба Гончаровой была
решена.

— Все отлично, — сообщил он Анне. — В
райкоме приветствуют. Мы
советовались. Как вы смотрите насчет того, чтобы
поехать в "Рассвет"?

В "Рассвет" или не в "Рассвет" было уж не так
важно. Важно было, что

теперь уже нельзя не ехать. Впрочем, это неплохой
колхоз, Анна с охотою

ездила в "Рассвет". Уж очень веселые там девчата. Она
как — то даже помогала
им сажать кукурузу.

Анна с мужем вместе вышли после работы.

— Чего это ты наговорил Александру Петровичу? —
спросила она.

— Что люди, то и я, — объяснил Алексей. — Все
едут, вот и мы решили.

— А это честно? — упрекнула его Анна.

— Не на семейные же обстоятельства ссылаться!
— Алексей насмешливо
посмотрел на жену. — Зачем выглядеть хуже людей?

— Ладно, — согласилась Анна. — Не так уж важно,
что скажут, важно, как
сами будем работать. — Она замедлила шаг. — И
вот еще что, Алеша, —

предупредила она мужа. — Скажи матери. Если она
хоть слово еще кому скажет о

Жене, ноги ее в нашем доме не будет, понятно?

Богаткин сам повез знакомить Гончарову с Пospelовым.

Собственно говоря, Анна была знакома с Пospelовым, она встречалась с председателем колхоза "Рассвет" и в райсельхозотделе, и на разных совещаниях, и в колхозе, когда приезжала туда.

— Привет, Анна Андреевна!

— Здравствуйте, Василий Кузьмич...

Они были знакомы, и все — таки Анна его не знала, бог ведает, каков он,

как живет, чем дышит. Да и не так уж интересовал он раньше Анну, все

председатели в общем на одно лицо, один посильней, другой послабей, но всех

одной меркой мерят — умеи ладить с колхозниками и вовремя рассчитываться с

государством. Но теперь, когда предстояло работать вместе с Пospelовым,

стать его ближайшей помощницей, Пospelов вызывал к себе особый интерес.

Райисполкомовский "газик" трясся мелкой рысцой. Серенькая, неказистая

эта машина напоминала Анне работающую крестьянскую лошадедку. Трусит она себе

во всякую погоду и по любой дороге, а ее только и знают, что погонять и в

хвост и в гриву. Есть "выездные кони", берегут их для парадных выездов, а

пусти какой — нибудь заморский лимузин на наш русский простор, не оберешься с

ним горя, застрянет в первой же колее.

— Вот и приехали, — сказал Александр Петрович.

— В контору или домой к Пospelову?

— Лучше в контору, — ответила Анна. — Раньше времени в гости набиваться не следует.

Пospelов оказался в конторе, посылать за ним не пришлось.

Местный уроженец, он здесь учился, здесь женился и председателем колхоза стал еще до войны. В армию Василия Кузьмича не взяли, войну он провел в партизанском отряде в пронских лесах, мужик рачительный, хозяйственный, в отряде ведал снабжением, но, случалось, и поезда пускал под откос. В районе он считался неплохим председателем. "Рассвет" не числился среди передовых колхозов, но и в отстающих не ходил, не вызывал в людях ни особой зависти, ни порицания.

Контора помещалась в доме бывшего богатея Перевощикова. Кабинет Поспелова находился на черной половине, за печкой, там было теплее.

Анна и Богаткин прошли в кабинет. Поспелов сидел с Кучеровым, бригадиром первой бригады. Кучеров был известен в районе не меньше Поспелова, считался лучшим оратором колхоза, и на всех совещаниях и конференциях именно он выступал всегда от "Рассвета".

— Ну вот, привез вам агронома, — приветствовал Богаткин Поспелова. —

Любите, жалуйте и не ссорьтесь...

— Чтобы ссориться, — пошутила Анна, — надо хорошенько друг друга узнать.

— А мы вас очень даже хорошо знаем, — рассудительно ответил Поспелов. —

Иначе не согласились бы на вас.

Анна удивилась.

— Да откуда ж вы меня знаете?

— Глупостей не преподавали, вот откуда, — разъярил Поспелов не без насмешечки.

— Каких глупостей?

— Да мало ли глупостей могли вы за четыре года

понаписать? Мы ведь

читаем бумажки, которые нам посылают, а вы не писали глупостей, хоть и могли...

— Развел критику! — Богаткин засмеялся. — А я, значит, глупости писал?

— А мы и на вас не говорим, — отозвался Пospelов. — Это я о тех, кто в деревню за васильками ездют...

Анна внимательно посмотрела и на Пospelова, и на Кучерова — Пospelов

добродушно усмехнулся, Кучеров иронически помалкивал — и подумала, что,

пожалуй, смысл ее деятельности в колхозе будет заключаться и в том, чтобы

преодолеть то, что проявлялось сейчас в Пospelове и пряталось где — то в

Кучерове. Пospelов был гораздо грамотнее, чем хотел казаться, прекрасно мог

обходиться без всяких этих "ездют" и "глупостей", но, конечно, и ему, и

многим другим легче и безответственнее работать, прикрываясь своей

необразованностью.

— А кто же ездит сюда за васильками, Василий Кузьмич? —

поинтересовалась Анна.

— Да ездют — уклончиво отозвался он. — Всякие там. Из Москвы,

например...

— А я так думаю, что Москва больше хлебом нуждается, чем васильками, —

сказала Анна. — В Москве своих васильков достаточно.

Пospelов хитро прищурился.

— Говорите, хватает в Москве своих васильков?

— Давай не о цветочках, а о более низкой материи, — вмешался Богаткин,

не уловив скрытого смысла их разговора. — Как вы Анну Андреевну устраивать будете?

— А это от нее будет зависеть, — опять усмехнулся
Поспелов. — Временно

она к нам или насовсем. Ежели хочет присмотреться,
найдем квартиру, а ежели

пожизненно, можем и дом продать.

— Это какой же дом? — любопытствовал
Богаткин.

— Есть тут, — уклончиво отозвался Поспелов.

— Да ты не жмись, может, дом — то и соблазнит на
пожизненно, — подзадорил

Богаткин. — А то ты и рад и не рад.

— Да был тут у нас один, выслужился в
полковники, построил родителям

дом, а теперь забрал их к себе, а дом нам уступил.

— Так ты покажи...

Дом, поставленный полковником, действительно
мог привязать к себе

владельца. Колхоз соглашался продать его агроному
Гончаровой в рассрочку,

если она обещает не сбежать из колхоза.

Богаткин поручился за Анну — что — что, на
обман Анна решительно не

способна, в этом он мог поручиться за нее, как за
самого себя.

Но сама Анна колебалась, хотела еще
посоветоваться с Алексеем.

Вспомнилась и просьба свекрови.

— Василий Кузьмич, а корову здесь можно купить?

— Корову?

— У меня свекровь не соглашается ехать без
коровы... — Анна застенчиво

посмотрела на Богаткина. — Дети, понимаете.
Говорит, без коровы нам не

прожить.

Поспелов почесал у виска.

— Корову достанем, — неопределенно сказал он. —
Есть у людей коровы. А

то и с базара приведем.

Но Богаткину не терпелось сосватать Анну.

— А у себя не найдете?

Поспелов опять поскреб затылок.

— У себя — это, значит, на ферме...

— А вы выбракуйте, — подсказал Богаткин. —
Выберите получше и
выбракуйте.

Анна знала, как в некоторых колхозах
выбраковывали для начальства
лучших коров... Нельзя начинать с грабежа.

— Нет, в колхозе я покупать не стану, —
сказала она. — Только у
частного владельца.

Поспелов пытливо взглянул на Анну.

— Найдем, найдем. Купим, — заверил он и
улыбнулся. — В крайнем случае
свою продам.

Анна тоже улыбнулась.

— Выбракуете?

— Браковать нечего, корова хорошая. Да уж для
милого дружка...

Анна прищурилась.

— Не пожалеете?

— Нет, не пожалею, — решительно вдруг сказал
Поспелов. — Переезжайте. А
корова... Корову найдем.

И Анна тоже решилась, как — то сразу решилась, и
они ударили с Василием
Кузьмичом по рукам.

Богаткин засмеялся.

— Это не все. Придется еще устраивать Бахрушина,
— предупредил он. —

Мужа от жены не оторвешь.

Поспелов задумался.

— А его кем?

— Бухгалтером.

— У нас и должности такой нет, и на Малинина не
обижаемся.

— Мы пока подержим его в отделе, а начнем
укрупнять колхозы,

понадобится и бухгалтер... Поспелов переглянулся с
Кучеровым. Их заботило не

столько устройство Бахрушина, сколько предстоящее укрупнение. Колхоз в соседнем Кузовлеве был не таким уж приятным дополнением для "Рассвета".

Но все это, конечно, не могло повлиять на желание Пospelова заполучить

Гончарову. Если укрупнение произойдет, она особенно будет нужна, чтобы поправить дела в Кузовлеве.

После этой поездки все пошло быстрее и легче, чем можно было

предположить. Райком дал согласие, Богаткин рекомендовал, правление колхоза

утвердило Гончарову агрономом, и вот уже грузовик колхоза начал совершать

рейсы между Сурожем и Мазиловом. Ни Алексей Ильич, ни Анна не жили особо

богато, но домашнего скарба набралось предостаточно.

Анна торопилась с переездом. Приближался весенний сев, и она боялась

кому — то доверить это дело. Как посеешь, так и пожнешь. Как пожнешь, так и

пожрешь. А есть придется теперь то, что она посеет и вырастит. Вещи не

успели перевезти, а она уже начала ночевать в колхозе. То у Пospelова, то у

Мосолкиной, заведующей молочной фермой.

Мосолкина — симпатичная женщина. Спокойная, добродушная, не без

хитрецы. Жила вдвоем со взрослой дочерью и охотно приглашала Анну к себе.

Но вот наконец переезд совершился. Бахрушины заняли полковничий дом.

Расставлены были шкафы и кровати, развешаны занавески. В доме началась новая

жизнь. Только самой Анне некогда было его обживать. Она пропадала то в поле,

то в правлении. Неугомонный ее характер не давал покоя ни ей самой, ни

окружающим. Пospelов сперва покряхтывал, потом

смирился.

Только Алексей не мог простить Анне, что она согласилась пойти в

"Рассвет", не посоветовавшись с ним. Ему хотелось перебраться в колхоз ради

спокойной жизни, а с такой женой, как Анна, в деревне оказалось еще

беспокойней, чем в городе. Анна не умела спокойно жить. Во всяком случае, ей

чужда была невозмутимость, с какой Алексей относился к окружающему.

В Сурожье Анна надолго притихла, попав в канцелярию. Туман войны лишь

постепенно рассеивался в ее сердце. Сидя за бурым, закапанным чернилами

столом, она медленно приходила в себя. Вороха бумажек заслоняли от нее и

землю, и солнце, и людей...

Воздуха не хватало, но кое-как можно было дышать. Она вырвалась из

плена привычки ради дочери. Так ей думалось. Ради самой себя она не стала бы

ломать привычный уклад жизни. Но стоило ей вырваться на простор,

соприкоснуться с живым делом, ей самой сделалось непонятно, как могла она

так долго тянуть бремя нудной канцелярской лямки.

Прав был Петухов, тысячу раз прав, когда гнал ее на землю! Ее место в

поле, под солнцем, на ветру. Она точно ожила. Радовалась всему, что ее

окружало. Вновь вспыхнула нежность к Алексею. Она точно помолодела, и муж

опять казался ей добрее и лучше, чем это было в действительности.

Вскоре после переезда Алексей зазвал Пospelова в гости. Пospelова и

Малинина, счетовода колхоза. Справить новоселье. Должно быть, ему хотелось

понравиться Пospelову, да и не одному Пospelову.

Водки было с избытком, за закуской Алексей специально съездил в Сурож.

— Василий Кузьмич! Павел Павлович! — восклицал Алексей, обращаясь к гостям. — Это только первая колом! Вторая соколом, а остальные мелкими пташками...

Поспелов пил в меру, старался блюсти достоинство, но тут не выдержал,

переложил через край, так настойчиво угощал Алексей.

Анна помалкивала. Что могла она возразить? Новоселье! От хозяйского стола гостей не отваживают.

На другой день Алексей привел Малинина и Поспелова опохмеляться, на

третий продолжали опохмеляться, а на четвертый...

На четвертый день правление утвердило Алексея на должность бухгалтера.

Он вернулся домой победителем.

— Без Богаткина обошлись. Ребята свойские.

Анна порозовела, как девушка.

— Но ведь это же стыдно, Алеша!

Алексей с состраданием посмотрел на жену.

Не в пример Анне, Алексей на работу не жадничал, не торопился прибрать

все дела к рукам. Он похаживал в правление, но нельзя сказать, чтобы

переутомлялся, по утрам не спешил, по вечерам не задерживался, охотно ездил

только по делам в город.

— Ты бы дома когда посидела, — упрекал он жену.

— Дела, — оправдывалась Анна.

— Дела не голуби, не разлетятся.

С детьми приходилось возиться свекрови. Женя стала совсем большая.

Надежда Никоновна заставляла ее нянчить Ниночку, но уже не осмеливалась не

только ударить, даже голос повысит на нее. Мир миром, а невестку свекровь побаивалась.

Но от своего условия Надежда Никоновна не отступилась. А Анне почему — то стыдно было напоминать о корове Пospelову. Не так уж много она сделала для колхоза, чтобы требовать то то, то се. Алексей раздобыл корову без помощи Анны.

Своей коровой Василий Кузьмич, разумеется, не пожертвовал, но нашел подходящую в Кузовлеве. Там выдавали замуж дочь, срочно нужны были деньги.

Алексей Ильич отгулял два дня на свадьбе и самолично привел из Кузовлева корову. В доме наступил полный мир.

XVI

Хотелось лучше познакомиться с людьми, но времени не хватало.

Поджимали сроки сева. Пospelов все раскидывал умом да подсчитывал вместе с

Кучеровым — "хватит ли семенного фонду", как он выражался, и когда в

правления появилась Анна, он и ее вознамерился взять к себе в компаньоны. Но

Анна быстро поломала его занятия арифметикой.

— А где кладовщик? — поинтересовалась она. — Идти надо на склад и там смотреть, что есть...

— Кладовщик у нас честный, — уверенно заявил Кучеров. — Его проверять нечего.

— Да не его проверять, а семена, — поправила Анна. — Мне семена надо видеть, а не бумажки.

Пошла на склад, увлекла за собой Пospelова: невозможное ж положение —

агроном на складе, а председатель с карандашом за столом.

Зерно хранилось в громадном амбаре, сложенном из бело — желтого известняка, под железной крышей, крашенной темно — зеленой краской.

В амбаре чисто, прохладно, и под стать амбару кладовщик, тоже очень чистенький и вежливый, но без сладости, с этакой уважительной прохладцей.

— Гриша, — назвал его Пospelов.

— Челушкин, — представился он сам.

Анна подумала: у такого и в душе, и на складе все должно быть в порядке.

— Григорий... А как по батюшке? — спросила она.

— Челушкин, — повторил кладовщик.

— Хотим посмотреть зерно, — сказал Пospelов.

Без лишних слов Челушкин защелкал ключами.

Очень чисто было в амбаре, всюду подметено, у стен аккуратно сложены

лопаты. Зерно хранилось и в закромах, и в мешках, мешки, как солдаты,

выстроены в шеренгу, на мешках фанерные бирки с указанием сорта.

— Ну что? — спросил Пospelов. — Порядок?

Анна прошла по амбару, развязала один из мешков, зачерпнула горстью зерно.

— Кондиционное? — спросила она Челушкина.

— Вы же видите... — обиженно произнес Пospelов.

— Как вам сказать... — Челушкин замялся. — Зерно спервоначалу ссыпали в закрома, смешалось чуть...

— Я же вижу...

Анна торжествовала, что видит лучше Пospelова, во всяком случае, хочет видеть и лучше и глубже.

— Проверено на всхожесть, на влажность?

Она спрашивала так, как учили в техникуме.

Челушкин кивнул.

— Когда?

— В конце года.

— А в этом мешке?.. — Анна повернулась к

Поспелову: — С зерном еще
разобраться надо, Василий Кузьмич.

— Вот вы и разбирайтесь!

Она, кажется, к месту пришла, эта агрономша.
Поспелов поскреб

затылок. Привычный и давно уж забытый жест.
Беспокойная, но к месту. Такая и
нужна. Поспелов принял ее по совету Богаткина, но
принимал ее и душой. Она и
в Сурожье была к месту, и здесь.

XVII

Туговато было, конечно, жить, но все — таки уже
брезжил просвет. Мало
хлеба, и пшеницы, и ржи, беден еще трудодень, но
картошечки в общем хватает.

С государством рассчитались: сколько положено по
плану, столько и продано,
даже с перевыполнением, у районных организаций
претензий к колхозу быть не
должно. И самое важное — колхоз обеспечен семенами.
Семена лежат в колхозном
амбаре, под замком, весной не придется беспокоиться
— хватит или не хватит.

На сердце у Анны спокойно. Самое важное —
семена. Будут семена весной,
можно надеяться на урожай осенью.

Теперь только чтобы никто не подгонял. Одна мечта.
За советы спасибо, а
жить позвольте своим умом.

Однако Анна успокоилась раньше времени. Не
прошло и нескольких дней,

как в неурочное время хлопнула в доме дверь.

— К тебе, Аня, — певуче проскрипела из — за перегородки свекровь, голос

ее напоминал кряканье обученного говорить скворца.

У входа кто — то шаркал сапогами — накануне Анна до того отскоблила — отмыла полы, что на них боязно было ступить.

В горницу вошел Пospelов.

— Можно, Анна Андреевна?

Свекровь выглянула и скрылась, она не любила, когда к Анне приходили мужчины.

— Заходите, заходите, Василий Кузьмич.

Анна пошла навстречу Пospelову.

— Пол уж больно...

— Грязь ваша — руки наши, Василий Кузьмич. Отмоем.

Пospelов осторожно присел на краешек стула; по одному этому движению

Анна догадалась — пришел о чем — то просить.

— Отдыхаете?

— Да не так чтобы очень. Убралась вот. Сбиралась в Кузовлево...

— А что в Кузовлеве?

— Есть одна думка о чистых парах...

В Кузовлеве находилась вторая полеводческая бригада.

— На лошади поедете?

— Конечно.

— А может, на машине?

Наверняка Пospelов с просьбой, даже машину предложил!

— Незачем машину гонять, — отказалась Анна. — Четыре километра всего.

— А как настроение, Анна Андреевна?

Он никак не решался высказаться.

— Ничего настроение. А у вас что ко мне?

Пospelов мялся, запинаясь.

— Как у нас с семенами, Анна Андреевна? Хватит?

— Сами знаете, Василий Кузьмич. Просить ни у кого не придется. — Ее чем-то встревожил вопрос. — А в чем дело, Василий Кузьмич?

Поспелов потупился.

— Из району звонили, — выдавил он из себя. — По поводу закупа.

— Ну и что?

— Не выполняет район.

— Чего?

— План.

— Ну, а мы при чем?

— Мы ни при чем.

— Ну и все.

— Да не все.

— Что не все?

— Да ведь звонят же!

— А чего звонят?

— Не понимаете?

— Ну и пусть звонят.

— Поддержать просят.

— Так ведь мы свое продали.

— Просят.

— Так у нас только что на семена.

— Вот и просят, весной, говорят, отдадут.

Вот она — беда! Это была старая песня. Осенью вымести все до зерна, а

весной протягивать руку. Дать — дадут, конечно, пустыми поля не оставят. Но

что дадут и как будут давать...

У Анны такое ощущение, как если бы пришли к ней за Женечкой: отдай,

мол, потом вернем.

— Не дадим, — сказала Анна. — Даже не думайте.

Поспелов покряхтел.

— Приказывают.

— Ну и пусть приказывают.

— Придется, Анна Андреевна...

Она встала прямо перед Поспеловым.

— Не дам!

— То есть как не дам? — Поспелов вспыхнул. — А кто вы есть? Правление постановит, и все.

— Не постановит.

— Очень даже постановит. В правлении коммунисты, вызовут в порядке партийной дисциплины и постановят.

— Да вы думаете, что говорите? — рассердилась Анна. — А весной милостыню собирать?

Поспелов встал.

— А ежели государство просит?

Но Анна уже не могла сдерживаться.

— Государство свое получило, теперь пусть о нас подумает.

Поспелов махнул на нее рукой, пошел к выходу.

— Сдадим, Анна Андреевна.

Она все — таки успела крикнуть вслед:

— Через мой труп!

Но она понимала, что райкому Поспелов не посмеет отказать. Не хватит характера.

В Кузовлево Анна решила не идти. Важнее было найти Челушкина. Он шестой год работал в колхозе кладовщиком. Богато ли, бедно ли жили в колхозе, со склада у него не пропало ни зернышка. Ни одна ревизия — а ревизии, случалось, налетали вовсе неожиданно — не могла уличить его ни в малейшей недобросовестности.

Анна нашла его у конторы.

Он стоял, попыхивая папироской. Правый рукав у него, как всегда, был

аккуратно приколот к гимнастерке английской булавкой. С войны Челушкин

вернулся без руки, но не захотел садиться государству на шею, пошел в

правление колхоза и попросил дать работу по силам.

— Ты чего, Гриша?

- Василий Кузьмич вызвал, жду.
- Ключи от амбара с собой, Гриша?
- При мне, Анна Андреевна.

Уж если идти наперекор, медлить нельзя.

- Дай — ка их, Гриша.
- А что, Анна Андреевна? Проверить что хотите?
- Да вроде и проверить.
- Возьмите...

Сбить замок без нее не посмеют, в этом Анна была уверена.

Она вся жила будущей весной, она не могла отдать ее на произвол обстоятельствам.

Вечером ее вызвали в контору.

- Василий Кузьмич зовет!

Она знала: говорить с ней один на один он больше не станет.

В коридоре собралось почти все правление. Рядом с Пospelовым сидел

Кучеров. Был Донцов, рядовой колхозник, — он отказывался от любых должностей

— очень всеми уважаемый человек. Был Челушкин, хоть он и не член правления.

Была Мосолкина, заведующая молочнотоварной фермой, — после своего избрания

она не проронила на заседаниях правления еще ни слова. Был счетовод

Малинин...

— Садитесь, товарищ Гончарова, — пригласил Пospelов.

Он был строг, важен, официален, от давешней нерешительности не осталось следа.

— Вы что ж это самоуправничаете, товарищ Гончарова?

- Я не самоуправничаю, Василий Кузьмич.

— Ключи забрали... — Он не знал, что еще сказать. — Вот правление обсудило вопрос. Решили поддержать. Сдать дополнительно...

Он не сказал, что сдать и сколько, все — таки ему тоже было не по себе.

— Товарищи, это же невозможно, — сказала Анна. — Вы сами понимаете.

— Мы не можем подвести район, — сказал Пospelов.

— Можем, — сказала Анна. — Это неправильная постановка вопроса. Надо

хоть немного, да заглянуть вперед. Мы разоружаем себя...

— А мы и боремся за разоружение, — пошутил Кучеров.

— Не за такое, когда обстоятельства могут подмять нас, — быстро

возразила Анна. — Товарищи, ведь я тоже была на войне. Я видела, что значит

остаться без оружия...

— Ну, это неподходящее сравнение, — заметил Донцов. — Наоборот, мы, так

сказать, подкрепим атаку...

— Или поможем прикрыть плохую работу.

— Вы это в районе скажите.

— И скажу.

— Короче, короче, — сказал Пospelов. — Райком предлагает сдать еще

четыреста центнеров. Весной районные организации все равно будут обращаться

в область за семенным материалом, нам возместят в первую очередь...

— Товарищи, мы же разденем колхоз! — опять вступилась за семена Анна.

— Так как, товарищи, — оборвал ее Пospelов, — возражений нет?

— Нет, есть! — сказала Анна. — Переносите вопрос на общее собрание.

— Да ты в уме, Анна Андреевна? — рассердился Пospelов. — На что еще

общее собрание?

— И пусть из райкома приедут. Там мы откровенно поговорим...

Гончарова сбила настроение, люди колебались, во всяком случае, никто не

хотел взять на себя ответственность за продажу семян.

— А ведь правда, — подлил масла в огонь Донцов.
— Почему не поговорить с людьми?

— Ну, ладно, — сказал Пospelов. — Утро вечера мудренее. Позвоню утром в район, посоветуюсь.

XVIII

В окно неистово застучали — стекло задрезало, вот — вот выскочит.

Алексей отдернул занавеску.

— Тебя, — позвал он жену.

Под окном стояла Аленка, младшая дочь Пospelова.

Анна распахнула окно.

— Что тебе, Аленушка?

— Папка наказал... Собираться... В район поедете. Заедет за вами...

Она выполнила поручение — и только пятки засверкали.

— Ну чего там? — недовольно спросил Алексей.

— В район с Василием Кузьмичом еду.

— Цапаешься ты все...

Должно быть, Алексей что-то слышал о вчерашней стычке. Он не любил

спорить с женой — переспорить ее никогда не удавалось — и осуждал ее манеру

"жить шумно", как он выражался. "Жила бы потише, — говорил он, — и почета больше, и здоровья".

Анна наскоро оделась, позавтракать не успела. Легковушка с Василием

Кузьмичом подкатила к крыльцу, и водитель с ходу просигналил тревогу.

Василий Кузьмич очень гордился своей легковушкой, хотя только слава шла, что колхоз имеет легковую машину. На самом деле это был старый трофейный "виллис", еще в начале войны отбитый партизанами у немцев и каким — то случаем приبلудившийся в Мазилове.

— Мы куда, Василий Кузьмич? — осведомилась Анна.

— В райком, — коротко ответил он и замолчал снова.

Они так и промолчали всю дорогу.

Анна еще ни разу не бывала в райкоме, и было чуточку обидно, что

впервые попадает она туда как бы вроде подсудимой.

Поспелов остановился перед одной из дверей. "Приемная РК КПСС". Вошли.

Диван, стулья. Две двери, направо и налево, обитые черным дерматином.

Ковровая дорожка. За столом миловидная женщина с вопрошающими глазами.

Она укоризненно взглянула на Поспелова:

— Он вас с утра ждет...

— Спешили, Вера Михайловна!

— Пойду доложу.

"Первый секретарь Сурожского РК КПСС И.С.Тарабрин", — прочла Анна на двери.

Женщина вскоре вернулась.

— Проходите.

Тарабрин секретарствовал в Суроже четвертый год, район свыкся с ним, а

он свыкся с районом. Анна с некоторым даже трепетом вошла в его кабинет — с

людьми такого положения ей еще не приходилось общаться.

— Товарищ Гончарова? Здравствуйтесь. Познакомимся. Садитесь.

Тарабрин был прост, приветлив, доступен. Слова выговаривал негромко и

четко. От него веяло спокойствием, военной аккуратностью.

— Здравствуйте, Василий Кузьмич, — поздоровался он и с Пospelовым. —

Садитесь.

Первое впечатление от него было хорошим.

— Ну, что вы там? — снисходительно спросил он Анну. — Василий Кузьмич звонил мне. Рассказывайте.

Он сел поплотнее в кресло, давая понять, что не торопится и готов внимательно выслушать свою собеседницу.

Анна собралась с духом, ей не хотелось, чтобы Василий Кузьмич вмешивался в разговор.

— Мы продали, что нам полагалось. Выдали на трудодень. Не так уж много,

но выдали, и засыпали семенной фонд. А теперь опять предлагают продавать. Но

у нас, кроме семенного фонда, ничего нет. По моему, это преступление,

товарищ Тарабрин. Конечно, я понимаю, весной нам возместят, но зачем

создавать в колхозе нервную обстановку? Для чего вытягивать за чужой счет

отстающих? Не могут отдельные хозяйства тащить на своей шее весь район...

Тарабрин с любопытством разглядывал Анну. С ним редко разговаривали так

прямодушно и бесхитростно. "Но и так по — детски", — подумал он и простил за

это Анне ее упрямство. "Детское упрямство", — ответил он про себя, не

высказывая, конечно, вслух этих мыслей.

— Вы правы, — мягко сказал Тарабрин. — И не правы... Может быть, правы

с позиций колхоза. Были бы правы, если бы мы жили в обществе, где

конкуренция и эгоизм определяют общественные отношения. Но мы живем при

социализме, у нас иные критерии. Один за всех, и все за одного. Разве государство потерпит, чтобы пустовала земля, чтобы кто-то лишился результатов своего труда? У нас общность интересов. Разве возможно — за одну бригаду вы отчитаетесь, а за другую нет? Вы представляете колхоз в целом. И мы тоже не можем, так сказать, предстать перед областью в двух лицах. Не можем делить колхозы на чистых и нечистых. В свою очередь, область не может делить районы на плохие и хорошие. У области тоже одно лицо. Вы улавливаете связь? Колхоз — район — область... Так создается престиж государства!

Сегодня ваш сосед выполнит план с вашей помощью, а завтра он поможет вам. В

конце концов у нас общий закрот. Государственный!

Анне нечего возразить, и все — таки она не согласна.

— Поняла? — вдруг спросил ее Василий Кузьмич и осуждающе добавил: — А

она — общее собрание!

— А почему не объяснить это всем колхозникам? — возразила Анна. — Один общий государственный закрот.

— Потому что далеко еще не все колхозники мыслят государственными категориями, — объяснил Тарабрин. — Слышали о демократическом централизме?

Кое — что снизу, но не все снизу...

Анна не вполне уловила мысль Тарабрина. В свое время она сдавала в техникуме зачет по истории партии, но не считала себя хорошо подкованной в политике.

— Вы поняли меня? — пытливо спросил ее Тарабрин.

Анна чувствовала себя бесконечно слабой.

— Но я не могу...

— А вам и нечего мочь, — холодно произнес Тарабрин. — Сидите и молчите.

Вообще, это дело не ваше, а правления и товарища Пospelова...

— Мы все—таки соберем собрание, — тихо сказала Анна. — Колхозники не пойдут против...

— Вы что — хотите скомпрометировать райком? — задал ей Тарабрин вопрос.

— Не следует волновать людей.

— Следует, — сказала Анна.

— А вы, оказывается, любите дешевый авторитет, — сказал тогда Тарабрин.

— Но мы вас не поддержим. Так вы легко можете очутиться вне партии.

Анна хотела что—то сказать, но Тарабрин перешел в ту неотразимую атаку,

которая неизменно приносила успех во всех спорах.

Со сдержанной улыбкой он поглядел на Пospelова.

— Помнишь, Василий Кузьмич?

На этот раз Пospelов не ответил, хотя отлично помнил, сколько раз

Тарабрин в тяжелые минуты угрожал ему потерей партбилета.

Но Анна Тарабрина не поняла и опять хотела что—то сказать, но тот не

хотел уже слышать возражений.

— Завтра вывезете двести центнеров, — продолжал Тарабрин, на этот раз

больше обращаясь к Пospelову. — Это директива. Директива райкома. Понятно?

— Но я вам хочу объяснить... — начала снова Анна.

Тарабрин не захотел ее слушать.

— Вы потеряете свой партбилет, — промолвил он тоном, не терпящим

возражений. — Партбилет у вас с собой?

— У меня нет...

Она хотела сказать, что у нее вообще нет партбилета, что она

беспартийная, но Тарабрин опять помешал Анне

договорить.

— И очень плохо, — сказал Тарабрин. —
Партбилет всегда должен
находиться при коммунисте.

Поспелов вдруг вступился за Анну.

— Да она по молодости, Иван Степанович...

— Ладно, — смягчился Тарабрин. — Идите и
завтра же сообщите, сколько
вывезли вы зерна.

Спорить с Тарабриным бесполезно, он всегда
докажет свою правоту. Да

Василий Кузьмич и не сомневался в том, что Тарабрин
прав. Ему по должности

полагалось быть умнее и дальновидней Пospелова.
Не стоило понапрасну

отнимать время у секретаря райкома. Василий Кузьмич
заторопился, пошел, и

Анна пошла, хотя ей казалось, что они ни о чем не
договорились. Она уже не

замечала ни просторного коридора, ни широкой
лестницы. Она шла и думала, что

первое впечатление не обмануло ее: Тарабрин хоть и
повысил на нее голос,

все—таки оказался на высоте, настоял на своем,
оказался принципиальным

человеком. И в то же время она чувствовала, как лицо
ее почему—то горит от

стыда. Она уступила Тарабрину, не могла не уступить,
не могла его оспорить.

Но на душе у нее было нехорошо. Что—то
половинчатое было в ее согласии.

Тарабрин тоже в чем—то не прав, он тоже проявил
половинчатость. Она не могла

понять Тарабрина. Но не могла оправдать и себя. Не
надо уступать. Никогда не

надо уступать, если ты уверен в своей правоте.

Зима не ознаменовалась большими событиями,
шла себе и шла, дни
помаленьку прибавлялись, катились через сугробы, как
колобок. Кто был занят
делом, а кто и бездельем. Пospelов — мужик
хозяйственный, и тот не боялся,
что дела в лес убегут, зимой можно было и вздохнуть и
отоспаться.

И почему он затеял ревизию склада, Анна
попервоначально не догадалась.

— Самое время, — объяснил он. — Покуда покой,
спокойненько сочтут...

Челушкин, разумеется, не возражал —
пожалуйста! — даже был доволен:

умный и честный человек всегда доволен проверкой.

— А чего проверять? — удивилась Анна. —
Челушкин, по — моему, вне
подозрений.

— Для порядка, — объяснил Василий Кузьмич.
— Когда никогда, а
когда — нибудь надо, проверим, и с плеч долой.

Вызвал честь по чести ревизионную комиссию,
придал в помощь Кучерова и

Малинина и попросил — "пока зима, пока свободно" —
пройтись по складам.

Ревизия принесла неожиданные результаты.
Комиссия обнаружила недостачу.

Не хватало около двух центнеров зерна, килограммов
десять коровьего масла,
свыше тысячи яиц.

Пошли к Пospelову.

— Как быть?

Василий Кузьмич не взял на себя решения.

— Пускай решает правление.

Мало кто верил, что Челушкин способен украсть,
но недостача налицо, и,

уж во всяком случае, Челушкин обязан дать
объяснения.

Однако Челушкин ничего не стал объяснять.

Это было тяжелое заседание. Все привыкли держать сторону Василия

Кузьмича — опытный человек, знает, что к чему, и в общем беспристрастный.

Кучеров, Мосолкина, Донцов...

— Как же это так, Гриша? — укоризненно спросил Василий Кузьмич. —

Докладай, брат, как же это ты допустил?

— А я не допускал, — сказал Челушкин. — Чего мне говорить!

— А кому говорить? — Василий Кузьмич нахмурился. — Ты знаешь, чему учит

товарищ Ленин? Фактам. Факты — упрямая вещь. Вот чему учит товарищ Ленин.

— А я не возражаю, — сказал Челушкин. — Я против фактов не спорю.

— Значит, есть недостача?

— Ну, есть.

— Выходит, брал?

— Нет, не брал.

— Откуда ж она?

— Просчитался.

— А за просчет знаешь что бывает?

— Ты, Гриша, разберись, разъясни, — вмешался Кучеров. — Подумай, поищи,

может, найдешь концы...

— А чего мне думать? — сказал Челушкин. — Недостача и есть недостача.

Ну, зерно я верну, у меня на трудодни побольше получено. А за яйца и

масло... Не сразу, конечно, или деньгами выплачу, или куплю и натурой верну.

Но Кучерову хотелось допытаться.

— А все — таки... Куда ж это делось?

— Яичницу мужик любит, — пошутила Мосолкина.

— Вот и делось!

— А мне кажется, говорить не о чем, — вмешалась Анна. — Челушкин

берется возместить, вопрос, значит, исчерпан.

Поспелов укоризненно покачал головой.

— Не торопись, не торопись, Анна Андреевна...

Но она продолжала:

— Ну, не знает человек. Не так уж много. Можно и не заметить...

Ей очень хотелось защитить Челушкина. Она чувствовала к нему душевное

расположение. Всегда точен, аккуратен и при этом какой — то очень открытый

человек. Она была уверена: раз Челушкин говорит "не знаю", значит,

действительно не знает.

Но Поспелов настроен был агрессивно.

— Дело не в возмещении, — продолжал он. — Под суд отдавать не собираемся, если даже и просчитался. Но оставлять кладовщиком...

Вот, оказывается, что нужно Василию Кузьмичу.

— А я хочу поддержать Гришу, — вмешался опять Кучеров. — Я о нем

дурного не думаю. Но куда ему, инвалиду с одной рукой, в кладовщички?

Сторожем — я понимаю. Но кладовщиком? Ворочать мешки, считать, взвешивать...

Где ему справиться!

Вот, оказывается, что им нужно!

— А я не согласна, — перебила Анна. — Челушкин вполне на своем месте. У

него с одной рукой порядка больше, чем у других с двумя...

— Ошибаетесь, Анна Андреевна, не с двумя, а с тремя!

Это Жестев, секретарь партийной организации. Он тихо сидел в уголке и

не вмешивался в спор. Он часто так поступал: послушает, послушает, а потом

уже скажет.

Анна не поняла было его, и Поспелов, кажется, тоже.

— Какими тремя?

— А очень просто, — пояснил Жестев. — Иной двумя вешает, а третьей отсыпает, две руки для общества, как у всех, а третья для себя, а Челушкину с его одной дай бог хоть колхоз обслужить...

— Я персонально против Челушкина тоже ничего не имею, — настаивал на своем Василий Кузьмич. — Но ведь говорим — то мы не о Челушкине, а о недостатке. Не судить? Ясно, что не судить. Но и простить нельзя. Даже невозможно. Работу подыщем, но не кладовщиком. В кладовщиках просто не имеем права оставить. Спросим вот хоть счетных работников, они по этой части собаку съели... — Он оборотился к присутствовавшему на заседании Бахрушину:

— Вот Алексей Ильич разъяснит, можно оставить кладовщиком человека, у которого обнаружена недостача?

Анна тоже быстро взглянула на Алексея, взгляд ее был очень понятен — поддержи, Алеша, поддержи, не надо менять Челушкина!

И он посмотрел ей в глаза, улыбнулся слегка, давая понять, что очень хорошо ее понимает, даже встал, точно собирался произнести длинную речь.

— Обычно за нарушение финансовой дисциплины накладывается дисциплинарное взыскание, но если обнаружена растрата или недостача, дело полагается передать прокурору, и, уж во всяком случае, виновник должен быть немедленно отстранен от работы...

Поспелов оживился.

— Значит, как я понимаю, Челушкина мы просто не имеем права оставить?

— Правильно, — подтвердил Алексей. — Где — то это граничит...

— Видите, Анна Андреевна, что говорит ваш муж?
Муж, так сказать, а не

может вас поддержать. — Пospelов торопился, ему не хотелось продолжать прения. — Проголосуем, товарищи?

За оставление Челушкина голосовали только Анна да Жестев, остальные, как всегда, склонились на сторону Пospelова — мужик опытный, знает, что к чему.

— А Челушкина в сторожа, — предложил Кучеров.

— Недоверие — и в сторожа? — спросила Анна.

— Я не пойду в сторожа, — сказал Челушкин.

— Ну, подыщем чего —нибудь, — торопливо сказал Пospelов. — Не к спеху.

Решим лучше, кого кладовщиком...

Кучеров не дал Пospelову договорить:

— Прохорова. Исправный колхозник. Работал в сельпо. Человек проверенный, авторитетный...

— Попробуем... — Василий Кузьмич оживился. — Возражений нет?

Прохорова протаскивали настолько наспех, что додуматься до "возражений" никто просто не успел.

— Значит, утвержден, — сказал Василий Кузьмич и, чувствуя себя в чем — то

виноватым, тотчас обернулся к Челушкину. — Ты, Гриша, не обижайся, без работы тебя не оставим...

Но Челушкин даже не ответил. Он хотел что — то сказать, пошевелил губами, не ответил, встал и быстро вышел за дверь.

Ну нельзя, нельзя так отпускать человека, и — Анна была убеждена в этом

— хорошего человека...

— Я сейчас, — быстро проговорила она. — Я сейчас, Василий Кузьмич...

И вышла вслед за Челушкиным.

Он словно знал, что она выйдет, стоял у крыльца и

носком сапога сбивал

снег со ступеньки.

— Гриша, вы куда?

— Домой.

— Я провожу вас.

Они неторопливо пошли сквозь сгущающиеся сумерки.

— Как вы быстро сдались, — упрекнула Анна Челушкина. — Надо защищаться!

Он усмехнулся.

— Зачем?

— Вас обвиняют, а вы точно соглашаетесь! — Анна пытливо посмотрела на

Челушкина. — Может, ее и не было — недостачи?

— Была.

Голос Челушкина звучал твердо.

— И вы знаете, как она образовалась?

— Конечно.

— Так вы что — просчитались или брали?

— Да не я брал...

— А кто?

— И вы в том числе.

— Да вы что, Гриша?

— А помните, взяли сотню яиц?

— Так мы же заплатили! Я сразу послала Алексея Ильича...

— Приходил. Спрашивает: подождешь?

— И вы ждете? Я завтра же расплачусь!

— Да не в том дело. Другие так же. Думаете, Василий Кузьмич не знает?

Скажи я что, все равно против меня обернут. Начальство приезжает, кормить

надо, вот и яичница и масло. Блины. Да и провешивался, конечно...

Анне нехорошо стало на душе.

— Мы это поломаем, заставим перерешить...

— И не пытайтесь. Думаете, Пospelов меня за недостачу?

— А за что?

— За ключи!

— За какие ключи?

— Да когда вам отдал. От склада. Когда отказались семена сдать.

— Вы шутите!

— Сами видели, какие шутки.

— А вы думаете — Прохоров...

— Прохоров — послушный мужик. Я яйца давал, а он и семена выдаст...

Анна задумалась. Они почти уже дошли до избы Челушкина. Он был прав и

не прав. Прав в том, что понимал обстановку, и не прав, потому что мирился с

ней. Но Анна не хотела лишаться Челушкина.

— Послушайте, Гриша, хотите идти в Кузовлево помощником бригадира? —

предложила она, — Будете там вроде как моим представителем.

В Кузовлеве и после объединения не ладилась дела.

— Соблазнительно, — неуверенно откликнулся Челушкин. — Я пошел бы.

— Думаете, Пospelов не согласится?

— Нет, почему же. Согласится. Там мне не в чем ему перечить...

Когда Анна вернулась, она заметила, что Пospelова еще не покинуло

смущение, которое владеет нами, когда мы совершим не слишком хороший поступок.

Она села на прежнее место, оглядела всех и решительно произнесла:

— Вот что, Василий Кузьмич, как хотите, но я хочу послать Челушкина в

помощники к Числову.

— А разве я против? — согласился Пospelов. — Пусть только поменьше

умничает.

Анна вдруг поняла — речь шла не столько о Челушкине, сколько о ней, это

ей Пospelов преподал урок, непосредственно задеть не осмелился, но урок

все — таки дал.

— Ладно, — сказала Анна. — Значит, посылаем Челушкина помощником бригадира?

Поспелов кивнул.

— Ну и хорошо, — примирительно заключил Жестев. — Может, он в Кузовлеве так себя покажет, что сами его обратно позовем.

XX

Смена дней. То в поле, то дома. Больше в поле. И в ведро, и в непогодь...

Вот говорят, где — то людям мешают работать, ставят препоны. Анне не верится. Ну как это так? Мешают... Сами себе мы ставим препоны. Она не забудет минувшей весны...

Весной семян, конечно, не хватило. Тарабрин обещал вернуть зерно, взятое осенью в колхозе, но так и запамятовал. А может, не запамятовал — просто нечего было дать.

Анна поехала в Сурож. Просить. Это было унижительно. Просить то, что сами отдали...

Богаткин только руками развел.

Анна осмелилась, пошла на прием к Тарабрину. Она высидела в райкоме полный рабочий день. У Тарабрина шло бюро. Потом еще совещание. Потом еще что — то...

Очутилась она у него в кабинете только к вечеру.

Выглядел Тарабрин усталым, замученным, но встретил ее приветливо.

— А! Агроном из Мазилова... Что скажете?

Анна напонила:

— Семена...

Тарабрин нахмурился.

— А где взять? Сами выходите из положения.

— Ведь вы обещали...

Тарабрин нахмурился еще больше.

— Обещала баба парня родить, а принесла девку...

Ох, вот оно, не надо было тогда соглашаться!

— А где же взять?

Но она поняла уже, что Тарабрину тоже негде взять.

— Поеду в Пронск, — сказала она в отчаянии.

— Зачем?

— Побираться!

Это она сказала даже дерзко, не без вызова.

— Куда это?

— Куда придется! В областное управление...

— И что же вы скажете?

— Что было, то и скажу.

Можно было не сомневаться, эта не станет ни врать, ни выкручиваться...

Э — эх! Перед Тарабриным была та самая простота, которая хуже воровства!

Он замолчал. Не отпускал Анну и молчал. Молчал долго.

— Ладно, — выговорил он наконец. — Незачем ехать в Пронск. Достану я вам семена. Возвращайтесь...

На этот раз он не обманул Анну. Правда, она набралась духу, напонила о

себе по телефону, но в конце концов "Рассвет" получил на складе

райпотребсоюза около полутора центнеров...

Неизвестно, где их наскребли, но пустить Анну в Пронск Тарабрин не

захотел, двухсот центнеров не натянул, но все — таки рассчитался.

Зерно оказалось похуже того, что было сдано, но теперь многое зависело

от Анны. Она не смела уже не вырастить урожая.

И вот, едва отсеялись, Анна сразу почувствовала

себя плохо. Ей стало

плохо, как только она уверилась, что засеян яровой клин. Заныло в пояснице,

подкатило к самому сердцу, стало тяжело...

Она опустилась перед кроватью на колени, вцепилась руками в одеяло.

— Ох, мама, бегите скорей за Алексеем!

Свекровь чаевничала на кухне. Она или не расслышала, или сделала вид,

что не слышит. Позвякивала только ложка о блюдечко — свекровь любила варенье.

— Ой, мама! Да вы слышите?!

Прошло еще с минуту. Надежда Никоновна допила чай. Поставила чашку на

блюдце. Появилась в дверях.

— Чего ты, Ань?

— Ой, да бегите же! О — ох...

Анна втиснулась лицом в одеяло.

Свекровь скрылась. Стукнула наружная дверь.

Анна была уверена, что колхоз будет с урожаем. Все предусмотрено.

Теперь можно и рожать.

Ох, да чего же ее крутило...

Свекровь прибежала испуганная, серая тень легла на ее лицо. Участливо

склонилась к невестке.

— Не идет. Сидит с Пашкой — пожарником. Выпимши. Говорит, без меня

обойдетесь. Может, за тетей Грушей сбегать?

— Ох! Да бегите за кем хотите! К Василию Кузьмичу бегите! О — ох...

Свекровь опять исчезла...

Никогда Анне не было так плохо, как в этот раз. Ни с Женей, ни с

Ниной... И Алексей не идет. Но Анна что — то не очень даже на него сердится.

Он в обиде на нее. Не раз уже упрекал, что ей дети дороже... Ох! Они и

вправду дороже... К этим родам она готовилась.

Старалась побольше ходить. Не
ела лишнего... А все — таки обидно! Неужто ее
оставили одну? Не может того
быть. Да где же они, эти люди?

Анна все стояла на коленях, прикусывала слегка
одеяло и не могла с
собой совладать.

Ну вот, слава богу, кто — то идет...

Опять свекровь!

— Может, все — таки позвать тетю Грушу?

— Да зовите кого хотите!..

— Извиняйте, Надежда Никоновна, но тетя
Груша, етто, в общем
невежество...

Чей это голос? Низкий, хриплый басок... Голос
дрожит, осип от

волнения... Василий Кузьмич!

— Извините, Анна Андреевна. К вам можно?

Вот он уже рядом, этот сиплый голос...

Анна делает над собой усилие, встает.

— Здравствуйте, Василий Кузьмич.

Она протягивает ему руку. Он вежливо пожимает.

— Крепитесь, Анна Андреевна...

Вот опять подкатывает!

— Ой, пожалуй, хоть и тетю Грушу...

— Ну что вы, Анна Андреевна! — Поспелов
возражает, возражает

настойчиво, решительно. — Разве мы позволим себе
вами рисковать? Мы вас в

момент в Сурож...

— Не успеть... — слышит Анна за своей спиной
голос свекрови. — Не
успеть вам...

— Успеем? — неуверенно спрашивает Анна, хотя
ни она, ни тем более

Поспелов не в состоянии ответить на этот вопрос.

— Успеем, — твердо произносит Поспелов. — В
самый раз.

— Тогда идите...

Анна опять берет себя в руки.

— А чего идти? Все здесь, — говорит Поспелов и уже отдает Надежде

Никоновне команду: — Собирайте Анну Андреевну. Быстро. Одевайте. Две минуты.

Понятно, мамаша?

Он выходит, но не успевает выйти, как возвращается с Челушкиным.

Гриша... Гриша... Да какой же ты молодец!

— Мы вас донесем, Анна Андреевна, — говорит Поспелов. —

Обопритесь — ка...

— Нет, нет...

Анна отрицательно машет головой.

Свекровь помогает надеть пальто. Анна обнимает Поспелова и Челушкина за плечи и медленно идет к двери. У крыльца стоит грузовик. Задний борт откинут.

— Я сяду...

— Нет уж, — строго возражает Поспелов. — Все предусмотрено...

А вот и Тима... Кудрявцев стоит в кузове у опущенного борта. Рядом с

ним тетя Груша. Хотя тетя Груша — "невежество", ее все — таки прихватили на

всякий случай. Анна безропотно подчиняется всем указаниям Поспелова. Она и

не хочет, и не может возражать. Ей помогают подняться в машину. Не столько

помогают, сколько поднимают. В кузове матрас. С чьей только кровати его

сняли? На матрасе подушки. Несколько громадных подушек. В белоснежных

наволочках с прошивками. Оранжевое атласное одеяло. У изголовья стопка

простыней. Две бутылки с водкой. Анна сразу понимает: не для питья. На

всякий случай. Вдруг тете Груше понадобится помыть руки. Обо всем подумали.

Кто? Василий Кузьмич? Гриша?..

Анна ложится. Прямо в пальто. На одеяло.

— Вы разденьтесь, Анна Андреевна, не беспокойтесь, не растрясусь.

Вместе с Анной в кузове остается тетя Груша, трое мужчин втискиваются в

кабину, там тесно, все они люди широкие, но они боятся смутить Анну, которая вот — вот может родить.

Машина трогается с места. Куда — то в сторону уносится голос свекрови.

Анна слышит еще чьи — то голоса...

Грузовик мчится. То тише, то быстрее. Почти не трясет. Кудрявцев старается.

Тетя Груша сидят на краешке матраса с каменным лицом. Она обижена, ее

искусством пренебрегли. Ей и полагается быть обиженной. Агрономша! Ей,

конечно, врача надо! Но сквозь каменное выражение лица пробивается бабье

участие. Агрономша — то она агрономша, а мужик у нее — никуда. Готов свою бабу

за бутылку водки сменять. А баба — золото. И на людях, и дома. Вся на виду.

Тетя Груша наклоняется к Анне.

— Андреевна, худо тебе?

— Нет, ничего...

Довезли ее как раз к сроку. Успели ввести, раздеть...

Поспелов просит вызвать врача.

— Не Раису Семеновну, а главного. Евгения Яковлевича.

— Евгений Яклич занят.

— Скажите: председатель колхоза "Рассвет" просит.

Появляется "Евгений Яклич".

— Здравствуйте, Евгений Яковлевич. Мы нашу агрономшу рожать привезли, —

обращается к нему Поспелов. — Прошу вас. От имени колхоза. Вы уж

постарайтесь.

"Евгений Яклич" улыбается.

— Стараться ей придется, а не мне...

— Вы уж там в случае чего...

— Ничего, — снисходительно говорит "Евгень Яклич". — Все будет хорошо.

Поспелов уходит.

— Ах да! — вспоминает вдруг врач. — Мы просили сена продать для больницы. Вы вот отказали...

— Продадим, продадим, — поспешно произносит Поспелов. — Самим в обрез, но продадим.

— И потом нам бы тысячи три яиц, — оживляется Евгений Яковлевич. — С фондами туговато...

Но тут их беседу прерывает медсестра, совсем молоденькая, должно быть только со школьной скамьи.

— Евгений Яклич, а где отец?

— Чей отец?

— Да ну... этой... Которую привезли!

— А что?

— Сын! Сын у нее!

— Ох ты! — говорит Поспелов. — Найдем яйца, доктор, найдем!..

А сама Анна лежала в родильной палате, истомленная после перенесенной

муки, и думала — что, мол, как хорошо, как вовремя отсеялась, и теперь вот

сын, и еще подумала, что в этом году колхоз обязательно будет с урожаем.

XXI

Лето выдалось жаркое, сделаешь туда — сюда километров пятнадцать и

запаришься. Анна все время на поле. В Мазилове, в Кузовлеве. Да еще домой

надо забежать, покормить Колю.

В Кузовлеве она бывала чаще, чем в Мазилове, надо вытягивать Челушкина.

Но безрукий этот Челушкин одной рукой выжимал больше, чем другие двумя. К

осени его бригада собрала пшеницы по одиннадцати центнеров с гектара. Не так

уж много, но для района это небывалый урожай.

Осенью Анна сполна получила и задолженность по зарплате, и премию. Куда

Алексею до нее! Искала у Алексея поддержки, выходя замуж, а теперь сама

может поддержать.

Но все — таки хорошо, что у нее есть муж, отец ее детей, хозяин. Они

выбрали погожий октябрьский день, вдвоем собрались в Сурож за покупками.

Вернулись из города под вечер, Алексей слегка под хмельком, но

довольный и ласковый.

Анна развязала свертки, нарядила дочерей в новые платья, отдала им

кулек с конфетами, повесила мужнин костюм на распялку под простыню, сыну

вложила в руки погремушку, подала свекрови отрез — выбирала материю на свой

вкус, фланель, потеплей и помягче, коричневую в белый горошек — и для

пожилой, и веселая.

— Вот, мама, не обижайтесь.

— Себе — то небось шерсти взяла? — пытливо спросила свекровь.

— Шерсти, мама, — подтвердила Анна.

Ей не хотелось хвастаться перед свекровью своим платьем. Она отложила

сверток с платьем в сторону, не стала доставать из сумочки шарф.

Пошла обратно к сыну, повертела перед ним погремушкой, погугукала.

Свекровь собирала ужин.

— Алексей — то в порядке? — осведомилась она.

Но тут Алексей сам вошел в избу.

— Давайте, — деловито сказал он, входя. —
Пожрать да и спать. Как
костюм?

— Повесила, — ответила Анна.

— Да нет, я не про то, — сказал он. — Как —
ничего?

— Ничего, — сказала Анна.

— Небось под тышшу? — завистливо спросила
свекровь. — Аль больше?

— Тысячу? — самодовольно сказал Алексей. —
Подымай выше!

Они поужинали, легли, потушили свет. Свекровь
долго что — то ворошилась у
себя на постели, охала, вздыхала, должно быть,
завидовала и невестке и сыну.

Алексею хотелось спать, его развезло от выпитой
водки, но он чувствовал

себя в долгу перед женой, как — никак это она купила
костюм. Он обнял Анну,
чмокнул в щеку.

— Спи, — сказала она. — Спи, отдыхай.

Он послушно подвинулся к стене. Свекровь все
еще возилась за печкой, а

Алексей уже захрапел. Было темно. Постукивали
ходики.

"Почему это у всех ходики, во всех избах ходики,
— подумала Анна, — и

почему только ночью замечаешь, как они
постукивают?"

Стучат, стучат, не дают заснуть...

Анне не спалось. Она мысленно перебирала
покупки. Всем купили, никого

не забыли. Алексею давно уже нужен костюм. И матери
нечего обижаться...

Богатство не ахти какое, но так богата Анна
никогда еще не была.

Игрушки, конфеты, костюм мужу, платье себе. Не
ситцевое платье, не

гимнастерка... И все, что было куплено сегодня, заработано ею самой.

Господи, сколько пройдено: школа, техникум, Толя, Женечка, война. Потом

эта безрадостная Кубань, неприветливая, неудобная, и степ — не степь, а степ,

и люди там такие же недоверчивые и жесткие, как ихний пустой и безлюдный степ.

Вот вернулась на родину. Домой, к родимой картошке. Если когда — то в

юности казалось, что без Толи ей не прожить, теперь она понимает, что можно

прожить и без мамы, и без Толи, и без Алексея. Только без родимой картошки

невозможно прожить. И нет такой силы, которая могла бы согнать ее с родной

земли, и есть сила, которой она держится...

Анна долго не засыпала. Петухи кукарекали, когда она заснула, а

проснулась, уже рассвело, дома не было ни Алексея, ни Жени, только свекровь

возилась у печки, да нежно, по — голубиному, ворковал в колыбельке Коля и

неслышно играла Ниночка на разостланном на полу одеяле.

Анна умылась, надела новое платье, натянула капроновые чулки, надела

лаковые туфли, причесалась, достала из сумочки купленный вместе с платьем

шарфик из воздушного шелка, тоже голубой, разрисованный зелеными листьями и

желтыми цветами, накинула на голову, посмотрелась в зеркало — понравилась

даже сама себе.

Взяла с этажерки тетрадь, в которой делала записи о состоянии посевов,

вырвала аккуратно листок, взяла свою самописку, написала несколько слов,

задумалась, потом решительно написала все, что

задумала, сложила листок,
сунула в сумочку и пошла.

— Если кто будет спрашивать, мама, — сказала она
в дверях, — скажите,
пошла к Жестеву.

XXII

День сухой, теплый. Листья почти облетели с
деревьев. Коричневые ветки,
как какие-то вымыслы из проволоки, покачиваются
возле домов. Небо — без
облачка, сплошное синее полотно, и сама Анна в
синем платье и голубом
шарфике прямо просится сейчас на картину, хотя
никому это невдомек.

Однако не заметить Анну нельзя, уж очень, она
нарядна. У дома Губаревых

Маша Тюрина и Милочка Губарева, обе в новых пальто
— день — то совсем теплый,
вышли специально, чтобы пофасонить.

— Ух ты! — восхищенно сказала Маша. — Вот это
платье!

— Дура, не ори, — ответила Милочка. — Опять
небось муж обидел, вот и
бежит...

В деревне уже заметили манеру Анны уходить
из дома, когда Алексей

Ильич возвращался пьяным.

На этот раз девушки ошиблись, но разговор их
донесся до ушей Анны.

Удивительно, что она все видит и все слышит, хотя
занята своими мыслями.

Вот и дом Жестевых. За изгородью из поломанных
серых жердей топорщились

обглоданные чужими козами смородиновые кусты. Зато
у самого дома красовались

две такие великолепные рябины, что Анна невольно запрокинула голову. Тяжелые гроздья оранжевых ягод до того празднично пламенели над окнами старей избы, что изба и все вокруг, казалось, пропитано солнцем. В этих обглоданных смородиновых кустах и пышных рябинах выражался весь характер Егора Трифоновича Жестева. Смородина на кустах не вызревала, скот не щадил ее, зато ни один мальчишка в деревне не позволил бы себе сорвать с рябин ягоды, хотя известно — Егор Трифонович не промолвит ни слова, оборви у него кто —нибудь хоть весь урожай.

А вот Анна не удержалась, потянулась, сорвала кисть, отщипнула губами ягоду. Ох, кисла! Ох, терпка! Даже скулы свело. Рано рвать, надо ждать. Рыжи ягоды, как заря. Надо ждать ноября. Он суров и багров. Будут ягоды слаще...

— Здоров!

Егор Трифонович выглядывал из окна. Он всем говорил так при встрече.

— Можно?

— Заходите, заходите... — Варвара Архиповна, жена Жестева, приветливо распахнула дверь. — Будьте гостьей.

Все в этой избе на месте. Ничего лишнего, и все на месте. Кровать за печью, скрытая ситцевой занавеской. Выскобленный добела пол. Полки с книгами, сходящиеся в углу, где раньше положено было висеть иконам. Горка красного дерева с посудой. Дешевый дубовый комод. Комод, изделие Сурожского промкомбината, приобретен недавно, а горка — реликвия революции. Егор Трифонович весьма ценил эту горку. Когда в 1917 году громили помещичьи

усадыбы, мазиловские мужики поделили между собой имущество помещика Коновницына, и горка пришлась на долю Егора Трифоновича.

Он любил пошутить:

— Недаром кровь проливали, теперь есть куда чашки с блюдами ставить...

Анна застала Жестевых за завтраком. Жили они вдвоем. Дочка их, Анна

Егоровна, тезка Анны, давно выделилась, обосновалась тут же, в Мазилове,

своим домом, сын работал где-то в Сибири, кажется, в Красноярске. Старики

могли бы коротать век на иждивении детей, но слишком сильна привычка жить

своим трудом: Варвара Архиповна до сих пор выходила на полевые работы.

Сам Егор Трифонович в партии с семнадцатого года. Пронский мужик,

участник первой империалистической войны, он с фронта вернулся большевиком,

боролся за Советскую власть в деревне, затем комбеды, гражданская война,

продразверстка, хлебозаготовки, раскулачивание, колхозы...

Участвовал он и в Великой Отечественной войне, и снова вернулся в

родное Мазилово. Продвигаться, как говорится, вверх не позволило

образование, да и родные места влекли обратно к себе. Он был бессменным

секретарем партийной организации колхоза, и к нему — то и прибежала сейчас

Анна.

Перед Егором Трифоновичем стояли сковородка с жареной картошкой,

тарелка с квашеной капустой и литровая кружка с молоком. На кружку опиралась

раскрытая книга. Егор Трифонович поддевал вилкой то картофель, то капусту,

но взгляд его обращен в книгу.

— Здоров, Анна Андреевна, — приветствовал ее Егор Трифонович, приглашая к столу. — Милости просим.

— Спасибо, — поблагодарила Анна. — Я по делу, Егор Трифонович.

Жестев улыбнулся:

— А ко мне не ходят без дел.

Анна молчала, а он не вызывал ее на разговор.

— Что читаете, Егор Трифонович?

— Роман. — Он не мог отвыкнуть от неправильного ударения, хотя знал, как произносится это слово. — Люблю романы. Поучительности в них много, — объяснил он. — Глубже проникаешь в людей.

Варвара Архиповна участливо посмотрела на гостью.

— Может, молочка?

— Нет, нет.

Анна разомкнула сумочку, подала Жестеву бумажку.

— Вот.

Жестев закрыл книгу, отложил вилку, прочел, вскинул глаза на Анну, перечел бумажку еще раз.

— Так, так...

Варвара Архиповна любопытствовала:

— Жалоба какая?

Егор Трифонович не ответил, поглядел пытливо на Анну.

— Пойдемте в кабинет, поговорим.

Они вышли с Анной в палисадник, сели на скамеечку под рябинами. Жестев

долго молчал, потом сказал коротко, даже сурово, как никогда не говорил с

Анной:

— Слушаю.

Она принялась сыпать словами, очень по — женски, торопливо и беспорядочно:

— Все у меня есть. А у детей еще больше будет. С работой все хорошо.

Ну, не все, но все идет правильно. А ведь все это кто — то дал? Ведь я

понимаю. Не хочется остаться в долгу...

Жестев посмотрел в небо. Не было ему ни конца ни краю.

— Вот ударит мороз, поспеют ягоды, — сказал он задумчиво. — Возьмешь

тогда на варенье...

Он расправил бумажку.

— Поддержим, — сказал он. — Попросим Мосолкину, я поддержу, к Богаткину можешь обратиться...

— А может, что не так? — спросила Анна. — Может, не так написала?

— Почему же? "Прошу принять меня в партию. Потому что ей я обязана..."

— прочел он. — Все правильно.

— Чего — то не дописала, — торопливо сказала Анна. — Чего — то надо мне еще тут дописать...

— Да разве суть в этом... — В глазах старика засветилась укоризна. —

Чего там дописывать... Важно, чтоб на совести все было правильно. Всмотрись

в себя — за душой — то у тебя дурного нет?

Он и вправду заставил ее еще раз заглянуть себе в Душу.

— Решительности мало, Егор Трифионович...

Жестев пытливо на нее посмотрел.

— Это в чем же?

— Да как же... Помните, отдали семена? Не сумела поспорить, сдалась.

Едва не обездолила колхоз...

Жестев ногой разгреб опавшие листья.

— А поспорила бы — добилась?

Анна посмотрела ему в глаза.

— Нет.

— То — то и оно, а на нет и суда нет. — Помолчал и с сожалением сказал: —

Спорить да доказывать тоже надо умеючи. Я вот

тоже чувствую иногда, а
доказать не могу...

— Значит, сдаваться?

Старик отрицательно покачал головой:

— Не сдаваться, а искать. Пути искать. Лбом стену
не всегда прошибешь.

Искать и в большом, и в малом.

Анна не поняла Жестева.

— Может, вы считаете... — Она выговорила с
трудом: — Может, я не
готова?

— Да нет, почему же? — сказал Жестев. — Тебе
уже пришло время идти в
партию.

XXIII

Март пришел неверный, шальной, неустойчивый.
То таяло все, то опять
схватывало морозцем. На озерке за Мазиловом
вскрылись полыньи, дня два
чернели, а потом снова затянуло ледком. В колхозе
достраивали новый
коровник, попросторнее, потеплее, с отдельным
помещением для молодняка.

Мосолкина радовалась и хвасталась перед людьми,
собиралась теперь прославить
ферму на весь район. Все приваживала на ферму
молодежь, школьников,
рассчитывала завербовать кое-кого к себе на работу
по окончании школы.

Перегнать телят в новое помещение собиралась она
к первому марта. Но,
как всегда, что-то не доделали, чего-то не успели,
погнали лишь на третий
день марта. За дело взялись школьники, и тут случилась
беда.

Санька Тихонов и Томка Аладьина погнали
телят. Годовалых телят,
крепеньких таких, веселых, бойких. От старого
телятника до нового не более
километра. Но Саньке вздумалось погнать телят через
озерко, по льду. Выгоды
в том особой не было, но так интересней. Томка
кричала: "Не надо, Санька,
подломится..." Но где же это видано, чтоб послушался
мальчишка девчонку?
Нарочно погнал через озерко. "А ну..." Телята
побежали по льду, и ничего —
перебежали. Только одна рыжая телочка струсила —
свернула с тропки и угодила
в полынью: ледок проломился, телку потянуло под лед.
Мимо шел Жестев.

К кому же было взывать Саньке, как не к Жестеву!
— Дядя Егор! Дядя Егор... Тонет!
Но дядя Егор и без крика заметил
происшествие. Спрыгнул на лед,
потянулся за теленком, и лед проломился и под ним.
Однако он ухватил — таки
теленка, подтолкнул к берегу. Выволок теленка,
выкарабкался сам.

Теленок дрожал, мокрый, перепуганный, очумелый.
— Гони ходом на ферму! — велел Жестев Саньке,
а сам что было сил
побежал к деревне.

Домой прибежал оледеневший, разделся кое — как,
вернее, раздела его

Варвара Архиповна, растерся водкой, напился чаю с
малиной, забрался на
печку, укутался одеялом...

— Сосну, мать. К вечеру отойду...

Однако спустя час или два его начал трясти такой
озноб, что стало уже
не до сна. Варвара Архиповна закутала своего
Трифоновича во все одеяла,
накрыла шубой. Озноб не проходил. К тому времени
в деревне уже узнали о

происшествия. К Жестевым начали наведываться. "Ну как? Ну что?" Принесли термометр. Температура поднялась до тридцати девяти. Собрались в совхоз за врачом. Запротестовал, разумеется, сам Жестев.

— Не надо, обойдусь. К утру пройдет...

Однако к утру Егор Трифонович уже метался в бреду.

Анна сама поехала за врачом. После того, как Анну приняли в партию, она очень сблизилась с Жестевым. Старик не пытался ее учить, не командовал ею, получилось так, что Анна сама стала заходить к нему за советами.

Жестев здорово стар, жизнь достаточно его потрепала, седьмой десяток, пора на покой. Но старик не сдавался, все еще тащил по жизни свой воз.

Задышался, а тащил. Не хватало энергии, напористости, не раз возникал вопрос о том, что пора освободить его от секретарских обязанностей, но хорошие люди уважали старика, а плохие... Плохие терпели, тем более что силенок на борьбу с ними становилось все меньше и меньше.

У Жестева началась жестокая пневмония. Анна привезла врача, из больницы прислали сестру, лекарства. Старику становилось хуже и хуже. Врач уехал только к вечеру.

Анна вернулась домой поздно. Дети спали, свекрови тоже не было слышно.

Алексей сидел за столом. Потрескивал включенный репродуктор.

— Ты знаешь, Жестев очень плох, — сказала она еще с порога.

— Иди ты со своим Жестевым... — как-то странно ответил Алексей. — Ты слушай, слушай...

И вдруг из репродуктора послышались позывные...

Позывные Москвы!

У Анны перехватило дыхание.

— Что — война?

— Да ты что?.. Очухайся!

И вдруг она услышала:

— Мы передаем бюллетень о состоянии здоровья
Иосифа Виссарионовича

Сталина...

— Сталина?!

Она точно спросила репродуктор.

Алексей смотрел на нее тяжелым взглядом.

— Ты понимаешь?.. Сталин!

Радио не выключали всю ночь. Всю ночь за окном
надрывался мартовский

ветер. Анна плохо спала. Встала раньше обычного.
Вышла из дома. Несмотря на

раннее утро, народу на улице было много. Все шли в
красный уголок.

Тревога за жизнь Жестева сразу ослабла, Жестева
продолжали лечить, врач

приезжал из Мазилова, сестра дежурила, больного
навещали десятки людей, но

все говорили о Сталине. Так много было связано с
именем Сталина, так много

Сталин значил, что все остальное теперь бледнело и
уходило в тень...

Сталин — это было что-то огромное. Огромное,
но далекое. И там она

ничем не могла помочь. А здесь, рядом, тоже шла
борьба. За человека. За

добрую и большую жизнь.

Во вторую ночь Анна совсем не могла заснуть. За
печкой пел сверчок. Все

чиркал и чиркал свою заунывную песню. Свекровь
похрапывала, иначе она

обязательно плеснула бы в щель кипятком. По всей
стране, по проводам и без

проводов, от антенны к антенне неслись
сообщения. Сердце, пульс,

температура... И совсем рядом, через несколько

домов, Таня Грошева,
медсестра из участковой больницы, тоже следит за
сердцем, за пульсом, за
температурой. Через каждые четыре часа вводит Егору
Трифоновичу пенициллин.

Почему Анне так безмерно жаль Жестева? Точно он
ей родной...

И вдруг она ловит себя на мысли, что Жестева
жалеет больше, чем

Сталина. Ей неудобно в этом признаться. Даже самой
себе. Но Жестев роднее,
ближе, дороже. Тот — символ, а Жестев — живой
человек.

Она запрятывает эту мысль в какие-то такие
тайники своей души, куда
никому и никогда не проникнуть.

С утра побежала к Жестевым. Тихонько вошла в
избу. Варвара Архиповна

дремала на лавке, подложив подушку под голову. Сидя
у постели, дремала Таня

Грошева. Дремал Егор Трифонович.

Таня открыла глаза. Виновато улыбнулась.

— Ну как?

— Падает... — Взглядом показала на термометр.

— Доктор говорит,
выкарабкается...

— Ой, Танечка!

Анна безвольно опустилась на скамейку. Все — таки
она выпросила у судьбы

жизнь Егору Трифоновичу...

И в тот же день, вечером, пятого марта, умер
Сталин.

По радио передавали сообщение Центрального
Комитета. Передавалось

медицинское заключение. Извещение от комиссии по
организации похорон...

Особенно притихшими казались дети. Они
жались к печке и даже

всхлипывали. Играли тихо — тихо. Да и не мудрено. Все
хорошее связывалось в их

представлении с именем Сталина. В школе постоянно твердили, что он — лучший друг. Всего. Детей. Велосипедистов. Мелиораторов. В детских домах даже конфеты давали с присказками, что о конфетах позаботился дедушка Сталин...

В день его похорон мела легкая поземка. Анна только что вернулась от

Жестева. У старика дело шло на лад.

Она только успела раздеться, как на крыльце послышался шум.

Хлопнула дверь, в комнату вошли Алексей и какой — то милицейский

лейтенант. Анна вопросительно взглянула на мужа.

— Познакомься, — сказал он, запинаясь. — Товарищ Ха... Харламов!

Алексея слегка покачивало, но лейтенант как будто был трезв.

— Ты понимаешь, Аня... Ты понимаешь, какое событие... — Алексея

покачивало. — Такое событие нельзя...

Он вдруг опустился на стул и заплакал.

Анна взглянула на лейтенанта.

— Вот приехал к вам, — несколько виновато объяснил тот. — Встретились вот в правлении...

— К нам?

— Не лично, а вообще. В эту местность. Для предотвращения возможных беспорядков.

Анна удивленно привстала.

— Каких беспорядков?

— Никаких беспорядков! — вмешался Алексей, утирая кулаком слезы. — Все

будет в порядке! Нельзя в такой день. Но не продают даже портвейна. А

товарищ Ха... Харламов... достал...

Анна молча указала гостю на репродуктор. По радио транслировали все

происходящее в это время на Красной площади. Играл

оркестр. Напыщенно звучал
голос диктора. Снова оркестр. Многоголосый говор.
Потом заговорили Маленков,
Берия, Молотов...

Милицейский лейтенант упоенно смотрел в
репродуктор. Анне стало не по
себе.

Она понимала, что в похороны не до веселья, но ей
почему — то не хотелось
бы так хоронить близких людей.

XXIV

В один из последних дней марта Анна по пути на
работу зашла к Жестевым.

Возле этих стариков ей было как — то уютно —
успокоительно, как говорила она
самой себе с легкой усмешечкой.

В тот день с утра задул порывистый ветер,
заморосил дождь, небо
побурело, заволоклось тучами, ветер становился все
холодней, а потом дождь
сменился густым снегом, покрывшим все дороги, все
дорожки и тропинки, ведущие
в Мазилово.

— Раздевайтесь, — приветливо встретила ее
Варвара Архиповна. — Сейчас
позавтракаем, вареничками своего угощаю.

— Да я завтракала... — Анна подошла к Жестеву:
— Что за книжка у вас,
Егор Трифонович?

Жестев провел похудевшей рукой по книге,
будто погладил открытые
страницы.

— Учусь, Анна Андреевна. Учусь понимать жизнь.

Старик редко выражался высоким стилем.

— Что же это за учебник?

Жестев усмехнулся.

— "Война и мир", Анна Андреевна, только и всего. Перечитываю. — Он

помолчал, но, должно быть, ему все — таки хотелось объяснить Анне свое

обращение к Толстому. — Завертятся в голове всякие мысли — не разложить по

полочкам. А тут точно на простор выйдешь. Он — о своем, а ты — о своем, но

так это у него все умно, широко, своевольно, что и сам умнеешь, и в своих

делах начинаешь разбираться как — то так... — Он несколько сконфуженно

взглянул на Анну. — По — толстовски, что ли!

Она этого еще не знала. Еще не умела советоваться с великими книгами,

но слова запали в нее, в нее всегда западало что — нибудь от Жестева.

— А что вас тревожит, Егор Трифонович? — заботливо спросила Анна. —

Может, послать за доктором!

— Все, Анна Андреевна... — Старик насупился и слегка постучал по книге.

— Я вот с каким доктором советуюсь. А вы мне...

Он пытливо на нее посмотрел, точно ждал от нее какого — то особого

понимания.

Но Анна не знала, что ответить.

Варвара Архиповна возилась у загнетки, подгребала из печки к чугунку

жар, бросала в кипящую воду вареники.

Жестев поймал взгляд Анны.

— Да, вареники все так же едим, — неспешно произнес он. — Только

надолго ли муки хватит? Appetit хороший, да работаем не по аппетиту.

— Вот мы и ждем вас, — ласково ответила Анна.

— Поможете, мы и приналяжем.

— Нет, — резко оборвал ее Жестев и еще раз

повторил: — Нет.

Анна опять не поняла, старик чего — то недоговаривал.

— Написал я, в райком написал, — вдруг признался Егор Трифонович. —

Постарел, не тяну. Не гожусь.

— Ну что вы...

— Отучились жить своим умом, Анна Андреевна, и я в том числе. А теперь

опять пришло время жить своим умом. Не подумайте, я не оправдываюсь и дураком себя не считаю. Но бывают обстоятельства сильнее нас.

Тут Варвара Архиповна позвала их завтракать.

— Что ж, пойдём, — миролюбиво согласился Жестев. — Вареники — штука

добрая... — Он подцепил вилкой вареник, и вернулся к начатому разговору: —

Написал в райком, прошу освободить, хватит.

— Чего хватит?

— Всего. Послужил, хватит, не справится мне теперь.

— Ну, это уж вы... Вас уважают в Мазилове.

— Уважить не важить. Уваженья я не потеряю, коли честно признаюсь, что ныне воз не по мне.

— Что — то я не вполне понимаю...

— Я и сам не все понимаю, потому и запросился в отставку. Отслужил

свое, выполнял, что приказывали, а теперь...

Тут вмешалась Варвара Архиповна:

— А теперь не хочешь никому подчиняться?

Но Жестев не принял шутки.

— Ты, мать, не шути. Подчиняться — это легче всего. Теперь их время...

— Он кивнул на Анну. — Эти не захотят подчиняться, а для этого не только

голова нужна... Образование нужно. А у меня его... Я больше, как указывали,

а теперь и самому указать надо. Что было? Один за

всех на всю страну думал,

а ныне коллективно придется решать...

Только тут начал доходить до Анны смысл его слов.

— Значит, на пенсию собрались?

— Значит, — подтвердил Жестев.

— Не отпустят, — возразила Анна.

— В самый раз, — не согласился Жестев. —

Увидите. Ведь у нас кто шел в

ход! Или "чего изволите?" или "поднажмите, ребята".

Ну, насчет "поднажмите"

это я могу. А теперь народ потребует — что и к чему?

Варвара Архиповна опять вмешалась:

— Вареники — то остывают!

Прямо пальцами Жестев взял щепоть соли.

— Ты бы сахарку.

— С солью привычнее.

Жестев многое не договаривал, лишь постепенно раскрывался он перед

Анной и каждый раз наводил ее на новые необычные мысли.

Анна собралась было уходить, но кто — то зашаркал в сенях, постучал и, не

ожидая отклика, потянул на себя дверь.

— Не помешаю?

Это был сам Тарабрин.

— Егор Трифионович... Товарищ Гончарова, оказывается, тоже тут...

— Не ждал я вас, Иван Степанович. Мать, спроворь...

— Нет, нет, — решительно отказался Тарабрин. — Не голоден. Извини меня,

Егор Трифионович, знал о болезни, справлялся, а навестить не мог. Да и

сегодня не приехал бы, не приди твое заявление...

Жестев не спеша пошел навстречу гостю.

Тарабрин пожал всем руки, разделся, улыбнулся Анне.

— А вы как хозяйничаете?

Анна теперь уже не так смущалась Тарабрина.

— Да понемножечку...

Она поднялась.

— Не торопись, Анна Андреевна, — остановил ее Жестев. — Разговор коснется и вас.

Тарабрин вопросительно поглядел на Жестева, но ничего не сказал.

— Сидите, сидите, — согласился он. — Пожалуй, Пospelова зря не прихватил. Я ведь заглянул в правление. Он набивался, да я остановил, хотел сначала с тобой...

— И правильно, — одобрил Жестев. — Анна Андреевна другой коленкор.

— Ну, как знаешь, как знаешь, — опять согласился Тарабрин. — Тебе виднее. — Он сложил на коленях руки и сразу перешел к делу. — Получили мы

твое заявление, понимаем, сочувствуем, но с работы — нет, не отпустим. Для секретаря парторганизации нет у вас сейчас

подходящего человека. Подлечиться — дело другое, путевку в санаторий для тебя

запросили. Но от руководства — нет, не освободим. Не обойдемся.

Тарабрин говорил громко, властно, категорично, но на Жестева его слова,

по — видимому, не произвели особого впечатления.

— Обойдетесь.

— Позволь райкому судить.

— Без Сталина обойдутся!

— Что? Что? — Что — то в тоне Жестева озадачило Тарабрина, он подался

вперед и как бы заново начал вглядываться в Жестева. — Что ты хочешь этим сказать?

— Да не больше того, что сказал, — успокоительно произнес Жестев. — Не

поеду я в санаторий. За хлопоты, конечно, спасибо, но не хочу из дому, и без

старухи своей тоже не хочу. Дома я лучше окрепну,

поверьте. А вот в
руководители уже не гожусь. Я ведь, Иван
Степанович, понимаю, что теперь
предстоит. Не снести мне эту ношу, не по плечу.

— Подожди, подожди, что ты сказал про Сталина?
— оборвал Тарабрин. —

При чем тут Сталин? Я не вижу связи...

— Очень даже при чем, — все так же спокойно и
с какой-то внутренней
улыбкой ответил Жестев. — Сами о нем еще не
раз заговорите. А мне
по-стариковски...

Придаться было не к чему, но слова Жестева
не лезли ни в какие
привычные каноны и насторожили Тарабрина. Он
даже перешел с панибратского
"ты" на более официальное "вы".

— Что вы все-таки хотите этим сказать?

— Да лишь то, Иван Степанович, что всем
нам придется теперь
измениться...

— То есть как измениться?

— Поумнеть, Иван Степанович!

— А вы что же...

— А я слаб, не вытяну, растеряюсь...

Тарабрин не ответил, он только пристально смотрел
на Жестева.

— Кем я был? — продолжал Жестев. — Помните,
ходили у нас в деревнях
сельские исполнители? С блямбою на груди? Вот я и
был им...

— Что это еще за блямба?..

Насколько категоричен был Тарабрин в начале
разговора, настолько
неуверенно говорил он сейчас. Кажется, он принял
блямбу и на свой счет.

Тарабрин задумался.

— Может быть, вы и правы. Вы действительно,
кажется, устали. Ну, а кого
бы... Кого бы рекомендовали вместо себя?

— Гончарову, — тотчас ответил Жестев.

Сказал не раздумывая, не замедлив с ответом ни на секунду, — теперь

Тарабрин понял, почему он задержал Гончарову и вел при ней такой разговор.

Тарабрин задумался.

— А стаж хватает у нее?

— Да разве в этом суть? — уклончиво сказал Жестев. — Формальность. А секретарь из нее будет...

Тарабрин резко повернулся к Анне.

— А как вы?

У него, кажется, мелькнуло подозрение — не сама ли Анна навела Жестева на эту мысль.

Но она так чистосердечно отозвалась: "Ох, нет, не справляюсь я...", что

Тарабрин тут же отверг свое подозрение.

Он вспомнил свой спор с Гончаровой из-за зерна. Он не любил, когда

председатели колхозов подминали под себя секретарей партийных организаций, а

она еще тогда не боялась перечить Поспелову. Если дать ей направление,

может, и получится толк...

Он строго посмотрел в глаза Гончаровой.

— Ну, а вы что думаете по поводу этого?

Анна ответила ему вопрошающим взглядом.

— По поводу чего?

— Ну вот, вся эта критика, что разводит тут товарищ Жестев. Тоже хотите

быть умнее всех?

— Нет, не хочу, — твердо сказала Анна. — Хочу учиться. Хочу, чтоб меня

учили. Там люди поумнее меня.

Она не сказала, где это там, но Тарабрин, кажется, отнес ее слова и на

свой счет.

"Не глупа, — подумал он. — Дисциплинированна. Может быть, и получится

толк".

Вечером на партийном собрании коммунисты разбирали заявление Жестева. И

то, что Тарабрин дал согласие обсудить это заявление, означало: райком не

возражает против освобождения Жестева от секретарских обязанностей.

Тарабрин был опытным партийным работником, знал, что смена

руководителей должна способствовать подъему работы.

Он перевел разговор на

хозяйственные планы колхоза, расшевелил людей, вызвал на разговор, побудил

выступить Анну, и Анна не сдержалась, высказалась, наговорила и в адрес

Поспелова, да и в свой собственный адрес немало горьких слов...

Она верила в то, что говорит, в этом и была ее сила. И те, кто слушал

ее, видели, что она верит. И тоже верили ей. Тем более что за два года,

которые она провела в колхозе, ее слова не расходились с делами.

Поверил в нее и Тарабрин, и, когда встал наконец вопрос о новом

секретаре, из — за чего, собственно, он и приехал в колхоз, он посоветовал

мазиловским коммунистам выбрать секретарем партийной организации Гончарову,

и они согласились, что Гончарова годится в секретари.

XXV

Анна спала и не спала. Тело ее спало, а дух бодрствовал. Она отдохнула

за ночь, ее всю пронизывало ощущение бодрости. Было еще очень рано. Но в

деревне никогда не бывает слишком рано. Она встала, наскоро умылась, вышла на крыльцо. Было свежо до дрожи. Вернулась в дом, отломала хлеба. Завернула в платок. Надела тапочки. Чтоб полегче. Все в доме спали. Ну и пусть спят...

Пошла к складу. Вся деревня еще спала. Только чья — то бесприютная курица топталась у лужи. Но девчата были уже в сборе. Они сидели за амбаром, на завалинке. Милочка, все три Нины, Верочка, Дуся, Маша. Все в тапочках, рваных, заношенных, — удастся ли что заработать — это еще как сказать, а тапочками придется пожертвовать.

Они оживились, завидев Анну.

— А мы думали, проспите!

Но ни Прохорова, ни обещанной подводы не было.

— Маша, ты погорластее. Беги к Василию Кузьмичу. Где же лошадь? И на конюшню. А ты, Верочка, за Прохоровым.

Всех поднять, всех собрать — сколько уходит времени!

Пришел Прохоров, выдал мешки с кукурузой. Маша вернулась на телеге.

Погрузили мешки, тронулись в поле...

Вот и участок, отведенный звену Милочки Губаревой: хорошая земля. Сама

Анна отвела ее Милочке.

— Девчата!

Это Милочка обратилась к подружкам, она была заражена нетерпением Анны,

ей тоже не терпелось взяться за эту землю, хорошо подкормленную, унавоженную.

— Ох, девушки, затеяли мы с вами... — сказала Анна и не договорила:

она — то знала, что они затеяли, только по молодости девчатам все как с гуся

вода. Не жаль труда, хоть и труда жаль, а если не

задастся — засмеют,
опозорят...

Вот они — эти пятнадцать гектаров, которые никто не хотел отдать и которые Анна прямо — таки вырвала из недоверчивых поспеловских рук.

Она вздохнула.

— Ну, девчата, взялись за гуж, не говори, что не дюж. Где — то машинами

сеют, а мы — руками. Один выход — сажать вручную или голодать...

Милочка засмеялась.

— Трудней, чем при немцах, не будет.

— И то!

Поставили мешки с кукурузой. Анна бросила на мешок жакетку, засучила рукава кофты.

Милочка удивилась.

— Анна Андреевна, а вы куда?

— Давайте, девчата, действовать...

Что тут было такого? Простое дело, незамысловатый труд. А она

испытывала такое удовольствие, точно ей привалило неведомо какое счастье.

Она с детства знала эту радость. Не столько знала сама, сколько

замечала у взрослых. Но только теперь она понимала, что это такое: выйти в

поле весной, после долгой зимы, вонзить лемех в сырую землю, провести плугом

первую борозду, отвалить первый пласт... Господи, какое это ни с чем не

сравнимое наслаждение! Все впереди, еще неизвестно — получится что или нет,

неизвестно еще, каков вырастет урожай. Но — поднять эту влажную землю...

Она все двигалась, двигалась, шаг за шагом...

Девчата наблюдали за ней, как она это делает, потом пошли сами.

"Бог вам в помощь, девчата! Бог вам в помощь! —

мысленно твердила Анна.

— Только бы получилось, только бы удалось..."

Она шла и шла. Постепенно ощущение удовольствия улетучивалось. Она превращалась в машину, да и в самом деле — не ждать же машин, когда — то они еще будут, а жизнь не ждет — или ты ее, или она тебя! Кто — то из девушек запел:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч...

Анне вдруг захотелось заплакать, до того ощутимо где — то рядом возник

Толя. Во время войны все пели эту песню...

— Ох, до чего ж и нудно, и трудно, — пожаловалась Верочка. — С ума сойти!

Анна была согласна с ней — тяжелая работа, с вечера она не думала, что будет так тяжело.

— Зато зимой молоко будет, — сказала Анна. — Дети с молоком будут...

В детстве Анне иногда казалось, что мать любит корову больше детей, с детьми она никогда не разговаривала так, как с коровой.

— Болезная моя, душенька, кормилица наша, матушка, золотце ты мое...

Она и пойло ей старалась получше заболтать, и сенцо посолить, и

морковкой угостить иной раз. Аннушку мать не очень — то баловала морковкой, а

уж с такими ласковыми словами не обращалась к дочери никогда.

Ты провожала и обещала
Синий платочек беречь...

Девчата пели протяжно и жалобно.

Ничего — то ты, Аннушка, не сберегла...

А может, сберегла?..

Интересно, тракторист испытывает такое же волнение, какое чувствовал

мужик, выходя в поле с сохой? Любят ли доярки своих коров так, как мать

любила Буренку?..

Девчата еще пели, но Анна уже не прислушивалась к песням. Она просто

устала, было уже невмочь...

К вечеру звено засадило четыре гектара. Больше всех одолела Милочка.

Смешная девчонка, чуть ли не моложе всех, худенькая, силы в ней не видать,

но в работе мало кому удастся ее обойти. Маленькая, да удаленькая!

Возвращались домой куда медленнее, чем шли в поле.

— Туговато, — призналась Милочка.

— А как завтра?

— Неужто утремся?

Они разошлись с уважением друг к другу. Никто не упал духом, все были

уверены, что назавтра никто не раскиснет.

Когда Анна вернулась домой, палисадник тонул в сумеречном полусвете.

Поднялась на крыльцо. Постояла. За дверью пело радио. Она открыла дверь.

Алексей сидел за столом. Он тотчас выключил репродуктор. Из — за печки вышла

свекровь.

— Дети спят? — спросила Анна.

— Спят, — не сразу ответил Алексеи.

— Зачем выключил радио? — спросила Анна.

— Так, — сказал он. — Надоело.

— Ужинать будем? — спросила свекровь.

— А как же? — сказала Анна. — Почему не ужинать?

— Кто тебя знает, — сказала свекровь. — Ходишь по людям Лучше бы мужние

рубахи постирала.

— Да ведь вы стираете.

— Рубашка, которую жена выстирает, помягче...

Надежда Никоновна не осмелилась высказаться до конца.

Она подала картофельный суп, жареную картошку.

— Маленькую подать? — осведомилась она у сына.

Алексей вопросительно взглянул на жену:

— Как?

— С какой это стати? — возразила она. — Что за праздник?

— Как хочешь, — примирительно согласился Алексей...

Поужинали. Легли.

— Чего это тебя на кукурузу понесло? — спросил Алексей. — Ты агроном

или кто? Полезла в грязи копаться. Для чего только училась? — Алексея обнял,

притянул ее к себе. — Аня! Люблю я тебя все — таки...

Она отодвинулась от него.

— Ты чего?

— Спать хочу, — сказала она. — Подвинься.

Она повернулась к мужу спиной. Поясница у нее болела, как при родах.

Надсадно, тяжело, ноюще. Но ничего нельзя было поделать. Кому — то надо

работать, надо самой показать пример, без этого ничего не получится.

XXVI

Как — то, еще в бытность в Севастополе, Толя повез жену в Ялту. Дорога

долго петляла по горным склонам с низкорослыми южными лесами, вилась обок с

нависшими серыми скалами. Но вот машина на мгновение замерла перед

приземистыми Байдарскими воротами, рванулась вперед, и перед ними открылся ослепительный простор. Бирюзовое море, зелень садов, сказочный голубой воздух, окутанные белой дымкой поселки, безграничный солнечный мир. Точно такое ощущение было у Анны сейчас, хотя на дворе бесновался вьюжный, коварный февраль.

Может быть, это звучит слишком романтично и даже наивно, но, вероятно, всякий коммунист, пришедший к партии по зову сердца, как — то особенно воспринимает партийный съезд, участником которого он впервые, пусть хоть и заочно, делается, став коммунистом.

Первый съезд! Молодой коммунист выбирает делегатов на районную конференцию, а может быть, и сам примет в ней участие, выбирает делегатов на областную, посылает делегатов на съезд...

Анна напряженно следила за всем, что происходило в Кремле. Она слушала все сообщения по радио, читала газеты. Все ее интересовало. Она не чувствовала себя неоперившейся молодой коммунисткой, ее вот уже как три года избирали секретарем партийной организации. В партии она пятый год, срок как будто небольшой. Но если из этих пяти лет три года отвечаешь не только за себя, но за всех, кто работает рядом, если ты должна тревожиться за судьбу каждого, невольно появляется ощущение, что в партии ты давным — давно, начнет казаться, что вообще не было такого времени, когда ты не был коммунистом.

Она находилась в состоянии какой — то юношеской восторженности. Ей все нравилось — и речи, и ораторы. Она воспринимала

съезд как праздник, все участники представлялись ей значительными и хорошими людьми, все, что они говорили, она принимала как непреложные истины...

Через несколько дней ее вызвали в райком, и она получила там материалы съезда. В них много говорилось о преодолении культа личности Сталина. Анне сказали, что с этими документами надо ознакомить всех коммунистов и даже беспартийных, чтоб всем стало понятно, как относится партия к ошибкам и недостаткам, тормозящим развитие советского общества, — они как огрехи при пахоте.

Анна слышала уже о решениях съезда, но она не представляла себе, какими серьезными, глубокими и беспощадными они окажутся.

Вернулась она в колхоз под вечер и тут же послала оповестить коммунистов о том, что завтра назначается партийное собрание, решив, что сама она прочтет материалы вместе со всеми. Но прежде чем запереть их в небольшой переносной сейф, стоявший в кабинете Поспелова, в котором хранились чековая книжка и наличные деньги колхоза, она все — таки раскрыла доклад и пробежала первые страницы...

Оторваться она уже не смогла. Она дочитала до половины и спохватилась.

Было поздно. Она была в конторе одна, за стеной покряхтывала да охала только

Полина Васильевна, старушка, работавшая в правлении курьером и сторожихой.

Тогда Анна решила взять доклад на ночь домой.

Она вышла из кабинета. Полина Васильевна притулилась на лежанке, валенки валялись на полу. Она сидела, свесив босые ноги, и вязала платок.

Вязала, конечно, по чьему — нибудь заказу. Ей приносили шерсть, она и пряла ее и вязала. Маленькая, сморщенная, она в опаской поглядела на Анну: а ну как агрономша пошлет ее сейчас за кем — либо! Но бог милостив, агрономша объявила, что уходит домой.

— Иди себе, деточка, иди, — напутствовала ее Полина Васильевна. — Иди, отдыхай...

Но Анне было не до отдыха. Она торопливо дошла до дому, наскоро поужинала молоком с хлебом и не удержалась, разбудила Алексея. Показала ему тетрадь.

— Доклад.

— Тот самый?

Как был, в нижнем белье, Алексей подошел к столу.

— Дай — ка...

— Я сама еще не прочла, — сказала Анна. — Давай вместе. Ты ложись, замерзнешь раздетый. А я почитаю. С самого начала...

При чтении вслух доклад показался еще значительней. Каждое произнесенное слово становилось еще тяжелее. Все, чем жила Анна, выглядело сейчас иным, все представления о жизни менялись...

Сталин неплохо начал свой путь. Партия высоко его оценила и высоко подняла. Но успехи партии вскружили ему голову. Он поверил в свою непогрешимость, стал поощрять свое возвеличивание, о себе начал думать больше, чем о народе, и его слова стали расходиться с делами...

Анна на секунду взглянула на мужа — не заснул ли. Нет, он лежал, подперев голову рукой, и слушал. Ему, как и ей, тоже было не до сна.

Анне вспомнились похороны Сталина. У нее

тогда было такое тягостное
настроение. Слишком многое, слишком многое
связывалось с именем Сталина. Он
заслонял собой партию. Известие о его смерти
вызывало испуг: как же теперь
без него...

Анна опять вернулась к докладу. Но мысли
уже возникали в ней
параллельно чтению. Невозможно было бесстрастно
читать это откровенное и
мужественное обращение руководства партии ко всем
коммунистам.

Как же мог так опуститься человек, вознесенный на
такую высоту! Как это
произошло? Почему могло произойти? Кто в этом
виноват? Виноват он сам,
виноваты его приспешники.

В чем же дело? В чем дело? А в том, что человек —
только человек, будь
он хоть семи пядей во лбу. Нет ни богов, ни
пророков. Величие человека,
поднятого обществом на историческую высоту, в том
и заключается, чтобы
всегда оставаться человеком.

Анна как будто оглянулась назад. Толя, война,
фронт... Сколько
советских людей, сколько солдат погибло с именем
Сталина на устах. Не за
Сталина же они погибали! Так и не надо им было
внушать, что за Сталина они
идут в бой, — люди жертвовали собой ради Родины,
ради счастья своей страны.

Анна подумала, что только очень сильные и
очень справедливые люди
способны так прямо и откровенно объяснять правду
народу.

Алексей вдруг встал и сел к столу. Он тоже был
взволнован.

Наконец Анна дочитала. Опустила голову...

Ей вдруг вспомнился милицейский лейтенант,

приезжавший в колхоз в день
похорон Сталина. Послал же кто-то его для
предупреждения беспорядков...

Беспорядков! Берия и другие приспешники Сталина
хотели закрутить гайки еще
круче. Но народ узнал правду. Приходит конец
угодникам и восхвалителям.

Берия разоблачен. Анна помнила его мрачный голос на
похоронах. Слава богу,
его уже нет...

Но беспокойство, пронизавшее ее в день похорон
Сталина, все еще не
покидает ее...

Алексей встал, с шумом отодвинул стул. Выглядел он
чернее ночи.

— Ты куда? — удивилась Анна.

Алексей не ответил, подошел к этажерке с
книгами, потянул за корешок

"Вопросы ленинизма", снял висевший над этажеркой
портрет Сталина.

— В печку, — зло сказал Алексей.

— Ты в уме? Положи обратно...

— Это после того, что ты прочла? — Алексей
помедлил и положил портрет и

книгу на край стола. — Не понимаю тебя.

— Я и сама не понимаю, Алеша, — задумчиво
произнесла Анна. — Но ведь

все, все было связано с его именем... Ты ведь сам
плакал...

Алексей вспыхнул.

— Вот этих слез я ему и не прощу!

— А ты думай не о себе...

Анна и вправду думала не о себе. Да и что она
могла думать о себе! Тут

надо размышлять надо всем. Сломаны все обычные
представления. Как дальше

жить? Обо всем надо думать. Она верила только в
одно. Знала. Того, что

написано пером, не вырубишь топором. После всего,
что она только что узнала,

у нее сумбур в душе. Но то, что ей об этом сказали, залог того, что это никогда уже больше не повторится.

XXVII

Станным было это собрание. Таких собраний еще не было в жизни Анны.

Происходило оно в бухгалтерии, это была самая просторная комната в конторе.

В партийной организации колхоза насчитывалось больше тридцати человек.

Рассаживались шумно, посмеивались, шутили, начали очень обычно.

Анна подошла к столу. На этот раз она даже не предложила выбрать председателя.

— Начнем, — сказала она. — Мы получили, товарищи, материалы

Центрального Комитета. Прошу внимания. Я зачитаю их...

Она встала у стола, поднесла к глазам папку с этими материалами, так

близко поднесла к глазам, точно была близорука, точно боялась пропустить

хотя бы слово, и ровным, монотонным от внутреннего напряжения голосом

принялась читать строку за строкой.

Собрания в колхозе всегда начинались в тишине, око и сегодня началось в

обычной тишине, но едва Анна прочла первую страницу, как изменился самый

характер тишины, вежливая тишина официального собрания сменилась

сосредоточенной и напряженной, до ужаса напряженной тишиной, воцаряющейся

иногда в суде при оглашении смертного приговора.

Анна все читала и читала, и никто не пошевелился, не кашлянул, не вздохнул, никто не поднялся выйти покурить, ни словом не перемолвился с соседом...

— Все, — устало сказала она, перевернув последнюю страницу. — Можно, товарищи, расходиться.

И все стали расходиться, не спеша и почти без разговоров.

Поспелов подошел к Анне.

— Домой, Анна Андреевна?

Она кивнула.

— Н—да... — с хрипотцой произнес вдруг Поспелов, и до чего же

выразительно было краткое это его словечко — в нем прозвучали и вздох, и

осуждение, и недоумение, и никаким другим словом не мог бы он выразить всю

сложную гамму чувств, заполнивших в ту минуту его душу.

Анна не сказала ему ничего. Что можно было сказать?

Ей хотелось остаться одной, множество мыслей навалилось на нее, и, что

греха таить, в голове образовалась какая—то путаница, слишком большая это

нагрузка — сразу переоценить прожитые годы.

Поспелов спросил еще раз:

— Пошли, что ли, Анна Андреевна?

— Нет, Василий Кузьмич, вы идите, а я задержусь, — отозвалась Анна. —

Отчет надо написать, позвонить в райком...

На самом деле ни отчета не надо писать, ни звонить, просто ей не

хотелось разговаривать.

Она всех переждала, помедлила, оделась и вышла наконец на крыльцо.

Досада! У перильцев кто—то стоял. Попыхивал папироской...

Выйдя со света в ночь, она не сразу распознала Жестева.

— Чего это вы, Егор Трифонович?

— Вас жду...

Ну о чем можно сейчас говорить? Ни добавить, ни убавить...

Он пошел рядом с ней неверной стариковской походкой, чуть пришаркивая

валенками, вздыхая и не торопясь.

— Такие — то, брат, дела...

Анна уважала Жестева, с ним отмалчиваться она не могла.

— Трудно, Егор Трифонович...

— А чего трудно, дочка?

Он так и сказал, просто и очень по — стариковски назвав ее дочкой, и Анна

почувствовала, что в эту минуту она, пожалуй, больше всего нуждается в отце,

в отцовском совете, в отцовском сердце, в большой и строгой, может быть даже

суровой, но в большой и бескорыстной любви.

— А чего трудно? — переспросил Жестев.

На них налетел порыв ветра, пахнуло сыростью, дымом, хлебом, той

предвесенней горечью, когда все впереди — и ничего не знаешь. Что — то будет,

а что, что...

— Как вам сказать... — неуверенно начала Анна.
— Вот ведь как!

Складывается о человеке мнение, и вдруг человек этот вовсе не тот, каким он

тебе представлялся...

— Нет... — Ей показалось, что Жестев отрицательно покачал головой. —

Нет, Анна Андреевна! Тут дело не в человеке...

Анна не очень — то поняла, что он хотел этим сказать, но Жестев придавал

решениям ЦК какое — то такое значение, какого или не уловила, или недопоняла

еще Анна.

— Я что — то недопонимаю вас...

— Да нет, все понятно.

— Как же все — таки этот человек виноват перед партией!

— Все мы виноваты.

— А мы чем?

Жестев не ответил.

Некоторое время шли молча. Потом остановились перед чьим — то палисадником. За заборчиком из штакетника тонули в сугробах низкорослые кусты.

В глубине темнела изба. Ни одно окно не светилося.

Жестев указал на скамейку:

— Посидим?

— Простудитесь.

— Теперь меня никакая хворь не возьмет...

Сел, и Анне пришлось сесть.

Вдоль улицы гулял ветерок, заползал в рукава. Анна вздрогнула, передернула зябко плечами.

— Вот, Аннушка, такие — то, брат, дела, — опять сказал Жестев.

— Знобко, — пробормотала Анна. — Простудимся мы с вами...

— Не простудимся, — сказал Жестев. — Тебе понятно, что произошло?

— Я и говорю — какой ужас...

— Да не в ужасе дело. А в том, что мы бы еще дальше прошли, если бы его воля не тормозила наше движение. Издержек было бы меньше.

— А теперь, думаете...

— Думаю, — строго произнес Жестев. — Если бы все решалось только наверху, пусть правильно даже решалось, можно вновь сбиться с колеи. А тут — народ вмешали. Доверие! Может, кто и возгордится, но второй раз народ уже не собьешь.

Он словно прислушался к чему-то, где-то словно клубились какие-то

голоса, ветер где-то славно потряхивал бубенцами, с легким щелканьем лопался

на лужах ледок, весна бродила вокруг даже ночью.

— Правильно я тогда ушел, не поднимать мне все это...

Анна не спорила.

— Да и тебе не поднимать...

Анна и с этим была согласна.

— Но поднимать надо. Может, кто и свыкся, но народ не потерпит неправды.

— Да ведь и нет ее как будто — большой неправды?

— А ее не бывает — большой или небольшой. Она как снежный ком...

Жестев опять прислушался к каким-то далеким непонятым звукам.

— Хоронили его не три года назад, сегодня его хоронят... — Он вытянул

руку, пальцем показал на что-то впереди себя. — И долго еще будем хоронить,

долгие будут похороны... — Жестев взялся обеими руками за скамейку, точно

хотел поднять ее вместе с собой. — Для чего я тебя позвал? Чтоб не

поддавалась. Никому не поддавайся.

Он так же легко встал, как и сел.

— Ты иди, — сказал он, притрагиваясь к ее рукаву. — Хотелось мне

поделиться. А действовать будешь сама. Всего натерпишься...

— Ну, спасибо, — сказала Анна. — Будет мне за опоздание!

— Не бойся, — сказал Жестев. — Бойся только того, что держит человека на месте.

Он легонько подтолкнул Анну. Стремительной девической походкой она

побежала домой. Жестев поглядел ей вслед, вздохнул и тоже пошел к дому,

похрустывая ломающимся ледком.

XXVIII

На току с утра до вечера сортировали зерно. Ток был просторный, крытый, летом на нем танцы можно устраивать, такой это был ладный ток. Василий

Кузьмич не хотел ставить навес. Анна поспорила с ним на правлении. Она уже

научилась припирать Пospelова к стенке. "Дальше так работать я не могу..." И

все. А что значила работа Гончаровой в колхозе, знали все. Она делала вид,

что капризничает, и Пospelов — в который раз! — "создавал условия". Не для

колхоза, для Гончаровой. Он побаивался ее, побаивался ее напористости, с ней

считались в районе. Слава богу, что Гончарова не думала о себе.

Пospelов не очень одобрял затею заново пересортировать все зерно. "Не к

чему это, — твердил он. — Отсеемся и так. Только людей занимать..." Пospelов

работал ни шатко ни валко. Гончарова не жалела ни людей, ни себя. Почему — то

ей хотелось обязательно быть впереди всех. Так ее понимал Пospelов. Но

колхозники соглашались с агрономшей. Видели, куда она их тянет. Они теперь

были не только сыты. Понакупили кроватей с бомбошками. Девчата шелковые

платья шьют...

— Нам жемчуг, жемчуг нужен, — приговаривала Анна, взвешивая зерно на

ладони. — Чтоб из каждого семечка пышка выросла!

Весна щебетала уже на дворе. Еще все было под

снегом, а неуловимые

признаки весны тревожили добрых хозяев. Безбожно суетились воробьи. Вздыхал

по ночам снег. Ни с того ни с сего тревожно мычали коровы. Надо было

торопиться. Надо было торопиться...

Сортировка работала два дня. Потом сломался шатун. Поставили новый.

Опять сломался. Третий. Опять...

— Перекос, — решила Анна.

— Не может быть, — возразил Кудрявцев.

Кудрявцев пришел в колхоз из МТС. Работал там и шофером и трактористом.

В МТС его хвалили, и он сам набивал себе цену. Поспелову он понравился своей

дерзостью, размашистостью, может быть даже нахальством. Правление назначило

его бригадиром тракторной бригады. Анна не спорила.

Она не боялась новых

людей. Работал он неплохо, но уж чересчур был уверен в себе.

Так и сегодня.

— Перекос!

— Не может быть.

Они заспорили. Оба полезли под сортировку. Кудрявцев снова сменил

шатун. Пустили сортировку. Посыпалось вниз зерно. И опять...

— Перекос!

— Шатуны никуда не годятся.

Опять полезли под сортировку. Легли оба на спины, заспорили — есть

перекос или нет.

— Чего вы там спорите? Кончайте!

Голос доносился точно издалека. Анна не могла разобрать, чей голос.

Кто — то постукал сапогом о сапог Анны. Довольно бесцеремонно. Анна даже

рассердилась. Перевернулась на живот, полезла обратно, заторопилась,

зацепилась спиной, расплосовала фуфайку. Только этого не хватало!

Вылезла, повернулась, встала... Батюшки, Тарабрин!

— Иван Степанович!.. Извините... Какими судьбами?

Рядом с Тарабриным стояла женщина в дорогом пальто, в меховой шапочке,

с коричневым новым портфелем. Губы чуть подкрашены. Глаза остренькие...

Тарабрин смеялся. Сразу видно, в хорошем настроении. Против

обыкновения. Обычно он приезжал накачивать, разносить, поправлять. А тут

веселый. Стоит перед Анной и смеется.

— Приехал к вам собрание проводить. Вашему колхозу выпала честь

выдвинуть депутата в областной Совет.

Анна сразу догадалась. Выдвигать в депутаты будут эту самую женщину.

Для того ее Тарабрин и привез. Кто она? Учительница? Врач? Впрочем, не так

важно. Райком знает, кого выдвигать.

От Анны требовалось только созвать собрание. Мазиловцев недолго

собрать, труднее с Кузовлевым.

— А как с Кузовлевым?

— Пошлите машину, на лошадях привезите людей. Часа два подождем.

За два часа, конечно, можно организовать собрание. В клубе полно.

Красный уголок с год как уже перестроили. Расширили зал, увеличили

библиотеку, пристроили еще несколько комнат. Клуб получился не хуже, чем у

людей. И все — таки, когда появились кузовлевцы, пришлось освобождать места,

потеснить подростков из зала.

Перед открытием Анна наклонилась к Тарабрину:

— Иван Степанович, как фамилия этого товарища?

Незнакомка в меховой шапочке сидела с краю, в

третьем ряду.

— А вам на что?

— Да в президиум...

— Не надо ее в президиум, — сказал Тарабрин. —

Это корреспондент. Из

областной газеты. Она будет писать о собрании.

Анна ошиблась. Кого же тогда? Может, самого Тарабрина?

Она открыла собрание. Рядом сидел Пospelов. Почему — то он усмеялся.

Анна вопросительно на него посмотрела. Потом на Тарабрина. Обыкновенно она

первая называла кандидатуру. А сегодня ей некого назвать.

— Кто же первым? — шепотом спросила Тарабрина.

— Ведите, ведите собрание. — Он прямо — таки подгонял ее. — Спрашивайте.

Анна даже растерялась.

— Кто хочет? — громко обратилась она в зал. — Кто желает выступить?

Слова попросила Мосолкина.

Она неторопливо подошла к сцене, поднялась на трибуну, поправила на шее

косынку, взглянула на Анну, тоже ей улыбнулась и уж затем повернулась к собранию.

— Нашему колхозу выпала честь выдвинуть депутата в областной Совет, и я

лично выдвигаю кандидатуру нашего агронома — Анны Андреевны Гончаровой...

Уже на секунду раньше Анна знала, что скажет Мосолкина. Вот почему ей

никто ничего не говорил. Вот почему улыбались...

Ее всю заколотило. Да что же это? Сердце остановилось и опять

застучало. Так, что непременно должно выпрыгнуть из груди. Почему ее? Почему

ее?

Она уже не могла вести собрание, и в президиуме это понимали.

Председательствовал теперь Пospelов. Один за другим выступали знакомые люди

— бригадиры, трактористы, доярки — и хвалили Анну...

Анна почувствовала, что она сейчас разревется... Закусила губу. Что, собственно, она такого сделала? Работала? Работала, как и все...

Пожалуй, после съезда партии она особенно отчетливо поняла, что ее сила в работе. Ее сила, сила всех этих людей, всего колхоза. Сила каждого человека в работе. Когда это все поймут, наступит коммунизм.

Анну хвалили, а ее трясло. Бросало то в жар, то в холод. Если ее заставят говорить, она не сможет.

Тарабрин придвинулся к ней.

— Анна Андреевна, успокойтесь. Неужели это вас так разволновало?

Возьмите себя в руки...

Очередь дошла до нее. Пospelов предоставил ей слово.

Анна выступила очень спокойно. Внутри все клокотало, но она не позволила себе распусться. Поблагодарила за доверие. За честь. Сказала, что постарается оправдать доверие...

После собрания к ней подошла сотрудница областной газеты. Она и ей ответила на вопросы. Ровно столько, сколько нужно. Училась в Пронске, была на фронте, работала в райсельхозотделе...

Сотрудница требовала подробностей. Каких —нибудь интересных деталей.

Фактов. В чем проявился характер. Каких —нибудь эпизодов из фронтовой жизни...

— А у меня не было эпизодов, — виновато призналась Анна. — Была ранена.

Не особенно тяжело. Потом демобилизовали. А в

общем... Все, как у всех. Не

знаю даже, на чем остановиться...

Корреспондентка, кажется, не очень
удовлетворена...

Милочка Губарева проводила Анну до дому.

— Вы довольны, Анна Андреевна?

— Чем?

— Ну тем, что вас выберут.

— Не знаю. Конечно, на душе у меня хорошо. Но
ведь надо справиться...

— Вы — то справитесь, — уверенно заявила
Милочка. — Помните, как кукурузу

садили? Никто и не думал, если по — честному сказать...

Ради одной Милочки Анна обязана была справиться!

Она вошла в дом. Коля и Ниночка играли. Женя
читала. Алексей слушал

радио.

Анна тронула мужа за плечо.

— Ты не был на собрании?

— А чего я там не видал?

Анна не сдержала упрека:

— Ты ведь коммунист!

— Но не формалист. Ты секретарь, а я пешка...

— Он тут же сделал

уступку: — Мой голос обеспечен... Кого ж на этот раз
выдвинули?

— А если меня?

В ее голосе прозвучала гордость.

Алексей знал, Анна не будет шутить, однако ничем
не выразил удивления.

— Что ж, поздравляю, — равнодушно сказал он.

— Ты не рад?

— А чему радоваться? Я тебя и сейчас мало вижу, а
тогда...

Но больше ничего не сказал. Отвернулся к стене и
принялся рассматривать

обои.

О чем она могла с ним говорить?..

Весь вечер они играли в молчанку...

Легли спать дети, потом Алексей. Анна сидела на

кухне одна. На душе

было смутно, она положила голову на руки, задумалась и вдруг почувствовала, как ее обнимают теплые худенькие руки.

— Женечка...

Девочка стояла возле матери, кутаясь в ее шерстяной пушистый платок.

— Ты что?

Дочь вдруг приникла к Анне и тихо заплакала.

— Уедем, мамочка, уедем...

— Куда, доченька?

— Куда хочешь. Только я не останусь здесь...

Анна притянула Женю к себе, усадила на колени, принялась утешать.

— Куда ж мы с тобой поедем? У меня работа. Тебе надо учиться... — Она

гладила Женю по волосам. — Ты кем хочешь быть?

— Не знаю...

— А все — таки?

— Учительницей. Хочу, чтобы всем ребятам жилось хорошо...

— А разве тебе плохо со мной? — Анну вдруг озарило. — Хочешь учиться в

техникуме? В педагогическом техникуме? Кончишь весной семилетку и поступишь.

Сама отвезу тебя в Пронск. Теперь я часто буду бывать в Пронске. На сессиях,

по делам...

Женя согласилась без уговоров.

— Хочу...

— Чего хочешь — то?

— В Пронск. Хочу в Пронск. В техникум. Только ты приезжай...

Они заговорили о Пронске. Анна принялась рассказывать, как училась

сама. Как ей было хорошо в Пронске...

Они строили планы и утешали друг друга — будущий депутат и будущая

учительница. Девочка успокоилась, задремала. Анна довела ее до кровати,

уложила, прилегла рядом, подождала, пока дочь заснет.
А потом сунула голову
под подушку и так, чтоб никто не слышал, горько, по —
бабьи, заплакала.

XXIX

Странное у нее появилось ощущение. Она была и
та и не та. Все та же
Анна Андреевна Гончарова и все — таки уже не та.
Раньше она жила сама по себе,
представляла всюду самое себя — и точка. А теперь
она ответственна перед
тысячами людей, пославшими ее в областной Совет.
Она словно вобрала в себя
все их стремления и надежды.

Она приехала в Пронск за день до открытия
сессии. Быстро оформила все
дела, зарегистрировалась, получила удостоверение. У
нее была бездна времени.

Она могла и ходить по городу, и отдыхать, и смотреть,
что хочется...

Куда только делся разрушенный, полусожженный
Пронск, каким был он
десять лет назад! Никаких следов недавних
разрушений. Большой, красивый,
старинный город. Просторные улицы, многоэтажные
дома, нарядные магазины...

"Только я сама вряд ли стала лучше, — подумала
Анна. — Десять лет! Уже
десять лет, как я вернулась в Пронск. — Она бродила
по улицам, навстречу все
попадались какие — то девушки. — А я уже старуха, —
думала Анна. Она поправила
себя: — Почти старуха. Тридцать четвертый год... А
ничего в общем не
сделано. Ни в работе нечем похвастать, ни дома. Трое

ребят это, конечно,
трое ребят, но какими — то еще они вырастут? В
колхозе тоже сложно. Как с
детьми. Растет, крепнет, но хвалиться еще нечем..."

Алексей неохотно проводил ее в Пронск. Не
отпустить не мог, но отпускал
неохотно. Как бы хорошо пройтись сейчас... С кем? С
Алексеем? С Толей бы
хорошо пройтись. Сперва по Советской, потом по
проспекту Ленина. Нет, нет!

Толи нет, и нечего о нем вспоминать.

А ведь когда — то и она была молодой, бегала по
этим улицам, жила весело,
беззаботно, бездумно. Ей уже тридцать четвертый.
Она главный агроном
колхоза, секретарь партийной организации, депутат
областного Совета. У нее
муж, трое детей. А ей почему — то хочется, чтобы
кто —нибудь пригласил ее в
кино, угостил мороженым. Вино она не любит, но
сейчас, кажется, выпила бы
даже рюмку вина. Хочется почему — то смеяться,
смотреть кому — то в глаза...

Спать, спать! Самое разумное. Завтра она уже будет
та, да не та, завтра
она уже лицо официальное.

Трое суток провела Анна в Пронске. Вместе с ней
приехали Тарабрин,
Жуков, председатель райисполкома, и другие
депутаты, но все они как — то
быстро от нее отделились. У всех были свои дела. Анна
осталась одна. Никто,
кажется, ею не интересовался. Зато сама она
интересовалась всем. Первые
сутки она провела сама по себе, двое суток — на
сессии.

С большим интересом слушала она выступление
Кострова...

Первый секретарь областного комитета партии.
Большой человек! Она его

видела впервые.

Она с любопытством всматривалась в оратора. Плотный, тяжелый какой — то человек. Землистый цвет лица, отекающие веки. Костюм на нем сидел мешком, ему больше пошел бы китель. Работы у него — на сто Гончаровых хватит. Таким людям нельзя болеть. Но в общем было в нем что — то симпатичное.

Костров говорил о состоянии промышленности. О сельском хозяйстве. О сентябрьском Пленуме ЦК. Приводил много фактов, называл имена. Критика его была строгой и убедительной.

Особенно беспокоило Анну, что скажет он о сельском хозяйстве. Костров говорил о необходимости крутого подъема. Плохо используется техника. Не хватает кадров. Низка оплата трудодня...

Все было справедливо. Костров говорил о запущенности животноводства. Он действительно знал, что делается в отдельных колхозах. Где плох уход за скотом. Где падеж. Где низки удои. Все было верно...

Но что делать? Что делать? Вот чего ждала Анна. Что посоветует...

Он сказал. Создавать кормовую базу. Все зависит от кормов...

И это было правильно. Скот, конечно, надо обеспечить кормами.

В перерыве она встретила с Волковым. Теперь он был уже начальником областного управления сельским хозяйством. Все такой же. Вежлив, приветлив, радушен. Все так же вились над лбом русые волосы. Похоже, несколько не постарел.

Волков первый ее увидел, схватил за руку.

— Анна Андреевна! Сколько лет, сколько зим... Не забыли?

Анна обрадовалась. Все — таки знакомый человек.

— Как можно вас забыть...

Волков засмеялся.

— Я теперь в колхозе.

— Знаю, знаю. Лицом к производству, так сказать.

Как там у вас?

— Приезжайте, посмотрите.

— Приеду. Обязательно. Тем более у меня виды на ваш район.

— Ну, в районе я малая птица. Вот в колхозе...

Волков опять захохотал.

— А в колхозе — орел?

— Орел не орел, а депутатом, как видите, выбрали.

На этот раз Волков лишь улыбнулся.

— Ну, сие от колхозников не зависит. Значит, пользуетесь авторитетом у начальства.

Он повел Анну в буфет. Мягко и властно подхватил за руку, увлек за собой. Усадил за столик, принес лимонада, яблок, пирожных.

— Угощайтесь!

Он с таким смаком вонзил в яблоко ровные белые зубы, с таким аппетитом откусывал кусок за куском, что Анна, хоть и стеснялась, тоже взяла яблоко, и оно показалось ей таким вкусным, как были вкусны ей яблоки только когда — то в Крыму.

Ей было приятно, даже интересно разговаривать с Волковым, но она не вполне его понимала, одного он недоговаривал, на другое намекал, она чувствовала: интересуется он всем, но ни о чем прямо не спрашивает и ни на что прямо не отвечает.

Неожиданно он задал ей вполне откровенный вопрос:

— Районный отдел не хотите возглавить?

Анна удивилась:

— Позвольте, а Богаткин?

Волков пренебрежительно повел плечом.

— Человек бесперспективный, а вы уже депутат...

Он грыз яблоки одно за другим, как кролик капусту.

— Как вам выступление Кострова?

— Понравилось, — искренне призналась Анна. —

Очень обстоятельно. У нас

на фермах тоже еще неважно, и, конечно, все дело в кормах.

Лукавая искорка загорелась в глазах Волкова.

— Ну, и как же у вас с кормами?

— Да вот, сею травы, расширять будем посевы.

Клевер, люпин...

Волков прищурился.

— Усвоили, значит, совет?

— Какой совет?

— Да относительно кормов.

— А разве неправильно, что все дело в кормах?

— Нет, правильно... — В глазах Волкова вдруг появилась злость. — А что

он конкретного сказал, ваш Костров? Чтобы иметь мясо и молоко, корову надо

кормить? Это еще при царе Горохе знали. — Волков засмеялся. — Люпин!..

— А чем плох люпин?

— Клеверок!..

Анна растерянно посмотрела на Волкова.

— А вы сами-то думали, что делать со своей землей? — саркастически

продолжал он. — Носом в эту землю тыркались?

Теперь уже рассердилась Анна.

— А вы тыркались?

Волков скривил губы.

— Носом не вышел. Я ведь подруководящий товарищ. Вот когда окажусь в

колхозе, тогда попробую. А здесь мне товарищ Костров не позволит.

— Как не позволит?

— Очень просто. Раньше в доходных имениях, я имею в виду проклятое

царское время, помещик там или агроном сеяли то, что считали наиболее выгодным. У некоторых, правда, не получалось, прогорали.

— Но у нас — то ведь нельзя прогореть?

— Можно! Прогорел — отними партбилет, диплом, отправь в дворники.

Поверьте, не стали бы сеять то, что невыгодно. Люди себе на погибель не работают. А у нас позволяют плохо работать...

— Как позволяют?

— А тем, что ничего не позволяют. Действуй по инструкции, по указаниям

центра. Костров мне ничего не позволит, а ему, думаете, позволяют? За всех

министр думает, первый пахарь в стране! Хоровая декламация, вот как мы

работаем. Увлекся министр Вильямсом, мы Вильямсу молимся. Лысенко в моде —

не смей Лысенко критиковать... — Волков отшвырнул огрызок яблока, точно под

ногами у него был не паркет, а земля. — А я хочу, простите меня, жить своим,

понимаете, хоть задрипанным, но своим умом!

Боже мой, куда девался всегда такой добродушный, спокойный Волков! Даже

губы его побелели от злости. Перед Анной появился новый, незнакомый ей

человек. Оказывается, не так просто рассмотреть человека. Какой же он... Но

он был уже такой, как всегда. Милый, улыбающийся Волков. Готовый всем помочь

и со всеми согласиться.

— Все это шуточки, Анна Андреевна, люпин, клеверок, травка, —

примирительно произнес он. — А в конечном итоге кормить будем березкой.

— Березкой?

— Березовыми вениками. — Волков с веселым состраданием смотрел Анне в

глаза. — Говоря между нами, положи, так сказать, руку на сердце, признайтесь, Анна Андреевна, сколько веников заготовили вы в колхозе?

— Да вы что — смеетесь? — Анна смотрела прямо в глаза Волкову. — Ни одного.

В глазах Волкова проскользнуло удивление.

— Ну, счастлив ваш бог, значит, вас не зря выбрали депутатом. Зато уж у соседей ваших, будьте уверены, вениками набит не один сарай! — Он встал из-за стола. — Однако пора. Слышите, звонят. Пойдемте, послушаем, какую нам еще отвалит речугу.

В зале во время заседания Анна вдруг поймала себя на том, что внимает теперь ораторам иначе, чем до разговора с Волковым. Костров правильно рассуждал, критика его доказательна, но что почерпнула она из его речи для себя? То, что коров надо обеспечить кормами? Для того чтобы сказать это, не надо быть секретарем обкома.

"Эх, — подумала Анна, — вместо всех этих выступлений, где одни перечисляют, что у них хорошо, а другие, что у них плохо, прочли бы нам, приехавшим из деревни депутатам, хорошую лекцию, да не вообще лекцию, а заставили бы какого-нибудь академика или профессора пожить в Пронске, заставили бы его подробно разобраться, что и как лучше сеять на скупой и неподатливой пронской земле...

Кострову бы не советы давать, как доить и пахать, а найти бы людей, которые смогут эти рекомендации и научно и практически обосновать, тогда Костров во сто раз больше принес бы пользы

прончанам".

Если в начале сессии Анна больше слушала, в конце ее она уже больше думала...

Она еле успела забежать перед отъездом в магазины — билеты на поезд приобретены были сурожцами заранее — купить детям игрушек, конфет и золотистых медовых пряников, которые она всегда привозила из Пронска.

В Суроже ее ждала машина, присланная Поспеловым. Колхоз недавно приобрел "газик". В обед она была уже дома.

Дети, разумеется, ждали гостинцев...

Алексей тоже сидел дома. Вид у него был обиженный, как у именинника, который наперед уверен в том, что не получит заслуженного подарка.

Анна вошла.

— Ну, здравствуйте, — сказала она.

Младшие бросились к матери, полезли разворачивать свертки. Женя подошла последней и лишь слегка прикоснулась к щеке матери, она была сдержанной девочкой.

Анна раздала подарки: Коле — автомобиль, девочкам — ленты, нитки для вышивания, книжки.

Из кухни выглянула свекровь.

— Обедать будешь?

Это была ее обычная манера — разговаривать через порог.

— Нет, мама, спасибо, я ела на вокзале...

Алексей ничего не говорил, даже не поздоровался.

— А ну! — вдруг прикрикнул он на детей. — Идите к бабушке...

Они заторопились прочь, Анна тут только заметила, что Алексей выпивши.

— Ну что, нагулялась? — насмешливо спросил он.

— Я не гуляла, — миролюбиво ответила Анна. — Ты

же знаешь...

— Ах да, ты у нас депутат, — язвительно изрек Алексей. — А по ночам ты тоже с кем —нибудь заседала?

Он встал и пошел было на нее. Анна вытянула руки, она не позволит себя ударить. Но Алексей так же внезапно повернулся и твердыми шагами пошел прочь из комнаты.

XXX

Алексей пропал на всю ночь. Анна была даже рада этому. Пусть придет в себя, одумается, да и сама она отдохнет с дороги.

Спала она тревожно. За окном начиналась весна. Смутные запахи бродили по —над землей. Они проникали сквозь щели в рамах, сквозь пазы в стенах, тревожили и мешали спать. Весна, весна... Скоро уже не поспишь вдосталь!

Вернулся Алексей утром. По тяжелым его шагам в сенях Анна поняла: пьян.

В этот год, в такой большой год для Анны, он все чаще и чаще прикладывался к рюмочке.

Анна поймала взгляд мужа. Господи, да что же это такое? Настороженный, враждебный взгляд...

— Ты на работу собираешься? — как ни в чем не бывало спросила Анна.

— А к —корова подоена? — неожиданно спросил он.

— Вероятно, мать подоила.

— А при... при чем тут мать? Ты мне кто — жена или не жена...

— Ложись и проспись, — спокойно сказала Анна.

Она опять поймала его взгляд. Станный взгляд

— встревоженный и
завистливый.

— Желая, чтоб ты находилась при мне. Желая,
чтоб ты сама ходила за моей
коровой. Какое ты мне принесла приданое? Женьку?..

Анна выбежала из дому. Выбежала, как была, в
выходных туфлях, лишь на
ходу схватила и на крыльце накинула на плечи
расхожую свою шубейку из
черного, потертого во многих местах плюша. Не
оглядываясь, бежала она по
улице, мимо изб, равнодушно глядевших на нее
тусклыми темными окнами. Даже
неудобно было так бежать, но где-то мелькнула и
успокоила мысль — если кто и
увидит, обязательно подумает, что ее вызвали в
правление, мол, из района
требуют к телефону.

Анна сдержала себя, пошла спокойнее, как будто и
впрямь шла по делу.

— Ах ты... — приговаривала она, ничего больше не
произнося и, кажется,
даже не думая. — А — ах ты...

Она миновала кособокий, низкий овин, прошла
огороды, припорошенные
серым пористым снежком, ступила на черную узкую
тропку и напрямик пошла в
поле.

Все было пусто — и поле, и небо, и сама жизнь
впереди была пустее
пустого. Небо было уже весеннее, но какое-то
блеклое, выцветшее, как
простыня из бязи, слабо покрашенная синькой, и
земля какая-то мутная,
светло-бурая, покрытая серыми пятнами нестаявшего
снега.

Анна шла, не оглядываясь, увязая в земле и не
замечая, как увязает, все
вперед и вперед, точно хотела уйти в небо, а небо все
отступало и отступало

перед ней и земля никак не отпускала ее от себя...

— Все, — говорила она себе. — Все. Уйду, уеду.

Она не знала, куда уйдет, не отдавала себе в этом отчета, но уйти было

необходимо... Все эти упреки, оскорбления, это унижительное пьянство

невыносимы...

Она шла к чему-то иному, что должно было предстать перед ней в

следующее мгновение, — как только она дойдет вон до той кочки, поросшей

летошней рыжей травой, вон до того поломанного куста репейника, вон до той

вешки, сунутой кем-то в землю...

Она шла, шла и вдруг почувствовала, как ее кто-то схватил за ноги,

схватил и не отпускает, держит так, точно она приросла к земле.

Не она остановилась, какая-то сила, помимо ее воли, остановила ее. Она

наклонила голову — земля так облепила ее ноги, что туфель не было видно. Два

огромных черных комка, как бы слившихся со всем полем. Земля не пускала ее

дальше.

Ох, да что же это она наделала? Туфли совсем пропадут! Хорошо еще, что

узкие, а то и потерять можно...

Она наклонилась, хотела рукою обчистить грязь и тут же забыла про

туфли. Взяла ком земли, поднесла поближе к глазам.

Земля совсем влажная, вязкая, совсем еще неподатливая, не созревшая, от

нее пахло сыростью, прелью, чем-то резким и нестерпимо родным... Анна,

неожиданно для самой себя, прижалась вдруг щекой к грязному, мокрому и

липкому комку...

Ей сразу стало легко и свежо от холодного этого прикосновения.

Ну куда она уйдет от этой земли? Куда уйдет от Женечки, от Нины и Коли?

Зачем ей уводить детей от этой земли? Да пропади он пропадом, подумала она о

муже, пусть лучше сам уходит, если не одумается...

Земля быстро подсыхала у нее на ладони. Анна неторопливо раскрошила ее

в руке, помедлила и свободно и плавно отбросила от себя.

Вернувшись к огородам, она обчистилась, как могла. Не спеша прошла по

деревне. Встретила по пути несколько человек, со всеми поздоровалась, но не

задержалась ни с кем, всем было заметно, что Анна Андреевна торопится — мало

ли у агронома весной дел!

Дошла до дому, поднялась на крыльцо, уверенно распахнула дверь,

переступила через порог.

Алексей валялся посреди прихожей. Должно быть, добавил еще, потому что

был не настолько пьян, когда она уходила.

Анна заглянула на кухню. Свекровь сидела на скамейке, настороженно

поглядывая на невестку.

— Мама, пойдите — ка, — позвала Анна свекровь.

— Помогите уложить

Алексея.

— А ну вас, — ответила свекровь. — Я в ваши дела не мешаюсь.

— Как знаете, — сказала Анна. — Мне он муж, а вам сын.

Она взяла мужа под мышки, втянула в горницу, подтащила к кровати. С

трудом подняла, уложила, прикрыла одеялом, отошла к окну.

"Да, — подумала она, — пусть сам уходит, а я никуда не уйду".

Она поглядела в окно. Посреди улицы, осторожно, чтоб не запачкать

сапоги, шел Прохоров. Сапоги на нем были праздничные, хромовые. Небось опять собрался с Пospelовым куда – нибудь по делам. Анна сунула руку меж глянцевых листьев фикуса и застучала по стеклу.

Прохоров не слышал. Она пробежала по горнице и выскочила на крыльцо.

– Тихон Петрович, Тихон Петрович! – позвала она. – Коням больше не отпуская овса! Запрещаю! А то как бы нам не просчитаться...

Последний снег вот – вот должен сойти, сев у нее не за горами.

Ни с чем и ни с кем не хочет она мириться...

С Пospelовым говорить тоже иногда бесполезно. Его не переучишь. Вот

приблизился сев. Теперь он начнет ездить. По полям. Обозревать поля, как помещик. В Сурож и обратно. Будет каждодневно докладывать в райком сводку. И

если запоздает хоть на час, из райкома позвонят: что случилось?

Анне даже смешно стало. Она представила себе, что бы было, если бы в

старые, дореволюционные времена управляющий каким – нибудь большим имением

принялся ежедневно докладывать помещику, как у него идет сев. Вдруг из

Суροжа полетели бы в Пронск телеграммы. Пятьсот гектаров! Тысяча! Две! Три!

Наверно, помещик подумал бы, что управляющий сошел с ума. Конечно, времена

были другие, тут не о сравнении идет речь. Но и так нельзя – не доверять

совсем! Может быть, самый большой вред, какой может нанести себе человек,

это утратить доверие к людям...

Спустя несколько дней, вернувшись с работы, Алексей сам подошел к Анне.

– Анечка, я был пьян, погорячился...

Он просил, был ласков, как когда-то в первые дни. И она позволила ему поцеловать себя...

Много было тому причин. Дети. Прежде всего дети. Нина и Коля.

Устоявшийся быт, привычка, семья. Если она прогонит Алексея, все осудят ее.

Чего стоит жена, которая не прощает своему мужу!

На самом деле она прощала Алексею грубость по иной причине. Где-то в

самой глубине сердца ее все-таки трогало, что Алексей ревнует. Ревнует,

значит, любит. Ревность всегда вызывает подозрения. Значит, любит. А ей так

хочется, чтоб ее любили...

В семье Анны вновь воцарился мир.

XXXI

На лугу за фермой силосовали сено.

Анна туда собралась с утра.

— Женя, пойдешь со мной?

Женя кончила весной семилетку, осенью собиралась в Пронск, поступать в педагогический техникум. При мысли об этом у Анны сжималось сердце.

Почему-то становилось жаль и Женечку и себя. В это лето она старалась как можно больше времени проводить с Женей.

В цветастых ситцевых платьях, в одинаковых легких тапочках мать и дочь ходили на двух сестер. Они и взялись, как подружки, за руки и вместе зашагали огородами к ферме.

На лугу работали преимущественно женщины и девочки. Было хоть жарко, но весело. Анна подошла, поздоровалась, хозяйским

взглядом окинула луг. В этом

году решено было закладывать силос не в траншеях, а буртами. Такой способ

требовал меньше труда и, как говорили, не ухудшал качества силоса. Грузовик

подвозил скошенную траву, клевер, люцерну. Жужжал привод, тарахтела

силосорезка. Бурт закладывали так, как она говорила: слой травы — слой

клевера. Присыпали солью, смачивали, трамбовали, и снова: слой травы — слой

клевера.

Анне ужасно захотелось стать рядом со всеми, вместе со всеми подносить

траву, укладывать ее, ровнять... Она взяла у кого-то вилы, подцепила охапку

клевера, еще, еще... Клевера было маловато. Она подозвала Федю Ярцева,

работавшего на машине.

— Федя, поезжай к Кучерову. Подбавим — ка еще кукурузы. Скажи, чтоб

косили клин, что за ветлами. Кучеров знает. Да пусть не тянут. Скажи, я

велела... — Она повернулась к женщинам: — Не жалейте, девчата, клеверу.

Сейчас нам подбросят...

Женя тоже разравнивала клевер в бурте. Анна и не заметила, как выросла

ее дочь. Еще несколько лет, подумала Анна, и у нее уже внуки...

Со стороны Мазилова появился "газик". Анна знала, кто это. Кучеров не

осмелится с нею спорить, но обязательно перестрахуется. Он, конечно, тут же

сигнализировал Пospelову, и Василий Кузьмич мчится теперь к ней. Выяснить,

уточнить, и на всякий случай: "Я предупреждал, но Анна Андреевна взяла

ответственность на себя".

"Газик" замер у бурта. Пospelов даже не вылез.

— Анна Андреевна, на минутку!

Она подошла с подоткнутой юбкой, с травой в волосах.

— Не рано, Анна Андреевна?

— Я беру ответственность на себя, Василий Кузьмич.

— Тогда я обратно, а то я сказал подождать, пока не спрошу.

Только Пospelов отъехал, из-за леса появилась еще машина, на этот раз

"Победа". Начальство! Должно быть, Пospelов тоже ее приметил, потому что

"газик" его повернул обратно.

"Победа" на луг не въехала, стала на дороге, какой — то плотный мужчина

пешком шел через луг.

— Бог в помощь! — прокричал он еще издали.

— Бог — то бог, да сам не будь плох, — ответила ему Дуся Красавина. — С

нами в сене спать!

— Силосуете?

— Нет, языки чешем!

Но Пospelов уже обогнал приезжего, выпрыгнул навстречу ему.

— Товарищу Волкову!

Да, это был начальник облсельхозуправления своею собственной персоной.

— К нам, Геннадий Павлович?

— Проездом.

Волков подошел к бурту, взял у одной из женщин вилы, наклонился, поддел

край.

— Бедновато!

Пospelов обернулся.

— Анна Андреевна, слышите?

Анна застеснялась Волкова — очень уж у нее был неавантажный вид, но

делать было нечего.

— Здравствуйте, Геннадий Павлович.

— Анна Андреевна... Честь имею!

Волков указал на бурт.

— Не бедновато?

— Я уже распорядилась подкосить кукурузы, добавим, в самый раз будет.

— А не рано?

Поспелов всплеснул руками.

— Вот и я говорю!

— Нет, Геннадий Павлович, можно косить, — твердо возразила Анна.

— Смотрите...

— А вы к нам?

Он отрицательно покачал головой:

— В Давыдове был. В совхозе. Но по случаю встречи задержусь. Обедом накормите?

Поспелов был солидный человек, самостоятельный, умный, угодливостью,

думалось Анне, не болел, но его лицо выразило такую готовность накормить

Волкова, что Анне стало досадно.

— Накормлю, конечно, — сказала Анна. — Если не побрезгуете.

— Нет, нет, у меня, у меня, — перебил ее Василий Кузьмич. — Поеду,

распоряжусь, а вы, Анна Андреевна, везите Геннадия Павловича ко мне.

На лугу Волков был еще больше на месте, чем в своем кабинете. Крепкий,

здоровый, румяный, в полотняном белом костюме, в летней белой фуражке...

Красавец, да и только!

— Ну, как вы, Анна Андреевна?

— Как видите.

Волков всегда неплохо к ней относился, а уж как стала депутатом, особо

ее отличал, на сессиях первый ее находил, занимал, разговаривал. Позволь

Анна, — он на это всегда намекал, — давно бы забрал ее к себе в управление.

— Не задержитесь?

— У вас делать нечего.
— А в совхозе что?
— Вытягиваем из прорыва.
— Нам бы Давыдовские земли...
— С аппетитом сказано! — Волков засмеялся, на секунду задумался и тут

же испытующе поглядел на Анну. — А вы не хотите в совхоз? Переведем.

Анна покачала головой:

— Что — то не хочется.
— А если директором?
— Все равно.
— Ах да, ведь вы депутат...

Волков быстро отступал от своих предложений.

— Обедать едем?

Покатили в Мазилово.

Поспелов их ждал, стол был накрыт, лоснилась в уксусе и масле селедка, дымилась в сметане молодая картошка, появилась яичница...

Прохорову отвечать за яйца не придется, подумала Анна, все отдаст, что ни прикажут.

Василий Кузьмич достал из буфета поллитровку, разлил по рюмкам.

Волков подержал рюмку в руке и отставил.

— Соблазнительно, но на работе не пью.

С сожалением, как показалось Анне, отставил, и она так и не поняла, что

им движет — нежелание нарушать правила или желание порисоваться.

XXXII

В комнате плавал сумрак, тот неясный полусвет, когда кажется, что остановилось время. Лучшее время для того дремотного

состояния души, когда

ни о чем не думается и ничего не хочется.

Что ее разбудило?

Рядом спал Алексей. Спал крепко, беспробудно, как и должны спать

сильные, утомившиеся за день мужчины. Он всегда ложился у стенки, чтобы

утром не мешать Анне вставать. Она поднималась намного раньше мужа.

Анна встала, босиком прошла к окну, отдернула занавеску. За окном

стелился такой же неясный предутренний полусвет. Часов пять, должно быть...

И тут же зазвонил будильник. Вечером она сама завела его на пять часов.

Она остановила звонок, но за стенкой уже завозилась свекровь.

Анна торопливо оделась, вышла из горницы, но и свекровь была уже одета,

хотя, возможно, она так одетой и спала. Она часто спала не раздеваясь.

Старуха исподлобья взглянула на невестку.

— Торопишься?

— Я подою, подою, — сказала Анна. — Спите.

Достала из печки чугунок с теплой водой, плеснула в ведро воды,

перекинула через плечо полотенце, подхватила подойник, побежала в сарай.

Машка покосилась на нее блестящим агатовым глазом.

— Здравствуй, здравствуй, Машуля, — ласково и нараспев поздоровалась

Анна с коровой. Заглянула в кормушку, там еще полно было сена. Подоила,

занесла молоко в дом, процедила.

— Разлейте, мама, по махоткам.

Накинула жакет, по утрам было уже знобко, вышла на крыльцо.

Деревня только — только просыпалась, небо начинало голубеть, пушистый

белый дымок шевелился еще не над всеми избами.

Поздно встают, подумалось Анне. Уж больно вольготно себя чувствуют. Так

недолго и...

Чего она опасается, она так и не досказала себе. Свернула в прогон и

побежала на взгорок, совсем как девочка, торопясь поскорее скрыться в толпе

березок, росших перед Кудеяровой горой. За Кудеяровой горой тянулся озимый

клин, который Тимка обещал запахать сегодня к утру.

Впрочем, нет, не Тимка, Тимкой его звали только девушки. Он был

предметом вожделения чуть ли не всех девок в округе. Красивый, холостой, еще

молодой, умеющий держаться, как положено, и на людях, и без людей, отличный

баянист... А вообще — то он был товарищ Кудрявцев. Лучший тракторист. Слава

его вполне заслуженна. Не было еще случая, чтобы Кудрявцев не выполнил своих

обязательств. Сказано — сделано. Одних премий получал больше, чем все

остальные трактористы вместе.

Трактор стрекотал все ближе и ближе. Этот стрекот будоражил, тревожил

Анну. Она шла быстрым шагом, побежать не позволяло чувство собственного

достоинства. Она все — таки ощущала свое превосходство над Кудрявцевым, он был

трактористом, а она агрономом, работу она у него принимала, а не он у нее.

Она поднялась на гору... Гора! Зимой с нее хорошо бежать на лыжах...

Вгляделась.

Молодец! Хозяин своему слову...

Не иначе как Тимка со своим напарником Мотовиловым работали всю ночь.

Мотовилова не видно, должно быть, ушел или отдыхал в кустах. Вел трактор

Кудрявцев. Гектара три осталось ему. Громадное поле
вспахано, подготовлено
под озимый сев.

Молодцы!

Тут уж нельзя было удержаться. Анна побежала с
горы. Приятно первыми в
районе закончить осенний сев. А уж Кузьмич будет
рад! Сегодня же начнет
составлять рапорт райкому и райисполкому.

Анна пошла вдоль поля. Пашня ровна и пушиста,
как ковер. Она подумала,
что не мешало бы премировать трактористов.

В траве желтели редкие лютики. Она сорвала
один, повертела стебелек
пальцами. Неказистый цветок, но миленький А ведь
ядовит...

Кудрявцев развернулся, заметил Гончарову, помахал
ей рукой.

Она остановилась, дождалась его.

— Привет, Анна Андреевна! Ну как?

— Что как?

— Ажур?

Анна улыбнулась.

— Ажур, ажур!

Не проехал — проплыл мимо нее. Точно и не
работал ночью. И ведь пойдет

вечером на бугор, будет играть без устали, и девки
будут обмирать возле

него, а потом тряхнет баяном, прихватит одну...

Анне неприятно думать об этом. Тимка не обижал
девок, во всяком случае,

ни одна не жаловалась, но молва приписывала ему
множество побед. А может,

просто сплетники сочиняют?

Пиджак натянулся на сильных плечах тракториста,
меж лопаток проступила

темная полоска... Она невольно пошла за трактором.
Тимка точно тянул ее за

собою.

Но дело было делом. Принимать поле от

Кудрявцева приходилось ей, и
никому другому. В кармане жакетки лежал складной
металлический метр. Она
достала его, распрямила, погрузила в землю.

Метр ушел неглубоко, наверно, поторопилась.
Анна вытянула линейку и
снова погрузила ее в землю.

— Нет, все равно мелко...

Тогда она отошла на середину поля. Мелко!
Отошла шагов на тридцать в
сторону. Мелко! Еще дальше. Все то же...

Чистый обман.

Анна быстро пошла к Кудрявцеву. Тяжело дыша, с
минуту она молча шла за
трактором.

— Тимофей Иваныч... — негромко позвала Анна. —
Остановись!

Он разом выключил мотор. Спрыгнул, подбежал к
Анне.

— Что, Анна Андреевна?

Ей трудно говорить.

— Отойдем, — сказала она.

Кудрявцев взглянул на нее, заторопился. Они
вышли на опушку березовой
рощицы.

— Сядем, — устало произнесла Анна.

— А может, подальше? — спросил Кудрявцев,
указывая куда — то поближе к
кустам.

— Нет, — сказала Анна.

Кудрявцев бросил на траву пиджак.

— Садитесь, Анна Андреевна.

Она села, потупилась. Трудно начинать. Предстоял
нелегкий разговор, это
она хорошо понимала. Щеки ее порозовели, она
показалась сейчас Кудрявцеву
гораздо моложе своих лет.

Он придвинулся, положил ей на плечо руку.

Анна даже не отстранилась, не сбросила руку,
только удивленно подняла

голову.

— Вы что?

— Анна Андреевна, я — могила...

— Тимофей Иваныч!

Он вдруг сообразил, что ошибся, убрал руку.

— Извините, Анна Андреевна...

— Нет уж! Разочаровалась я в вас... — Анна вздохнула. — Придется

перепахать, Тимофей Иваныч.

Он опять не понял.

— Что?

— Придется перепахать. Весь клин. Глубина не та! Такую работу я не приму.

— Да вы смеетесь, Анна Андреевна?

Он не принял ее слова всерьез. Он еще не знал, чего она от него хочет,

но принять такие слова всерьез не мог. Не захочет же она отбросить колхоз

назад. Такого еще не бывало, чтобы заставили его перепахивать озимый клин.

Кудрявцев вспахал — это Кудрявцев вспахал. Его имя — гарантия качества.

— Придется перепахать, Тимофей Иваныч, — повторила Анна. — Такую вспашку я не приму. Нужно гораздо глубже. Будем считать, что вы еще не начинали.

Ей не просто было это сказать. Поспелов закачается, когда узнает. Вчера

он при ней звонил в райком, обещал закончить сев раньше срока. Он из — за

одного страха перед райкомом согласится принять у Кудрявцева работу. Но Анна

на это не согласится.

Кудрявцев встал.

— Нет, — сказал он. — Не буду.

— Будете, Тимофей Иваныч.

Анна посмотрела на него так, точно просила невесть о каком личном

одолжении.

— Нет, — повторил Кудрявцев.

— А я не приму, — сказала Анна.

— Без вас примут, — сказал Кудрявцев.

— Нет, — отрезала Анна.

Она сорвала отцветшую ромашку и принялась теревить в руках.

— Вы только подумайте, Тимофей Иваныч, — заговорила она, не поднимая

головы. — Полное нарушение правил. Какой же будет у нас урожай? Люди будут

винить погоду, но я — то буду знать...

— Больше такое не повторится, — угрюмо сказал Кудрявцев.

— Нет, нет, — возразила Анна. — Я это поле не приму.

— Бросьте, — сказал Кудрявцев. — У меня тоже самолюбие.

— А вас еще на орден собираются представлять!

— Вот потому и не могу, — сказал Кудрявцев. — Простите на этот раз, за

мною не пропадет.

— Не могу.

— Ну, так председатель колхоза примет, — сказал Кудрявцев. — Вы лучше

не спорьте.

— Не могу, — повторила она.

Кудрявцев тоже на нее не смотрел.

— Против себя идете...

В голосе его прозвучала угроза.

Анна отбросила от себя цветок, встала.

— Нет? — спросила она.

— Нет, — ответил Кудрявцев. — Мы вас ском — про — ме — ти — руем...

Он с трудом выговорил это слово.

Но она не обратила внимания на его слова. Она поглядела ему прямо в

глаза.

— Вот что, Тимофей Иваныч. Я вас убью.

Кудрявцев засмеялся, ему стало смешно, начинался

бабий разговор.

— Морально убью, — пояснила Анна. — Не смейтесь. Конечно, не пистолетом и не ножом. Но я ничего не побоюсь. Я уж не говорю об ордене. Орден вы не получите. Но вас просто все перестанут уважать. Все неурожаи отнесут на ваш счет...

Она подняла с земли метр, сложила, положила в карман.

— Ну, я пошла, — сказала она и пошла.

— Пойдите, Анна Андреевна...

Она не остановилась.

Кудрявцев догнал ее.

— Анна Андреевна!

Она обернулась.

— Нет?

В глазах Кудрявцева светились и гнев и мольба. Такую женщину ни на что не уговоришь без ее согласия. Он это не столько понимал, сколько чувствовал.

— Анна Андреевна!

— Нет!

— Будь по — вашему. Вернетесь сюда через два дня. Только не говорите никому.

— А дальше?

— И дальше так будет, честное слово.

И она его пощадила, не он ее, а она его пощадила, — он это тоже чувствовал, — поверила ему, и он знал, что не в силах обмануть ее.

— Хорошо, я вернусь, — сказала она. — Ведь иначе люди потеряют к нам всякое уважение.

Ударили заморозки, по утрам похрустывал под ногами ледок, ветер то стогнял, то разгонял кучерявые тучи, последние желтые листья неслись вдоль улицы, вот — вот мог повалить снег.

Весь вечер Ниночка заунывно твердила:

— Поздняя осень, грачи улетели, лес обнажился... Поздняя осень...

Осень... Грачи улетели. Лес обнажился... Обнажился... Обнажился...

Стало как — то покойно и скучно. Затишье в природе и в делах. Ложились пораньше, вставали попозже, можно было отоспаться за всю ту страдную пору, когда приходилось то сеять, то полоть, то косить, то молотить, то взвешивать и везти хлеб на элеватор. Можно было отоспаться. Одни школьники суетились по утрам, как воробьи.

Анна проводила Ниночку в школу, усадила Колю рисовать, легла досыпать недоспанное, как вдруг свекровь затеяла с кем — то перебранку.

— Много вас тут шатается! — выкрикивала свекровь. — Со всеми займаться

— некогда поесть будет. Дали? Ну и спаси ты господи... — Она не могла

угомониться. — Да иди же ты! Зря собак не держим. Проваливай...

Анна подняла голову.

— Кто там, мама?

— Нищенка.

— Так подайте ей...

— Подала, а она не уходит. Тебя требует.

— Как — меня?

— Депутатку требует. Надоели хуже редьки. Лезут и лезут, и все до тебя.

Свекровь была права. Анна постигла уже, что

депутатство не столько почет, сколько одно беспокойство. Конечно, депутатам, которые находятся на высоких постах, не так беспокойно, у тех заслоны, секретари, приемные дни, до них не так просто добраться. А тем, кто попроще да пониже, тем не отбиться от просителей. Не посетителей, а именно просителей. Поможешь одному, и люди сразу начинают идти...

Анна соскочила с кровати.

— Зовите ее, мама!

— Ну да! Полы затаптывать! Нужна она тебе, пойди поговори на крыльцо.

Пусть в правление ходят.

Анна не стала спорить, официально она действительно принимала в

правлении колхоза, но люди часто шли к ней домой. Маленькая, дряхлая, в

каких-то ветхих серо-бурых одежках, облежавших ее, как листья капустный

кочан. Сморщенное личико задорно выглядывало из лохмотьев. Она была очень

стара, но не было в ней ни отрешенности от мира, ни приземленности, ни

покорности судьбе. Напротив, на щеках ее морщинистого пергаментного лица

играл румянец, а глаза были просто удивительны своей живостью.

— Вам чего, бабушка? — спросила Анна. — Подали вам?

— Да я ж не побирушка, — быстро и тоненько пролепетала старушка. — Мы ж по делу...

— А вам кого?

— Гончариху мне, — сказала старушка. — Правовищу.

— А я и есть Гончарова, — сказала Анна. — Слушаю вас, бабушка.

Старушка укоризненно воззрилась на собеседницу.

— Это как же так, касатка?

— Что — как?

— Требуешь? На улице принимаешь?

— Ну что вы, бабушка... — Анна смутилась, открыла дверь, посторонилась.

— Проходите.

Старуха прошла в дверь. На Надежду Никоновну она даже не взглянула.

— Куды еще?

Анна указала:

— Проходите...

Старуха осмотрела все в комнате зоркими глазами, распеленала

окутывавшие ее голову платки, выбрала стул и села, не ожидая приглашения.

— Ну вот, касатка, добралась и я до тебя, — произнесла она с

облегчением. — Долго шла, а нашла.

И Анна опять подумала — какие у нее удивительные молодые глаза.

А старушка принялась рассказывать о цели своего посещения. Все было

очень просто. Жила она в Варсонофьевском. Село это находилось по ту сторону

Сурожи, километрах в тридцати от Мазилова. Звали ее Елизавета Михайловна

Анютина. Жила со своей младшей сестрой на пенсию, которую та получала за

убитого на войне сына. Но вот второй год как сестра умерла, и с ее смертью

прекратилась выплата пенсии. Жить Анютиной не на что, пенсии ей не дают,

оббила она уже немало порогов, но воз ни с места. И промежду жалоб и

сетований Елизавета Михайловна прослышала, что есть в Мазилове депутат

Гончарова, которая, кто ни обратись, всегда стремится помочь.

— Вот, касатка, я к тебе и пришла.

— Но от вас, от варсонофьевцев, другой депутат, к

нему надо, бабушка,
обращаться.

— И—и, касатка, мы нашего депутата в глаза не
видали.

— Ну как так?

— Не — не, нашему не до людей. Ен песни пишет.

Отчасти это было справедливо. От
Варсонофьевского избирательного округа
в депутатах ходил композитор Аллилуев. В свое
время он написал оперу на
революционный сюжет, в известной мере
прославился, опера была поставлена,
сезон продержалась на столичной сцене, и кому — то в
обкоме пришла в голову
идея выдвинуть кандидатуру Аллилуева в качестве
представителя творческой
интеллигенции в депутаты по Варсонофьевскому
округу. Жил Аллилуев в Пронске.

Елизавете Михайловне Анютиной было до него так же
далеко, как космонавтам до

Луны. Впрочем, для Аллилуева Елизавета Михайловна
была также весьма туманным
светилом в той отдаленной галактике, какой
представлялся ему коллектив
избравших его варсонофьевских избирателей.
Добраться до своего депутата

Анютиной представлялось, разумеется, делом мало
реальным. А Гончарова
находилась рядом, тем более что слух об отзывчивом
мазиловском агрономе
вопреки пословице бежал по всему району.

Анна вполне могла отослать от себя Анютину, но
просительница смотрела

на нее так зорко и доверительно, что Анна взяла на
себя и эту заботу.

А дальше началось то, что случалось каждый раз,
когда к ней обращались

люди. Работой своей в колхозе Анна не могла
пренебречь. Колхоз есть колхоз.

Хозяйство. Но у нее бывало свободное время. То

она с детьми, то надо
почитать, а то и провести часок — другой просто в
безделье. Но перед нею
сидела бабка. Чужая бабка. И все — таки чем — то своя.
Доверчивая и беспомощная.

Жени уже нет рядом. Женя училась в Пронске.
Ниночку и Колю можно
оставить на свекровь. Алексей, кажется, чувствует
себя спокойнее в
отсутствие жены...

Куда ж ее деть, эту бабушку? Ей небось много чего
пришлось хлебнуть за
свою жизнь. У нее и документов — то никаких нет.
Сколько лет смотрят на мир ее
добрые и доверчивые глаза? Она сама считает, что
более девяноста. Но, уж во
всяком случае, не менее восьмидесяти. Неужели же
не стоит постараться
сохранить ей еще два — три года жизни?

Да живи ты, живи себе, бабушка! Но бабушке
нужно есть. Ломтик хлеба,
кусочек сахара...

— Куда же вас, бабушка, поместить?

— А у меня хата, хата! В Варсонофьевском. Я
оттуда никуда. Где
родилась, там и помру. У меня две курицы есть.

Куда уж разлучать ее с ее курицами!

— Сидите, бабушка...

Надежда Никоновна волком смотрела и на
просительницу, и на депутата.

— Вы не обращайтесь внимания, бабушка.

— А я и не обращаю.

Анна пошла к Поспелову. Его "газик" только что
вышел из ремонта.

— Василий Кузьмич, нужна машина...

Анна повезла свою подопечную в
Варсонофьевское. Вызвала председателя
сельсовета. "Я вас очень прошу..." Зашла в школу.
"Найдите двух хороших
девочек..." — "А разве есть плохие?" — "Девочки, я

вас очень прошу:

присмотрите за бабушкой... Прабабушка она вам! А я похлопочу..."

Ну, что ей ветхая эта Анютина? Но взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Документов не было — нашлись документы. Нашли их с грехом пополам в сельсовете. В райсобесе, конечно, закон! Закон есть закон. Анна к Тарабрину.

"Иван Степанович, неотложное дело". — "Что —нибудь в колхозе?" — "Старушка

одна". — "А я уж думал, что —нибудь серьезное". — "Если бы вы ее видели!" —

"Нам о тысячах надо думать, о тысячах". — "Но ведь тысячи состоят из единиц?.." Нашелся закон!

Оно было в ней всегда, но оно все разрасталось и разрасталось, неистребимое это беспокойство!

На Анну жаловались: вот уж ко всякой бочке гвоздь! Ее вызвал Тарабрин.

— Анна Андреевна, как у вас в колхозе?

— Да, по — моему, ничего.

— Помните, обещали подумать над севооборотом.

Загодя надо думать.

— А мы думаем...

— Эх, Анна Андреевна...

— Что, Иван Степанович?

— Беспокойный вы человек, Анна Андреевна.

— Да уж какая есть.

— И другим не даете покоя.

— Так ведь не из — за себя.

— А вам больше всех нужно?

— Да не мне, Иван Степанович! Вам нужно...

В чем — то она сильнее Тарабрина. Тарабрин, должно быть, понимал это.

Если год назад колхозу "Рассвет" предоставили честь выдвинуть в депутаты

Гончарову, то уже через год многие понимали, что существовала необходимость

выдвинуть в депутаты именно Гончарову.

XXXIV

Многие делегаты на районную партийную конференцию собрались под вечер в правлении колхоза. Гончарова, Пospelов, Донцов, Кучеров. Чуть позже подошла Мосолкина. Позвонил из Кузовлева Числов. Уговаривались, когда выехать.

— Утром, пораньше, — решил Василий Кузьмич. — На грузовой машине. Чтоб всем вместе.

Посоветовались, кому выступать. Вопрос этот заботил больше всего, разумеется, присяжного мазиловского оратора Кучерова.

— Кто пожелает, — сказала весело Анна. — Кому есть что сказать.

— Как кто пожелает? — недовольно ответил Пospelов. — Вам, Анна Андреевна...

— Ей положено, — согласился Кучеров. — Но кому — то еще. Колхоз большой...

— А еще Василию Кузьмичу, — подсказала Мосолкина.

— Не — не, я не буду, — отказался Пospelов. — У нас с Анной Андреевной

все обговорено, мне незачем вылезать, она все скажет...

Это всем известно, Василий Кузьмич не любит встречать поперек

начальству, а время такое, что без критики выступать нельзя. Гончарова на

этот счет посмелее, вот Пospelов и предоставляет ей честь выступить на районной конференции.

Донцов усмехнулся.

— А вы здорово собираетесь, Анна Андреевна?

Анна в ответ тоже усмехнулась.

— Чего здорово — то, Андрей Перфилыч?

— Ну, как говорится, выдавать?

— Кому и что?.. Извините, Андрей Перфилыч, но мы иногда хуже детей.

Самим себе, что ли? Неполадок много, но ведь все это наши неполадки. Что в

колхозе, то и в районе. Выдавать буду, да только самим себе!

— Ну, это вы полегче, — забеспокоился Пospelов.

— Себе — то себе, да

только, когда шишки делят, себе лучше поменьше. На колхоз и без вас собак

навешают...

Анна давно уже собиралась выступить на районной конференции, у нее было

что предъявить райкому. В самом деле, стоит задержать сдачу мяса или молока,

к колхозу сразу приковывается внимание, а если все сдавать вовремя,

"Рассветом" никто и не поинтересуется. Ей иногда казалось, что коровами в

райкоме занимаются больше, чем людьми. В районе плохо налажен обмен опытом,

и если где и блеснет огонек, районная газета, конечно, отметит — передовая

дойрка, передовая свинарка, но как человек добился успеха, об этом ни слова.

Да, она собиралась говорить, и говорить прямо...

Она хотела ответить и Донцову, и Пospelову, и Кучерову, — ответить, да

и посоветоваться, — как зазвонил телефон.

Пospelов взялся за трубку.

— Да... Да... — Суровые нотки в его голосе тут же сменились певучими

интонациями. — Слушаю, Иван Степанович... — Он прикрыл трубку ладонью. —

Тарабрин! Готовимся. Хорошо. Сейчас... — Он

протянул трубку Анне: — Анна

Андреевна, вас...

Тарабрин просил Анну приехать в Сурож не утром с остальными делегатами,

а сейчас, есть важное дело, ее ждут.

— Вызывают, — объяснила она Поспелову.

— Знаю, знаю, — ответил тот. — Иван Степанович сказал.

На этот раз "газик" был на ходу, через полчаса Анна уже мчалась в

Сурож.

Теперь кабинет Тарабрина не был для нее заповедным местом, она привыкла

к кабинету и к самому Тарабрину. Они встречались в райкоме, в колхозе, Анна

научилась не только с ним говорить, но и спорить.

Она поднялась по лестнице, зашла в приемную. Клаша раскладывала по

столу листки с напечатанным на машинке текстом.

"Должно быть, отчетный

доклад", — подумала Анна. Как всегда перед конференцией, в райкоме

чувствовалось оживление. Кто — то входил, выходил, то и дело звонил телефон.

Миловидное лицо Клаши выражало чрезвычайную, невыносимую занятость.

Не прекращая раскладывать листки, она кивнула на дверь.

— Заходите, заходите, Анна Андреевна, Иван Степанович сегодня вас

удивит!

Анна посмотрела на Клашу, но допытываться не стала я, несколько

обеспокоенная, вошла в тарабринский кабинет.

— Заходите, заходите, Анна Андреевна, — слово в слово повторил он, тоже

глядя на Анну смеющимися глазами. — Садитесь, будем сейчас разговаривать...

Особенно Анне тревожиться нечего, все в колхозе как будто в порядке.

"Рассвет" заканчивал год с неплохими показателями, за собой Анна тоже не знала серьезных грехов. Лишь одно предположение тревожило: не собирается ли райком перебросить ее в какой-нибудь отстающий колхоз, где опять придется все начинать сызнова. О Гагановой она, конечно, читала, но самой ей не хочется уходить из "Рассвета". Она свыклась с людьми, с землей. Да и "Рассвет" не слишком-то вырвался вперед. Она не знала, удобно ли отказаться.

С Тарабриным шутки плохи, он умеет настоять на своем. И все же откажется, если ей предложат перейти...

Вот он сидит перед ней, подтянутый, моложавый, спокойный, и испытующе смотрит на нее. Похоже, что первый секретарь в отличном настроении.

— Ну, как у вас в колхозе дела?

— Да более или менее в порядке.

Что может она еще ответить? А если все в порядке, может последовать

предложение идти в другой колхоз и его привести в порядок...

— Подготовились выступать?

Нет, это что-то другое...

— Более или менее.

— Резко будете выступать?

Это не очень тактично — заранее справляться, как будет выступать тот

или иной делегат, на конференции основной объект критики все — таки прежде всего райком и его секретари.

Анна улыбнулась.

— Тоже более или менее. Всех нас есть за что критиковать, Иван

Степанович.

Тарабрин тоже улыбнулся, но как-то уж очень многозначительно.

— А мы вам не дадим!

Анна слегка опешила. Странное заявление!

— Как так?

— Не придется вам критиковать райком... —

Тарабрин посерьезнел. — Сами

не захотите. Не будете же вы подрубать сук, на котором придется сидеть самой?

— Я не понимаю...

— Сейчас поймете. Видите ли, Анна Андреевна, мы тут обменялись мнениями. Принято решение выдвинуть вас на работу в райком.

Анна растерялась.

— Кем принято, Иван Степанович? На какую работу?

— Такое мнение у бюро, советовались с обкомом. С вами еще будет

беседовать товарищ Подобедов. Знаете? Заведующий отделом пропаганды. Он

представитель обкома на конференции. Но в общем вопрос решен. Требуется лишь ваше согласие.

Анна никак не ожидала...

— Но почему меня?

— У вас неплохо идут дела. Народ вас знает. Вы хорошо проявили себя как

депутат. Да и вообще полезно иметь на этой работе агронома...

— На какой работе?

— Да, я не сказал! Намечаем вас во вторые секретари.

Час от часу не легче!

— А Константин Яковлевич?

— Константин Яковлевич принят в Высшую партийную школу.

Нет, это что — то невероятное!

— Ну какой из меня, Иван Степанович, секретарь! Просто смешно! — с дрожью в голосе сказала Анна.

— Ничего не смешно. Поверьте, все взвешено. Такие решения наобум не принимаются. Пора выходить на арену пошире. Вас рекомендовали...

— Кто меня мог рекомендовать?

Тарабрин опять улыбнулся.

— Между прочим и я. Думаю, мы с вами сработаемся.

— Нет, нет, Иван Степанович. Я не подготовлена. К такой работе я совершенно не подготовлена.

— Подождите, Анна Андреевна, — уже с досадой сказал Тарабрин. — Вы

партийный человек. Для вас работа должна быть на первом плане. Вы грамотный

человек. Впрочем, я не так выразился. Образованный человек. Причем у вас

есть знания, которые особенно ценны сейчас для райкома. Вас уважают. Вы вполне будете на своем месте.

— Но ведь это же район... Район, Иван Степанович! Я не справлюсь...

— Поможем, поддержим. Себе — то я не враг? Ведь я себе беру вас в помощники!

Анна была в смятении. Руководить районом! Шутка сказать! В колхозе она

теперь чувствует себя уверенно. А здесь... А ну как не справится? Как она

тогда будет смотреть людям в глаза? Неудобно отказываться, но следует отказаться...

Тарабрин помрачнел.

— Не ждал я такого ответа, Анна Андреевна. Вам оказывают партийное

доверие, а вы... Неужели вы не чувствуете своей ответственности перед людьми?

Перед людьми... Это он напрасно сказал. Для людей она готова пойти на

многое Для людей у нее ни в чем нет отказа. Живи для людей, тогда и сама жди чего — нибудь от людей...

— Но я слаба, слаба, Иван Степанович! Мне лучше в колхозе...

Тарабрин вдруг как — то нехорошо прищурился. Он понял Анну так, что ей выгоднее оставаться в колхозе.

— По — человечески я вас вполне понимаю, — насмешливо произнес он. —

Человеку свойственно беспокоиться о своем благополучии. Смущает разница в окладах? Конечно, в райкоме оклад меньше, и никаких премий. Трое детей,

семья... По — человечески понятно... — Он посмотрел на нее холодными глазами и

жестко закончил: — Ошиблись мы. Вы действительно еще не созрели для партийной работы.

Это было несправедливо и оскорбительно.

— Нет, нет! — воскликнула Анна. — Как вы могли, Иван Степанович...

Неужели Тарабрин и в самом деле думает, что заработок ей дороже работы?

Если бы это слышали Толя, ее товарищи по фронту, Петухов! Неужели она о

своем благополучии думала, когда надрывалась вместе со всеми девчатами,

сажая по весне кукурузу?

— Нет, Иван Степанович, — жестко повторила Анна. — Вы ошибаетесь...

— Значит, можно считать, что вы согласны?

У Анны замерло сердце.

— Да, — твердо сказала она. — Сейчас вы правильно меня поняли. Я

высказала доводы, которые всякий высказал бы на моем месте. Но, если это

нужно, если есть такое решение, я конечно... — Она с трудом заставила себя

выговорить: — Я, конечно, согласна.

— Ну и отлично... — Тарабрин сразу подобрел. — Я так и передам товарищу

Подобедову... — Он дружелюбно похлопал узкой ладонью по руке Анны. — Знаете,

как мы с вами еще поработаем... А теперь подумайте! — Он предостерегающе

поднял вверх указательный палец. — Я вас не учу, но сами учтите. Критиковать

райком критикуйте, но учтите, что своей критикой вы обяжете самое себя.

Говорить легко, но ведь отдуваться вам же придется. Увидите разницу между

колхозом и целым районом.

И ведь он натянул узду! Сдержал Анну. Она выступила на конференции

далеко не так резко, как собиралась. С позиций колхоза ей было что

предъявить райкому, но с позиций района нужды "Рассвета" не превосходили

нужд других колхозов. Формально Анна представляла еще "Рассвет!", но

чувствовала себя уже работником райкома.

Анна встретилась с другими делегатами из "Рассвета" перед открытием

конференции. Никто ей ничего не сказал, но она поняла, что рассветовцам тоже

известно о предстоящем избрании. Поспелов многозначительно пожал ей руку, да

и другие держались с Анной и уважительнее и сдержаннее, чем обычно, — из

своей рассветовской агрономши она уже становилась для них начальством.

Она чувствовала, что и другие делегаты обращают на нее внимание. До сих

пор она была агрономом одного из колхозов, секретарем тамошней партийной

организации, теперь в ней были заинтересованы уже все колхозы, весь район...

Поздно вечером с ней беседовал Подобедов, интересовался, насколько она

подкована. Сам Подобедов долгое время работал в лекторской группе ЦК, назубок знал все важнейшие решения партии, и уж он — то погонял Анну, точно она держала экзамен в ВПШ.

— А вы помните, где сказано...

Анна читала газеты, читала различные выступления, но, конечно, не могла помнить все речи, о которых ее спрашивал Подобедов. Она чувствовала, что тонет, а ей хотелось выдержать этот экзамен. Сперва она отвечала, как могла, как умела. Не очень внятно. Она не так — то уж сильно разбиралась в идеологических вопросах. Потом решила схитрить. Это была скорее женская хитрость, подсознательное женское умение уходить от неприятных вопросов.

Она оборвала Подобедова на полуслове:

— Я хотела бы, товарищ Подобедов, посоветоваться с вами по одному местному нашему, практическому делу.

Подобедов недовольно кивнул.

— Пожалуйста...

— Вы знаете, у нас в колхозе еще очень плохо со строительством. Ни материалов, ни инструмента. Чуть что, зовут шабашников. Что, если нам создать межколхозную строительную бригаду? На паевых, так сказать, началах.

И построить черепичный завод. Тоже на кооперативных основах. Если бы обком...

Подобедов поморщился.

— Ну, это действительно вполне местное дело. Это вы на бюро, в рабочем порядке...

— Я понимаю, — покорно согласилась Анна. — Но ведь это рекомендация ЦК.

К чести Подобедова, он тотчас вспомнил, где и

когда была сделана эта
рекомендация. Анна, сама того не подозревая,
выдержала перед ним экзамен.

— Совершенно справедливо, — сказал ей
Подобедов. — Вот и ставьте вопрос
на бюро. И проводите. Для этого вас и берут в райком...

Они расстались довольные друг другом. Подобедов
посчитал Анну неплохим

практиком, вполне годным впристыжку к такому
опытному партийному работнику,
как Тарабрин.

На конференции выяснилось, что агронома из
"Рассвета" знают не только в

Мазилове и Кузовлеве. Когда объявили результаты
тайного голосования, Анна с

изумлением услышала, что из двухсот делегатов
против нее голосовали только

два, а против Тарабрина двадцать...

— Поработаете с мое, наберете сорок, — не без
горечи сказал ей Тарабрин

после конференции. — На такой работе нельзя не
нажить врагов.

XXXV

Будь Бахрушин на конференции, Анна собрала бы
против себя не два, а три

голоса. Ни Алексей, ни свекровь не хотели
возвращаться в Сурож. Избрание

Анны секретарем райкома Алексей принял как личное
оскорбление.

— Куда тебя несет? — зло сказал он, встретив
жену после конференции. —

Надоело голову носить на плечах?

Анна не хотела ссориться.

— Ну, не надо, Алеша! При чем тут голова?

— Да ты же баба, баба! — воскликнул Алексей. —

Это тебе не колхоз! Тут
за тебя и пахут, и сеют. А там всех надо на поводу...
Могла бы теперь как
сыр в масле кататься. Так нет. Пусть всем хуже, лишь
бы сама на виду...

— Но это же бесполезно, Алеша, — устало сказала
Анна. — Что решено, то
решено.

— Откажись!

— На попятную я не пойду, я коммунистка.

— А я не коммунист? Я на фронте вступил в
партию!

— А теперь тебя больше интересует собственный
огород.

— Значит, я тебе недостаточно хорош?

— Да!

— Другого нашла?

Он ушел, хлопнув дверью...

Анна понимала, ему обидно, что приходится
приспосабливаться к положению
жены.

Так, не помирившись с ним, она и уехала через
несколько дней в Сурож.

Тарабрин торопил с переездом. Опять приходилось
жить на два дома. Опять
дети без материнского присмотра. Но теперь
спокойнее. Родных внуков Надежда
Никоновна не обижала.

Анна остановилась у Ксенофонтовых. Она не
порывала знакомства с

Евдокией Тихоновной. Не часто, но от случая к случаю
обязательно заглядывала

к ней, наезжая в Сурож. То заночует, то гостинца
пришлет. Махотку сметаны,
творожку, масла.

Евдокия Тихоновна охотно приняла Анну.

— Милости просим, Анечка. Теперь ты эвон какое
начальство! Гришка мой и
тот за тебя голосовал...

Гриша Ксенофонтов тоже был коммунистом.

Работал все там же, в
мастерских, только теперь они были не эмтээсовские, а
эртээсовские. Он стал
совсем взрослым, работал не токарем, а механиком,
успел кончить заочный
техникум, стал вполне солидным человеком, но по —
прежнему приносил весь свой
заработок матери. Сама Евдокия Тихоновна ушла на
пенсию, пеклась только о
сыне, хотя дело находила себе всегда.

Анна у Ксенофоновых чувствовала себя как дома.

— Живи, сколь ни захочешь, хоть одна, хоть всей
семьей, — сказала ей

тетя Дуся. — Все равно не удержишься. Только
послушай моего совету.

Переедешь, живи открыто, у всех на виду. Ты теперь
человек видный, и пусть

тебя всем будет видно, И тебе легче, и люди в тебе
уверенней будут.

Она была простой человек, тетя Дуся, простой, но
умный, знала: уважение

людей в темноте да украдкою не найдешь.

Сам Семен Евграфович Жуков, председатель
райисполкома, повез Анну по

городу. Как ни разросся город, а жилья не хватало.

Теперь Анна поселилась недалеко от райкома.
Две комнаты, кухня,
прихожая.

— Это временно, Анна Андреевна, — утешил ее
Жуков. — Будем подыскивать.

— Зачем? — возразила Анна. — Обойдемся.

— Тесно, — не соглашался Жуков. — Трое детей,
муж, свекровь...

— Не трое, а двое. Третья в Пронске. Я человек
неизбалованный.

Жуков хитренько на нее поглядел.

— Там будет видно...

Алексея не столько занимала квартира, сколько его
будущая работа.

— На маслозаводе свободно место бухгалтера, —

сказала Анна. — Иван

Степанович предлагает его тебе. Я бы на твоём месте взяла.

— Ты берешь все, что ни предложат...

Алексей поворчал, потом пошел с Анной обедать, потребовал "сто грамм",

повторил, смягчился, остался ночевать в городе и на другой день поехал с

женой в "Рассвет" в спокойном и даже благодушном настроении.

Надежде Никоновне сказали, что надо собираться.

— А корову есть куда ставить? — осведомилась свекровь.

Алексей задумался. Про корову — то он и забыл! Но Анна, оказывается,

отлично о ней помнила.

— Коровы не будет, — сказала она. — Все.

— То есть как не будет? — всполошилась свекровь. — Без коровы я не поеду!

— Не будет, — повторила Анна, глядя на мужа.

— Это надо только представить! Новоизбранный секретарь перебирается в город и ведет за собой на веревке корову.

— Аня права, — сказал Алексей. — Нельзя с коровой.

— Все равно не отдам! — закричала Надежда Никоновна. — О детях нужно

думать, а не о людях. Корова моя, я беру!

— Корова куплена на мои деньги, — медленно произнесла Анна, — и корова останется в колхозе.

— Вы не правы, мама, — сказал Алексей. — Конечно, вам будет скучно, но корову придется продать.

— Не продать, а отдать, — поправила Анна.

— Как — отдать?

— Очень просто. Бесплатно отдать колхозу.

— С какой стати?

Анна глядела как бы сквозь мужа. Она так стиснула губы, что они побелели, и Алексей только в этот момент понял, какая она упрямая. Не жена, а какой — то дьявол. Разве такая будет уважать мужа?..

Ему на помощь пришла Надежда Никоновна.

— Тебе и так сделали скидку! — крикнула она Анне. — Других берут с коровой, с избой! А тебя с каким приданым взяли? С девкой, да еще неизвестно чьей!

Анна точно окаменела. Она медленно пошла к двери. Алексей подумал, что она насовсем уходит. У него вдруг перехватило дыхание. Он не хотел ее терять.

Она нравилась ему теперь гораздо меньше, чем тогда, когда он женился, но он уже привык жить с ней, жить с ней ему было легче.

— Заткнись! — прикрикнул он на мать. — Не ты покупала...

Анна остановилась на пороге, посмотрела на мужа, на свекровь.

— Вот вам бог, а вот порог, — негромко, но очень отчетливо и

удивительно спокойно сказала она. — Хотите жить по — своему, можете уходить.

Она вышла в кухню. Притихшие и нахохлившиеся, как воробьи, сидели у печки дети.

— Ниночка, — вполголоса обратилась она к дочери. — Сбегай, умница, за Василием Кузьмичом...

Ниночка вернулась вместе с Пospelовым. Он пришел встревоженный, нарочито спокойный, должно быть, Ниночка сказала что — то о ссоре. Но в доме

было тихо. Пospelов вопросительно посмотрел на Анну.

— Пройдемте в кухню, — пригласила она.

Свекровь сидела у стола, опустив голову. Алексей стоял у окна.

— Вот какое дело, Василий Кузьмич, — стараясь говорить как можно

бодрей, обратилась к нему Анна. — Мы тут обсудили между собой и решили

отдать Машку. Она еще добрая корова, послужит колхозу. Это наш, так сказать,

подарок колхозу. За все доброе. Пришлите кого —нибудь сейчас с фермы, пусть заберут.

XXXVI

Сперва Анне показалось, что ее работа в райкоме мало чем отличается от

работы в отделе сельского хозяйства. Те же бумажки, те же заседания, то же

сидение в канцелярии. Но постепенно она начала улавливать разницу.

Для Анны ее новая деятельность была как бы скачком от арифметики к

алгебре. До сих пор она оперировала простыми числами, и решение всех задач

определялось элементарными правилами арифметики, теперь ей приходилось

решать уравнения, иногда весьма сложные уравнения, приходилось извлекать

корни и находить многие неизвестные.

Когда Анна училась в школе, алгебра при первом знакомстве поразила ее

своей отвлеченностью, лишь постепенно она постигла конкретный характер ее

обобщений. Так было и с партийной работой. Было множество частных случаев,

они стекались в райком отовсюду, принималось множество частных и совершенно

конкретных решений, но каждое частное решение было в то же время и

обобщением, каждое решение, чего бы оно ни касалось, становилось одновременно формулой, дававшей направление последующим решениям. Но если математики имеют дело с числами и цифрами, партийные работники соприкасаются с реальными событиями и живыми людьми.

На этот раз Анна нелегко обживалась в Суроже. С первых же дней на нее легла громадная ответственность — она ее сразу ощутила, а знаний, опыта, умения разбираться в обстановке было еще недостаточно. Иногда она ловила себя на том, что смотрит Тарабрину в рот, как делают это ученики, чающие от учителя истины.

Двойное впечатление производил на нее Тарабрин. С одной стороны, опытный работник, умеющий принимать решения и разбираться в людях. С другой стороны, с каждым днем ей юсе заметнее в нем какое-то окостенение. В районе он работал давно, к нему все привыкли, и он ко всем привык и, главное, привык быть для всех непререкаемым авторитетом. Он был умен, это было несомненно, но, к сожалению, сам-то он думал, что его окружают разве что только не дураки.

Бюро райкома состояло из очень разных людей, был здесь и председатель райисполкома Жуков, казавшийся Анне добродушным и весьма покладистым человеком, и директор леспромхоза Ванюшин, как говорили, "самый богатый человек в районе", державшийся несколько особняком — леспромхоз был в районе наиболее рентабельным предприятием, подчиненным непосредственно области, и редактор газеты Добровольский, молчаливый, не в пример большинству

журналистов, и, кажется, очень добрый человек, и третий секретарь Щетинин, сочетавший в себе прилежание и суетливость...

Все они казались неплохими людьми, со всеми можно было работать, но

Анне претило, что все они слишком послушны Тарабрину. Во всяком случае,

никто не пытался спорить с Тарабриным, если даже держался, как замечала

иногда Анна, иного мнения.

Но хотя Анна осуждала в других эту черту, сама она тоже не решалась

спорить с Тарабриным, чувствовала себя еще ученицей, только присматривалась

к делам.

Как часто Анна чувствовала теперь, что ей не хватает ума, знаний.

Многое надо было понять, и она принялась искать, кто бы мог объяснить ей

происходящее. Она обратилась к Ленину. Это был родник, к которому она стала

приходить все чаще. Раньше она читала его по обязанности. В техникуме. Перед

вступлением в партию Теперь она обращалась к нему с интересом человека,

ищущего правильного решения, и с каждым днем интерес этот усиливался Должно

быть, для того чтобы понимать Ленина, нужно приобрести какой – то собственный

опыт. Опыт жизни. Теперь она жила, читая Ленина, и именно Ленин, Анна

отчетливо это понимала, во многом помогал разбираться ей в обстановке, и

работать, и жить.

Весной между Тарабриным и Анной произошло первое столкновение. Полгода

Анна ни в чем не осмеливалась ему перечить. Разумеется, он не говорил ничего

такого, что шло бы вразрез с ее убеждениями. Все было разумно, правильно.

Тарабрин, как и все, впрочем, работники райкома, стремился к успеху, не к личному успеху, разумеется, а к успеху района.

Он собирался на пленум обкома. Укладывал в папку материалы.

— Нашли время, — ворчал он. — Сев на носу, а тут пленум. Надо по колхозам ехать, а нас в Пронск. Очередная накачка. Разве может обком без накачки...

Перед ним сидели Анна и Щетинин. Тарабрин собирался и давал последние наставления.

— Анна Андреевна, медлить больше нельзя. Все внимание севу. Возьмите под свой личный контроль. Звоните мне в Пронск по телефону. Каждый вечер передавайте сводочку. Меня не будет дня три — четыре. Было бы хорошо, если бы я перед возвращением мог доложить Петру Кузьмичу наши показатели.

Контролируйте вспашку. Впрочем, вас не учить, вы агроном... — Он повернулся к Щетинину: — А вы, Павел Григорьевич, помогайте Анне Андреевне. Она человек новый. Это первый ее сев. Следите за сводками. Чтобы наглядная агитация не отставала. Передовики. Пусть Добровольский в газете...

Обычные указания! Щетинин к ним привык, они только для Анны звучали боевым призывом.

Тарабрин уехал. Щетинин пришел к Анне.

— Анна Андреевна, я в вашем распоряжении. — Он протянул ей бумажку. — Я тут набросал список. Всех, кого следует послать по колхозам. Почти все члены бюро, прокурор, из райисполкома. Обыкновенно Иван Степанович собирал всех перед отъездом, давал, так сказать.

— Накачивал?

Щетинин улыбнулся:

— Да, накачивал. И все разъезжались. До победного конца.

— Хорошо, — сказала Анна. — Оставьте у меня список.

— Медлить нельзя, Анна Андреевна. Собрать вечером или утром и пусть разъезжаются.

— Хорошо, Павел Григорьевич. Я хочу подумать Мы вернемся к этому через час...

Гончарова отличалась странностями. Все ясно, все шло заведенным

порядком из года в год. Думать тут нечего Щетинин пожал бы плечами, но это

было неуважительно, Анна Андреевна замещала Тарабрина, она могла пожимать плечами, а не Щетинин.

Анна осталась одна. Она позвонила. Она уже научилась вызывать звонком

Клашу.

— Вот что... — сказала она. — Не пускайте ко мне никого. Я хочу подумать.

Это и Клашу удивило. Тарабрин запирался, чтобы писать доклад, готовить решение, говорить по телефону с Костровым. Но запирается, чтобы думать...

Так он не говорил никогда.

Анна прошла по комнате. Взад — вперед. За окном бушевал апрель

Постукивал в окно. Падающими льдинками. Каплями. Воробьями. Скоро можно выставить зимние рамы...

Как она не любила, когда к ней в "Рассвет" приезжали всякие

уполномоченные. "Товарищ Гончарова, пора сеять..." А она не знала, что пора

сеять! "Анна Андреевна, пора косить..." А она не знала, что надо косить!

Прокурор шел в поле и металлической линейкой для черчения укладкой, чтобы не обидеть Анну, измерял глубину вспашки. Точно она хотела кого — то обмануть и запахать свое поле на два — три сантиметра мельче, чем полагается! Точно она не была заинтересована в урожае! И вместо того, чтобы находиться в поле, она преподавала прокурору элементарные правила агротехники.

Нет, она никого не пошлет в колхозы. Ни Жукова, ни Щетинина. И не поедет сама. Зачем, например, приедет она сейчас к Поспелову? Да он оскорбится. Не доверяет, приехала проверять Челушкин и Кучеров в лепешку расшибутся, а докажут, что они и без Гончаровой умеют работать...

Но не все умеют работать. Хотят все, а умеют не все. По — настоящему, по — умному, по — научному умеют не все. Суть в этом, и этому ни Щетинин, ни она сама никогда и никого не научат. Ходить по пятам за бригадами — это еще не значит учить.

Нет, она никого не будет гонять по району. Для чего Щетинину ночевать одетым в колхозе, помятым и невыспавшимся слоняться целый день по полям, а вечером передавать по телефону в райком, сколько засеяно га? Поспелов сделает это и без Щетинина.

Она опять вызвала Клашу.

— Клашенька, попросите Павла Григорьевича.

Он только и ждал приглашения.

— Когда же собирать, Анна Андреевна?

— Кого?

— Уполномоченных.

— Мы не будем их собирать...

Лицо Щетинина выразило полное недоумение.

— Я попрошу, Павел Григорьевич, срочно вызвать в райком полеводов и

бригадиров из всех колхозов и совхозов, — твердо сказала Анна. — Скажем, на завтра утром.

— Сорвать их перед севом?

— Почему сорвать?

— А вы взвесили, Анна Андреевна?

— Павел Григорьевич, я ведь агроном и жила не в Москве, а в Мазилове, и

я подумала о том, что было бы для меня полезно, продолжай я работать в колхозе...

Гончарова не отличалась опрометчивостью. Даже наоборот Щетинин не стал спорить.

Анна пригласила на совещание и Жукова, и Добровольского, она не хотела

обособляться от других членов бюро, но она не хотела топтаться вместе с ними на месте.

Людей собрали в райком. Их было не так уж много. Полеводы, бригады да

председатели некоторых колхозов, которые не удержались, явились без

приглашения, хотели лично узнать, что нужно райкому от полеводов.

— Мы не будем посылать в этом году уполномоченных по колхозам, —

сказала Гончарова. — Вы не дети и не нуждаетесь в погонщиках. Хотя для вас,

может быть, хуже, что не будет уполномоченных. Ведь часть ответственности

всегда перекадывалась на опекунов, а теперь вы будете отвечать за все сами.

Но суть не в том, для чего вам повторять: сейте, сейте... Точно вы этого не

знаете. Важно, как сеять В "Рассвете" в прошлом году собрали приличный

урожай, в "Ленинском пути" еще лучше, а в "Красном

партизане", извините,
лапу сосут. Почему так? Не хотели сеять? Не умели сеять! У одних хорошо
уродилось просо, у других — клевер, а в "Красном партизане" вообще ничего не
уродилось. Но, я думаю, если мы придем туда в качестве погоняльщика
прокурора, вряд ли от этого повысится урожай. Привлечь к ответственности он,
конечно, кого —нибудь сумеет, но хлеба от этого не прибавится. Не лучше ли
тем, кто чему —нибудь научился и умеет что —то делать, рассказать остальным,
как он это делает. Почему кукуруза в "Рассвете" уродилась лучше, чем в
"Ленинском пути"? Когда сеяли, как, какими семенами? Как обрабатывали
посевы? Как, как... Вот чем надо делиться друг с другом. А не докладывать:
засеяли столько —то и столько —то и обязуемся засеять к такому —то столько —то.
Другим от того не легче, что вы засеяли. Мы просим всех, кто имеет какой —то
полезный опыт, поделиться этим опытом с другими. И обсудить его. Каждую
крупницу опыта вложить в общий котел. Речей не нужно. Считайте, что у вас
агросеминар...

Анна озадачила приглашенных. Некоторые пытались было доложить... о
готовности к севу. Анна оборвала их.
— Вы это потом доложите. Лично мне, в кабинете.
Она не позволяла рапортовать. Она завела агрономический разговор.

Хороша у вас кукуруза? А как лунку делаете? По сколько зерен кладете? Как
заделываете? Объясните, объясните другим...

Жуков тоже вошел во вкус разговора. Анна советовалась с ним перед
совещанием, изложила ему свой план беседы. Он

жался, но согласился. А потом

увлекся, стал спрашивать, рассказывать, где что видел...

"Вы записывайте, — твердила Анна собравшимся. — Не надейтесь на память.

Потом расскажете дома В бригадах. В звеньях. Учитесь! Учитесь друг у друга..."

Получился деловой разговор. Люди не пошли даже обедать. Порядок нарушился. Спорили, расспрашивали, ссорились. Но это были добрые ссоры...

Когда все разъехались и они остались втроем, Анна, Щетинин и Жуков, она, сама не доверяя себе, с беспокойством обратилась к обоим:

— Получилось?

— Поживем — увидим, — осторожно ответил Жуков.

— Непривычно, — пожаловался Щетинин. — Будет нам от Ивана Степановича.

Анне и самой было непривычно, но на этот раз она готова была спорить с Тарабриным.

Он вернулся на пятый день. Сводку о ходе сева ему передавали в Пронск ежедневно, но никто не осмелился сказать, что на этот раз сев проходит без уполномоченных. Тарабрин узнал об этом по возвращении.

Он явился утром в райком, прошел к себе и только тогда вызвал

Гончарову.

— Что это вы тут без меня натворили?

— Но ведь сев идет не хуже, чем в прошлом году, Иван Степанович.

— Почему не послали уполномоченных?

Анна набралась решимости.

— Целее будут.

Тарабрин вспыхнул.

— Оторвали полеводо́в от сева. Устроили какой-то

семинар...

— Но ведь так лучше, Иван Степанович. Я сама агроном...

Он сухо поглядел на Анну.

— Здесь вам не сельхозотдел. Здесь райком, и вы прежде всего партработник.

— Иван Степанович...

— Вам было сказано?

— Я все взвесила, прежде чем принять решение.

Тарабрин откинулся на спинку кресла.

— Анна Андреевна, я задам вам лишь один вопрос: кто здесь первый секретарь — вы или я?

Анне не хотелось ответить так, как хотелось Тарабрину. Не хотела она

отвечать, как школьница, что, мол, вы, конечно, а я только старалась...

— А я здесь что — пешка? — вызывающе ответила Анна. — Я вас уважаю,

Иван Степанович, но ведь и я тоже.

— Я вас слушаю, слушаю, — холодно произнес Тарабрин. — Объяснитесь.

— Я привыкла доверять людям, вот мое объяснение, — сказала Анна.

— Доверять, но и проверять, — поправил Тарабрин. — Вы забыли это партийное правило.

— Не каждый день и не по всякому поводу, — отрезала Анна. — Недоверие к людям меня не устраивает.

Тарабрин побледнел. От удивления и от возмущения. Вот как она заговорила! Вот тебе и скромный, уступчивый агроном из "Рассвета"...

— Вас? — иронически переспросил Тарабрин.

— Не меня лично... — Анна спохватилась. — По моему, это не устраивает партию...

Тарабрин не повышал голоса, не менял позы.

— Рано вы стали говорить за партию!
— А я всегда за нее говорила, — тихо сказала Анна.
— Вы не помните, а я
помню, как вы у меня, у беспартийной, грозились
отнять партбилет.
Тарабрин с интересом посмотрел на собеседницу.
— Кажется, я ошибся в вас...
— Нет, — ответила Анна. — Ни я в вас, ни вы во
мне не ошиблись, дело у
нас с вами одно.

XXXVII

Второе столкновение с Тарабриным у Анны
произошло из — за масла, из — за
коровьего масла, которого сурожцы не видели в
продаже уже несколько месяцев.

Анна пришла на работу, развернула районную
газету и так и ахнула!

Полугодовой план по сдаче молока выполнен! Июнь
еще не кончился, а план
выполнен. Сто процентов. Даже с какими — то
десятыми. Анна знала положение дел
в районе. С кормами на фермах не густо, надои
невелики, район не мог
выполнить план. К концу июня должны были набрать
девяносто пять, девяносто
шесть процентов. И то хорошо. А тут — на тебе!

Анна принялась изучать сводку.

"Красный партизан" — на последнем месте.
Семьдесят процентов.

Правильно. У них ни кормов, ни голов... За чей же
счет выполнен план? На
первом месте "Ленинский путь". Сто двадцать. Ну,
допустим, там люди
оборотистые. Впрочем, у них с кормами лучше, чем у
других. "Рассвет"... Сто

девять... Враки! Что касается "Рассвета", Гончарову не проведешь, Анна не хуже Мосолкиной знает положение дел в "Рассвете". С кормами там уже весной было туговато. Не могли они выполнить...

Анна позвонила в "Рассвет". Вызвала Челушкина. Челушкин сменил ее на посту секретаря парторганизации.

— Григорий Федорович, откуда вы столько молока взяли?

Он замялся.

— Марья Филипповна надоила.

— Нет, серьезно.

Челушкин задал дипломатический вопрос:

— А вы для чего — хвалить или ругать?

— Ну как же хвалить, когда это невозможно?

Она почувствовала, ее собеседник задумался.

— Анна Андреевна, я итоги не подбивал. По — видимому, набрали. Василий

Кузьмич с Малининым считали. Я ведь надои не проверяю...

Раздражение все сильнее овладевало Анной.

— Позовите — ка к телефону Мосолкину. Найдите ее, и пусть она мне позвонит. Впрочем, нет... — Анна передумала. — Григорий Федорович, не говорите, что я звонила. Я сама приеду...

Она еще не очень — то ясно отдавала себе отчет, почему сообщение о выполнении полугодового плана по молоку привело ее в такое раздражение.

Очень уж кстати была эта сводка. Дела в районе шли не блестяще. Район, правда, не числился в отстающих, но и хвастаться было нечем. В области давно поговаривали, что Тарабрин засиделся в Сурожье. Сводка по молоку на какое — то время затыкала критикам рты.

На войне малейший самообман нередко приводил людей к гибели. Обман

нарастает, как лавина. Ложь ложью погоняет. Сводка о молоке была фальшивой.

Анна еще не знала подробностей, но это — то она знала. Не упоминайся в сводке

"Рассвет", она, может быть, прошла бы мимо, но "Рассвет" не мог выполнить

план на сто девять процентов...

Она позвонила Тарабрину.

— Иван Степанович, хочу съездить в "Рассвет".

Тарабрин даже не спросил — зачем.

— Пожалуйста. Можете взять машину. Я буду в городе.

В Мазилове Анна проехала прямо на ферму.

— Ну как, девочки, дела?

Дневная дойка только что кончилась. Зоя Черемисина, одна из лучших

доярок, откинула с ведер марлю.

— Смотрите. Это от всей моей группы.

— Маловато.

— Кормим слабо.

— А вас премировать собираются.

— Не откажемся...

Анна нашла Мосолкину.

— Марья Филипповна, как у вас план?

— Что — то около ста.

— А в Кузовлеве?

— Поменьше.

— А как же в сводке?

— А это уж вы Василия Кузьмича спрашивайте...

Василий Кузьмич был где — то на сенокосе, его нашли, привели, он вошел

обрадованный, улыбающийся. Он уважал Анну, считал ее чуть ли не

представителем "Рассвета" в райкоме.

— Василий Кузьмич, откуда такие проценты?

Поспелов невозмутим.

— А это мы немножко вперед. Перестраховываемся.

— Да, но откуда их взяли?

В глазах Поспелова мелькнула лукавая улыбка.

— Ловкость рук, и никакого мошенства.

Резервы, резервы, Анна
Андреевна...

Анна нахмурилась.

— Я серьезно спрашиваю. Спрашиваю вас как секретарь райкома. Откуда вы взяли молоко? Было молоко или это приписка?

Поспелов вдруг понял, что Анна не шутит, что она рассержена, и заерзал на стуле, как грешник на сковороде.

— Было, Анна Андреевна, было. Честное слово, — как — то невнятно пробормотал он. — Купили. Купили и сдали в счет плана.

Анна окончательно помрачнела.

— У кого? Где? Вы объясните, Василий Кузьмич. Меня очень интересует это молоко.

Поспелов потупился.

— Это не молоко. Это масло. Мы маслом сдали.

Анна пристально посмотрела на Поспелова.

— Вы меня не обманываете?

— Анна Андреевна! Купили масло и сдали.

— Где?

— В райпотребсоюзе.

— Как же вы до этого додумались?

— Подсказали.

— Кто?

— Ну, это я не скажу.

— Много купили?

— Весь излишек.

— А деньги откуда взяли?

— Сами знаете, деньги у нас есть.

— Не ожидала я этого от вас, Василий Кузьмич...

Анна вернулась в город. Поехала на склад райпотребсоюза.

— Масло получали в этом месяце с маслозавода?

— Получали.

— Где оно?

— Продано.

— Кому?

- Населению.
  - Врете. В магазины масло не поступало.
- Легкое замешательство.
- Продавали со склада.
  - Кому?
  - Ну... Кто обращался.
  - А кто обращался?
  - А мы не знаем...

Здесь трудно подкопаться. Масло получено и продано. Может быть, даже в одни руки. Но деньги получены. За все масло. Все в порядке.

Анна поехала на маслозавод. Дудаков, директор завода, считался хорошим хозяйственником. Вежливый товарищ, с незаметным лицом, в недорогом зеленом венгерском костюмчике.

- "Рассвет" в этом месяце много масла сдал?
- Порядочно.
- А сколько именно?
- Сейчас уточним... Алексей Ильич!

Перед Анною предстал собственный муж.

— Сколько молока "Рассвет" сдал в июне, Алексей Ильич?

Алексей взял счета.

- Сейчас сочтем.

Он защелкал костяшками.

- Это ты что пересчитываешь? — догадалась Анна.
- Масло в молоко?

Он не ответил ей, закончил подсчет, назвал количество молока в литрах.

Анна гневно посмотрела на Дудакова.

- Вам "Рассвет" сдавал молоком или маслом?
- Молоком.
- А они говорят, маслом.

Дудаков невозмутимо смотрел на Анну.

- Они что — то путают.

Анна попросила показать квитанции. Сдаточные ведомости оформлены на молоко. По документам все везде правильно. Она ни с

чем вернулась в райком.

Не так — то легко опровергнуть сводку.

С Алексеем они встретились за ужином.

— Чего это тебя понесло на завод? — сразу обратился он к жене.

— Да, понимаешь, Алеша, молока не было и молоко сдали, — доверчиво

объяснила она. — Нельзя же такие вещи допускать.

— Какие? — насмешливо спросил он. — К примеру, я хочу сдать масло.

Пошел на рынок, купил, сдал. Разве возбраняется?

— А сдавали все — таки масло? — поймала его на слове Анна.

— Конечно, — подтвердил он.

— Ваше же масло? От вас на склад, а со склада обратно?

— А его и не возили вовсе, — насмешливо объяснил Алексей. — Двигались

одни накладные. А оно как лежало, так и лежит без движения.

— И все это проводил ты?

— А кому же еще!

— Но ведь это мошенничество.

— Чем?

— Вот почему нельзя купить масла в магазинах!

Вот как прячут дурную работу...

Алексей участливо посмотрел на жену.

— По — детски думаешь, а пора бы уже повзрослеть.

XXXVIII

Анна не спала ночь. Она сама на себя сердилась, но что ж поделаешь? Не

защищаться же фальшивыми сводками от критики.

Она понимала, что сводка

передана в Пронск, что в Пронске довольны.

Понимала, что исправлять сводку,
снижать проценты — более чем неприятно. Она это
понимала так же хорошо, как
и то, что Тарабрин не захочет выступить в роли
унтер — офицерской вдовы. Она
не знала что делать. Но терпеть обман она не могла.

Она рано пришла в райком. Раньше Тарабрина.
Предстоял неприятный
разговор. Но Анна не торопилась, даже оттягивала
встречу, пока, наконец,
дверь не приоткрылась и не показалась голова Клаши.

— Анна Андреевна! — позвала она. — Вас просит
Иван Степанович.

Анна поднялась тотчас. Тарабрин не любил ждать.
Она пересекла приемную,
на мгновение задержалась у двери кабинета.

Клаша уже сидела за своим столом.

— Один? — спросила Анна.

— Один, один... — торопливо сказала Клаша.

Тарабрин сидел, подперев голову рукой, читал
какую — то бумагу, глаз его
не было видно, виден был только открытый лоб.

"Хороший лоб, — подумала Анна. — Умный человек
Тарабрин. Но какой — то уж
очень чистый лоб, ни морщинки на нем. Как мрамор".

— Звали, Иван Степанович?

Тарабрин поднял голову. Он редко улыбался.
Посмотрел на Анну и
улыбнулся ей.

— Садись, садись, Анна Андреевна. Хорошо, что
зашла.

Анна села, молчала, ждала, что скажет Тарабрин.

Но Тарабрин тоже молчал.

— Бюро в час? — спросила Анна.

— Да, через полчаса, — сказал Тарабрин.

Помолчали еще.

— С маслом ерунда какая — то получилась, — сказал
Тарабрин.

— Какая же ерунда? — сказала Анна. — Просто
липа. Надо сообщить в

обком, что план по молоку не выполнен.

— То есть как не выполнен? — насмешливо переспросил Тарабрин. — Ты,

Анна Андреевна, чего — то путаешь. План выполнен. Я сам просматривал сводку.

Разве без меня Дудаков посмел бы представить ее в райисполком?

— Но ведь на самом деле нет даже ста процентов, Иван Степанович.

— А что же сдавали? Воздух?

— Масло.

— Ну это меня не интересует — масло или молоко. Важно, что сдали.

— Но ведь это комбинации.

— Чьи?

— Вот этого я пока не пойму.

— Ну, так вот по этому поводу я и позвал вас, Анна Андреевна. Колхозы

сдавали, как положено. Но на маслозаводе совершенно запутана отчетность. И

повинен в этом, к сожалению, ваш муж...

— Но ведь сдавал и принимал масло не он?

— Но он оформлял! Я не хочу вам неприятностей. Поэтому оставим все, как было.

— Подождите, Иван Степанович, — медленно проговорила Анна. — Сперва о

молоке. Потом о моем муже. Надо сообщить в обком, что мы по молоку не дотянули.

— Но это же неправда!

— Покупали чужое масло и сдавали в счет собственного молока!

— А где доказательства?

— Мне сам Пospelов сказал.

— Документы, документы нужны. Я тоже звонил, интересовался. Все правильно.

— Надо исправить сводку.

— Да поймите, Анна Андреевна, что это невозможно

переиграть. Ну, как вы
это себе представляете? Колхозы обратно забирают
масло с завода, везут в
райпотребсоюз, там возвращают деньги... В общем,
крути киноленту в обратную
сторону? Вы подумайте: возможно это проделать?

— Тогда просто сказать правду...

— Обрадуете обком? И что, собственно, сказать?
Выполнили — и каемся?

В чем-то Тарабрин прав. Сводку действительно
невозможно переиграть.

— Я прошу назначить проверку, Иван Степанович.
Ревизию. Чтобы такие

вещи не могли больше повториться. Надо начать с
маслозавода...

Тарабрин с интересом посмотрел на Анну.

— Хотите поставить под удар собственного мужа?

— Я не хочу ставить под удар собственную совесть.

— А если мы воздержимся?

— Я поставлю вопрос на бюро.

Тарабрин высыпал из деревянного стакана
карандаши, пересчитал, положил
обратно. Подумал. Тряхнул головой.

— Обойдемся без бюро. Не надо так официально.
Пусть будет по — вашему.

Поручим Семену Евграфовичу...

Облегченно откинулся на спинку стула, поправил
рукою волосы, и только

тут Анна заметила на его умном и большом лбу мелкие
капельки пота.

XXXIX

Тарабрин оказался верен своему слову. В тот же
день он переговорил с

Жуковым. Жуков тоже не стал медлить, и без каких-
либо оттяжек, как Анна и

хотела, ревизия нагрязнула на маслозавод.

В основном ревизии подверглась бухгалтерия завода, то есть Бахрушин, то

есть собственный муж Анны... Санитарный врач достаточно придирчиво

осматривал завод в установленные сроки, чистота соблюдалась на заводе

неукоснительно. Масло и сыр, которые завод поставлял в Пронск и в другие

города, — продукция его доходила даже до Ленинграда, — не встречали

неодобрительных отзывов. Побольше бы такого масла и сыра! Таким образом,

проверить следовало только отчетность, приход да расход, выяснить, сколько

поступает на завод молока и куда оно девается...

— Раз уж проверять, так проверять, — сказал Тарабрин, и Жуков сказал

обследователям примерно то же:

— Злоупотреблений как будто незаметно, но уж коли решили, поднимите всю

отчетность, проверьте, так сказать, до конца...

Два дня шелестели на заводе бумагами, Алексей Ильич подавал всякие

гроссбухи, в которые и сам — то заглядывал, пожалуй, впервые, и все было в

порядке, все, как говорится, соответствовало. Но...

И вот акт комиссии уже на столе у Жукова, Жуков звонит Тарабрину,

Тарабрин разыскивает по району Гончарову, и, поймав ее по телефону в

Давыдовском совхозе, просит вечером, по возвращении, обязательно заглянуть в

райком.

Тарабрин отменно вежлив, спокоен, может быть, чуть ироничен.

— Ваше желание удовлетворено, Анна Андреевна. Проверили маслозавод.

Причем проверяли на совесть, это вам говорю я.

— Я знаю, Иван Степанович. Из райфо ведь

Козловского посылали.

— А что — Козловский?

— Говорят, ни одной копейки не пропустит. Педант.

— Ну, не знаю, педант там или не педант, но все в порядке. Как

говорится, в ажуре. Так, кажется, у бухгалтеров?

Анна вздохнула. Про себя облегченно вздохнула. И все — таки ей что — то не по себе.

— Но... — Тут последовала многозначительная пауза. — Есть разрыв между

принятым молоком и выходом готовой продукции. В самое последнее время молока

было принято больше, чем переработано.

— Значит, квитанции колхозам выдавались, а...

— Куда — то утекло. Бидоны дырявые.

— А может быть, колхозы не сдавали этого молока?

— Кто же в этом признается?

— Следовательно...

— Следовательно, недостача.

— Кто же несет ответственность?

— Бухгалтер Бахрушин. Ваш муж.

Тарабрин сказал это без подчеркивания, очень просто, как если бы

говорил о постороннем для Гончаровой человеке.

Анна помолчала. Потом взглянула невесело на Тарабрина.

— Это преступление?

Тарабрин отрицательно замахал рукой.

— Нет, нет! Не волнуйтесь. Упущение... — Он участливо посмотрел на

Анну, ему, наверно, искренне хотелось ее утешить.

— Возможно, виновата

спешка. Допускаю, что уж очень хотелось выполнить план. Так сказать,

авансировали колхозы. Мы с Семеном Евграфовичем расцениваем это как

служебное упущение. Не больше. Все отрегулируется...

Так она и знала. Она была уверена, что с выполнением плана что — то не в

порядке. Формально в порядке, но на самом деле...

Ах, Бахрушин, Бахрушин! Алексей хотел жить со всеми в ладу. С тем выпьет. С другим согласится. Навыдавал квитанций. Люди не подведут. Он их вызовет, они его. Теперь, конечно, Бахрушин у всех в руках. Как поведешь себя, так и получишь...

Анна сплела кисти рук, принялась дергать себя за пальцы, точно стягивала с них несуществующие перчатки.

— А большая сумма, Иван Степанович?

— Да не волнуйтесь же, я вам говорю... — Тарабрин совершенно спокоен. —

Все отрегулируется. Помаленьку погасят...

Он назвал сумму. Сравнительно невелика. Примерно, пять месячных окладов

Анны. Незаметная сумма. Но и Бахрушин, и Анна находились под прессом. Теперь все зависело от доброго расположения людей. Разумеется, ей пойдут навстречу.

В этом она не сомневается. Помогут Алексею свести концы с концами.

Тарабрин читал ее мысли.

— Сведет ваш Алексей Ильич концы с концами, отрегулирует...

План выполнен, обком доволен, Алексей отрегулирует. Удивительно, как

все добры друг к другу. Но от этой доброты ей хочется плакать...

Анна встала.

— Что ж, Иван Степанович... Спасибо. Я подумаю, как поступить...

— Да никак не поступать! — Тарабрин дружелюбно протянул руку. — Ваш

Бахрушин не так уж и виноват. Всем хочется выполнить план. Любыми средствами. Не подумал. Не стоит раздувать его ошибку, ваш авторитет нам дороже...

Но Анна уже знала, что делать. Она заторопилась домой.

Алексей находился в благодушном настроении. Сидел на порожке дома и кое-как наигрывал на баяне. Был как будто слегка навеселе. В последнее время

Анна не всегда могла разобрать — под хмельком Алексей или ей это только кажется.

Она притронулась к баяну.

— Погоди. Что там у вас?

— Порядок.

— Но у тебя недочет?

— Разбалансируем.

Анна посмотрела на него сухими злыми глазами.

— Неужели тебе что —нибудь давали?

Алексей положил баян на ступеньку, в глазах его тоже мелькнуло злое выражение.

— Ты соображай, Аня, что говоришь! Себя не пожалел бы, так тебя пожалею. Что я — не понимаю, что ли...

— Значит, ты — ни в чем?

— Ну, выпивал иногда с людьми...

Бесполезно с ним говорить. Тем более сейчас. Анна пошла прочь, не заходя в дом. Алексей приподнялся.

— Ты куда?

— Христа славить!

Что с ним говорить...

Она и вправду пошла по людям, собирать, что дадут.

У Ксенофонтовых Евдокия Тихоновна бросилась ставить самовар. Она всегда

была душевно расположена к Анне, а теперь, когда Анна стала секретарем, ее посещение вдвойне приятно.

— Я по делу, тетя Дуся. Мне нужны деньги.

— Что так?

Евдокия Тихоновна испытующе посмотрела на гостью.

— Нужно выручить. Одного человека. Очень нужно.

— А много?

Анна сказала. Евдокия Тихоновна всплеснула руками.

— Откуда же у нас таким деньгам!

— Сколько можно, — сказала Анна. — У меня есть платья, пальто. Шифоньер можно продать. Приемник...

— Впрочем, погоди... — Евдокия Тихоновна подумала. — Гришка должен скоро прийти...

Гриша тоже обрадовался Анне.

— Какими судьбами, Анна Андреевна?

Мать помешала ему говорить с гостьей, увела в комнату, которую когда — то занимала Анна.

— Гришка на мотоцикл копит, — сказала она, выходя обратно. — Завтра утречком сходит в сберкассу, в обед принесу...

Накопления Ксенофонтовых равнялись двум ее окладам. Анна долго думала —

к кому бы еще обратиться. Ни у кого из ее знакомых не было таких денег. Ей

пришла в голову отчаянная мысль — сходить к директору леспромхоза Ванюшину.

Член бюро райкома, он держался в некотором отдалении от других членов бюро, но в спорах часто поддерживал Анну.

Утром она отправилась к Ванюшину.

— У меня просьба, Кирилл Савельич — без обиняков начала она, зайдя к нему в кабинет. — Мне нужны деньги. Порядочная сумма. Вы у нас местный

Рокфеллер. Ну, не лично, конечно. Я не знаю, есть ли у вас лично. Но я

рискнула. Очень нужны. Отдам через полгода. Это я предупреждаю...

Широкоплечий Ванюшин еще шире расправил плечи. Исподлобья взглянул на

Анну. Он был громоздок, тяжел, круглолиц. Когда

сердился — багровел,

казалось, вот — вот его хватит удар.

— Сколько? — коротко спросил он.

Анна сказала.

— Погодите... — сказал он и вышел.

Анна провела в одиночестве минут пятнадцать.

Ванюшин зашел обратно, сел за стол, сунул руку в боковой карман, подал деньги.

— Вот, — сказал он.

Анна смутилась.

— Я предупредила. Смогу вернуть только через полгода, — сказала она. —

Вы даже ни о чем не спросили...

Ванюшин недовольно на нее поглядел.

— И не спрашиваю. Когда товарищ просит, я помогаю. А не выясняю — надо ли помогать. Надо или не надо — это пусть другие выясняют...

К концу дня Анна появилась на маслозаводе перед Алексеем.

— Вот... — Она положила перед ним деньги. — Иди и внеси в кассу. Ты ничего не должен.

Алексей растерялся.

— Колхозы сдавали, они и рассчитаются, — забормотал он. — Это даже как — то...

— Я ничего не знаю, — сдавленным голосом произнесла Анна. — Я хочу быть уверенной, что ты никому ничего не должен. Ни от кого не хочу зависеть. Ни от чьей доброты.

Он нерешительно запротестовал:

— На это обратят внимание...

— У тебя недостача на сегодняшний день? — сказала Анна. — Вот иди и покрывай.

Он упирался:

— А как я проведу?

— Незаконные операции умел проводить? Сумей провести законную.

Об оконное стекло бился шмель. Жужжал как сумасшедший.

Алексей прикрыл шмеля ладонью.

— Ах, чтоб тебя!

— Отпусти, — сказала Анна. — Шмель не виноват.

Он швырнул шмеля за окно.

Она спросила:

— Вы куда деньги сдаете?

— В банк.

— Вечером покажешь квитанцию, — тихо сказала Анна. — А то так и знай,

завтра еще одну ревизию пришлю... — Она поежилась. — Посадил семью на

голодный паек. Отец! Тоже мне...

И не договорила.

Вечером Анна долго сидела в райкоме. Советовалась с Добровольским, о

ком из механизаторов написать в газете. Так написать, чтобы и не перехвалить

и остальных подтолкнуть. К ней заглянул Тарабрин. Веселый, оживленный.

Прислушался.

— Правильно, — одобрил он. — Поднимите кое-кого перед уборкой...

— Между прочим, Иван Степанович, — сказала Анна, — Бахрушин внес деньги.

— Какие деньги?

Тарабрин не сразу понял. Он уже не думал о сводке.

— Недочет, который образовался на маслозаводе. Там была какая-то неясность. Не надо ему делать поблажек. Могут подумать, что из-за того, что он мой муж.

Тарабрин прищурился, ждал, что еще она скажет.

— Ни я никому не должна прощать, ни мне никто не должен, — сказала

Анна. — Снисходительность, пусть даже из самых

добрых побуждений, не одного
человека привела к преступлению.

XL

Лес прогрелся, просушен солнцем, даже под
елями, распластавшими
мохнатые ветви по самой земле, сухо. В опавшую
прошлогодную хвою рука
погружалась, как в нагретый сухой песок. Даже лесные
болотца повыхали, мох
в кочкарнике ершился жесткой щетиной. Деревья то
совсем уходили в синь, то
высветлялись, зеленея нежно и молодо.

Дети вот уже дня три как собирались с матерью
по грибы. Анна все
обещала, обещала и, наконец, поклялась, что
обязательно пойдет в
воскресенье. Не так уж много времени удавалось ей
проводить с детьми, но на
этот раз она их не обманула. Тем более что и Женя
приехала на каникулы, ей
тоже хотелось в лес.

И вот всей семьей они сегодня в лесу. Даже
Алексей охотно пошел. После
истории с маслом, когда Анна заставила его погасить
недостачу, он притих,
стал ласков с детьми, даже как будто не пил и с Анной
вел себя, как в первый
год после женитьбы.

Вышли пораньше, захватили корзины, взяли еды,
дома осталась одна

Надежда Никоновна. Забрались километров за пять.

Дети разошлись по чаще, Алексей отправился искать
удилище, а самой Анне
захотелось вдруг полежать. Просто полежать.
Смотреть в небо и считать

облака...

Она расстелила плащ на сухой моховине, легла на спину, закинула руки за голову — в кой-то веки могла она позволить себе вот так бездельно поваляться днем на траве!

Поодаль перекликались дети. Она прислушивалась к их голосам. Они были такие разные и в то же время такие бесконечно свои. Вот Коля. Он ближе всех.

Мальчику восьмой год, осенью пойдет в школу. Ниночке осенью исполнится одиннадцать. Женя совсем большая, восемнадцать лет. Не успеешь оглянуться, как закончит техникум и станет самостоятельным человеком. Мечтает о работе, обещает помогать матери. Да где там! Встретит какого —нибудь Петю или Сеню — и ищи ветра в поле! Время бежит, бежит. Ей самой тридцать семь. Тридцать семь уже! Старая баба. Скоро бабушкой станет. Не задолжится. Вот только дедушка у нас бедоватый...

В полдень все собрались возле Анны. Дети насобирали грибов, наперебой хвастались перед матерью.

— Есть будете?

Есть хотели все. Анна расстелила полотенце, достала огурцы, вареную картошку, селедку, хлеб.

Анна поколебалась, но все — таки купила накануне бутылку вина на тот случай, если пойдет Алексей, чтоб уж и ему было полное удовольствие. Она не разбиралась в вине, вино было какое — то молдавское, десертное, водки она покупать не хотела.

Нине и Коле подмешали немного вина к воде. Анна и Женя выпили по глотку, ну, а царская доля досталась, разумеется,

Алексею.

Выпив, он повеселел, пытался петь, посадил возле себя сына, принялся

обстругивать удилице. Девочки ушли за цветами. Анна тоже пошла было с ними,

потом вернулась, почему — то не решилась оставить Колю с отцом.

— Ты иди, иди, — сказал Алексей жене, — дай мужикам между собой покалякать.

Она все — таки не ушла. Алексей вставал, садился, снова вставал. Потом,

преодолевая смущение, извлек откуда — то поллитровку.

— Понимаешь, не надеялся на тебя...

У Анны весь день было такое хорошее настроение, все было так хорошо...

— Алеша, отдай, — попросила она.

Он торопливо налил с полстакана.

— Ну, отдай, Алешенька. Я же о тебе забочусь...

Он закрыл глаза, торопливо выпил. А когда снова взглянул на Анну, глаза

его уже подернулись мутной пленкой, заблестели.

— Заботишься... О чужих заботишься больше, чем о своих!

Анна протянула руку.

— Отдай бутылку, прошу...

Он отошел подальше, встал у куста жимолости.

Анна поднялась и пошла к мужу. Она еще улыбалась, еще надеялась.

Алексей нырнул за куст, захрустел валежник.

Коля побежал за отцом.

— Папа!

Валежник захрустел еще громче.

Так и кончился этот хороший день.

Анна пошла искать девочек. Лучше уж поскорее домой.

Девочки сидели на полянке перед ворохом колокольчиков и ромашек, плели

венки.

Анна позвала:

— Пойдемте...

Вернулись на прежнее место, покричали Коле, мальчик появился из — за кустов.

Анна вопросительно взглянула на сына.

— Где отец?

Коля махнул рукой в неопределенном направлении.

— Спит.

Анна нашла Алексея за кустами. Он спал, спал тяжело, мертвенно, как

спят безнадежно больные люди.

Дети пошли вслед за матерью.

— Вы идите, — сказала она им. — Соберите все, корзины, посуду, я догоню вас...

Она наклонилась, потрясла Алексея за плечо. Опять потрясла. Закинула его руку себе на шею, попыталась поднять. Алексей как будто пришел в себя.

— Пошли? — несвязно спросил он.

— Пошли, пошли...

Она поволокла его, придерживая за пояс. Дети оглядывались и снова убегали вперед. Анне было трудно, Алексей еле переставлял ноги. Надо расходиться, думала Анна. Так невозможно...

До сумерек было далеко. Облака двигались вместе с нею над лесом. Что за пример для сына, думала Анна, что за пример для людей... Она тянула, тянула, Алексей тяжело навалился на ее плечо, он сопел, засыпал на ходу, просыпался.

"А как разойтись? — думала Анна. — Люди обращаются ко мне, ждут, чтоб я помогла их семьям, а свою семью разорю..." Ей ужасно хотелось подойти к городу в сумерки. Все — таки не так стыдно.

Дети шли впереди. Они оживленно о чем — то разговаривали. Солнце лилось праздничным желтым светом. Девочки несли

корзины и букеты. Коля едва
поспевал за сестрами. Они так и шли: ближе всех
Коля, потом Нина и впереди
Женя. А еще дальше Жени, совсем впереди, шел
Толя. Никем не видимый Толя.
Легкими воздушными шагами уходил в солнечный
закат.
А сама Анна шла тяжело, трудно, ноги ее
скользили в траве, шла и
волокла на себе сонного и грузного Алексея.

XLI

Должно быть, в глубине души Тарабрин был
благодарен Анне. Из мерзавца
доброе человека не сделаешь, но люди, так сказать,
средние, не слишком
стойкие, общаясь с хорошими людьми, сами становятся
лучше. Похоже, Тарабрин,
столкнувшись с принципиальностью Анны, и сам стал
принципиальнее, и был
этим, конечно, доволен, как доволен бывает всякий
человек, когда ему не в
чем себя упрекнуть...
Все в районе было подогнано к плану — мясо,
молоко, яйца. Заготовка
сена подходила к концу. Обком торопил по привычке,
но не так уж ретиво, и
это значило, что обком надеется на район.
Все шло заведенным порядком, как в будильнике,
сделанном по простому,
но проверенному образцу.
Вот и сейчас Тарабрин вошел, настезь распахнув
дверь, вместе с хорошей
погодой, с утренним солнцем, с прохладой ветреного
дня. Высокий, аккуратный,
подтянутый. Вошел не один, вместе с ним и под стать

ему появился такой же

ладный и плотный посетитель в светлом костюме, в светлых кудрях, со светлым выражением на лице.

— Вы, кажется, знакомы, — бодро промолвил Тарабрин. — Товарищ Волков...

Волков, улыбаясь, шел навстречу Анне.

— Как же! Старые знакомые. Судьба разводит нас и опять сталкивает...

— Геннадий Павлович!..

Волков приятен Анне. Все — таки он один из первых, кто встретил ее по

возвращении в родные места. И он все такой же: моложавый, подвижный,

приветливый. Если за эти годы и появилась у него седина, она почти незаметна

в пышных русых волосах.

— Геннадий Павлович по поводу Давыдовского совхоза, — сказал Тарабрин.

— Хотел сам с ним поехать, да он ни в какую. Только Гончарову. Обязательно с вами хочет...

Давыдовский совхоз был у райкома до некоторой степени бельмом на глазу.

В нем все есть для того, чтобы стать рентабельным, процветающим хозяйством.

Земли не так чтобы очень хорошие, но не хуже, чем у других, неплохи

пастбища, техники тоже достаточно, и все — таки совхоз не обходился без

дотаций. Райком пытался сменить директора — в Пронске не разрешили. Апухтина

снимать действительно как будто не за что, хотя и не хотелось оставлять его

на посту. Директор Давыдовского совхоза Апухтин не пьянствовал, не врал, не

воровал, даже работал, только ничего у него не получалось. Не получалось уже

несколько лет...

К сожалению, у нас не снимают с работы за

неспособность. Все думают —
авось исправится!

Но почему Давыдовским совхозом так
интересовался Волков, Анна не
понимала. У совхозов — свое начальство, а Волков на
ее памяти нет — нет да и

заглядывал в этот совхоз, не скрывал своего интереса к
Давыдовскому совхозу.

Анна улыбнулась Волкову и все — таки не скрыла
удивления.

— Вы точно шефство взяли над Давыдовом, —
сказала она. — Вероятно,
хватает дел, а Давыдово не забываете.

— Неравнодушен... Мне бы туда! Я бы там... —
Волков засмеялся. —

Впрочем, теперь это законная любовь Я вам еще не
представился. Я уже не в

сельхозуправлении. Начальник областного управления
совхозов!

— Давно?

— Обком играет человеком. Сегодня здесь, а завтра
там.

Но Волков, кажется, не огорчен перемещением.

— Серьезно?

— Сочли за благо передвинуть. Я не возражал.
Поспокойнее.

— Значит, теперь возьметесь за Давыдовский
совхоз?

— Обязательно!

Волков сказал, что он всерьез решил заняться
Давыдовом. Все осмотреть.

Выяснить. Подбросить что нужно. Вытянуть.

— А не пора ли поменять там директора?

Волков замахал руками:

— Рано, рано! Все в свое время...

Волков повез Анну на своей машине. Держался он
с ней по — приятельски,

шутил, расспрашивал о районе, интересовался, как
идет ее личная жизнь. Все

время подчеркивал, что они с Анной старые

знакомые. Рассказывал Анне о
последних новинках. Он был опытный агроном и
следил за развитием
агротехники. Анна слушала с интересом. Как-то к
слову вспомнил Петухова и
сделал это зря — сравнения с Петуховым он не
выдерживал. Был сильнее,
образованнее, возможно даже способнее, но было в
Петухове что-то такое
значительное, чего вовсе не было в Волкове.

Ехали они полями. Редко когда попадался лесок. Все
поля и поля. Сперва
колхозные, потом поля совхоза. Колосились хлеба,
покачивался на ветру лен,
топорщились метелки проса. Анна знала, кажется,
каждое поле, она ведь от
весны до весны и дневала и ночевала среди этих полей.
Любит ли она деревню,
спрашивал ее Петухов. Тогда она не поняла вопроса.
Теперь это была она сама,
ее жизнь...

В Давыдовском совхозе Волков все облазил, все
осмотрел, всюду совал
нос. Замечания его отличались практичностью,
знанием дела. Вот был бы он
здесь директором, подумала Анна, он сумел бы
превратить совхоз в золотое
дно. Апухтина Волков замучил вопросами, тот
умаялся, пот градом катил с
медлительного директора. Апухтин со всем
соглашался, все признавал. "Так
сними его, сними, не поднимет Апухтин совхоз, не
сможет", — думала Анна.

Но именно в этом и заключался камень
преткновения. Все было правильно у
Волкова, только не в отношении Апухтина, снять его
Волков не соглашался.

Обещал дать тракторов, машин, пообещал
выделить два дефицитных
кукурузосборочных комбайна, посулил достать

какой — то особенной
высокоурожайной кукурузы на семена, сказал, что
дополнительно отгрузит
строительные материалы. Но Апухтина трогать не хотел.
А при таком директоре,
как Апухтин, все в прорву...

Волков уехал, однако ничего не забыл. В совхоз
пришли и машины, и
комбайны, отгружены были и лес, и кирпич, и стекло...

Анна недоумевала — почему Давыдовскому
совхозу такое счастье? Все
сыпалось для него, как из рога изобилия, при такой
щедрости даже Апухтин не
мог не идти в середняках.

— Что за доброта? — подивилась как — то Анна в
разговоре с Тарабриным. —

Кому —нибудь Волков, может, и отчим, но для Давыдова
— отец родной!

— А вам — то что? — одернул ее Тарабрин. — В
район ведь, а не из района.

Спасибо говорить надо. Если бы не Волков, нам с
вами еще как пришлось бы

отдуваться за этот совхоз. А с его помощью кряхтим, да
справляемся.

XLII

С Алексеем становилось все труднее. Он давно не
приносил в дом ни
копейки да еще у Анны просил. Возвращался не поздно,
но почти всегда пьяным.

Раза два его приводили милиционеры. Анна искренне
удивлялась, как может он
что — то делать на маслозаводе.

Анна сходила в районную больницу, для Алексея
достали путевку на
специальное лечение, отправили с медсестрой в

Пронск. Он охотно согласился
лечиться. "Надо с этим кончать..."

А дня через три позвонил из Пронска. Из
гостиницы. Пропил все деньги,
пальто, не на что вернуться. Анна попросила
Тарабрина послать в Пронск
машину. Шоферу поручили расплатиться в гостинице и
привезти Алексея домой.

Он молча выслушал упреки, опять дал слово
исправиться, утром ушел на
работу, а вечером Анна нашла его под окнами, не
смог даже подняться на
крыльцо.

Но Анне было не до мужа, в районе началась
уборка.

Однажды он заявил:

— Все равно буду пить. До тех пор, пока не уйдешь
из райкома.

Это было что-то новое. Так еще он не
высказывался.

Он повторил:

— Уходи из райкома, и будем нормально жить. Надо
мной смеются. Говорят,
я у тебя под башмаком.

— С кем ты пьешь? — как можно мягче спросила
Анна, все еще пытаюсь
найти какой-то выход, что-то наладить.

— Это тебя не касается!

Анна обратилась в милицию. Попросила выяснить, с
кем пьет Бахрушин. Это

было нетрудно установить. В таком городке, как
Сурож, все на виду. Два
дружка из райпотребсоюза. Шофер райисполкома.
Один рыболов, старик, из тех,
что ничего не делают.

Анна позвонила Жукову.

— Семен Евграфович, мой супруг больно
крепко с вашим шофером

подружился, нельзя ли их развести?

— Как же я могу вмешаться, Анна Андреевна? —

нерешительно высказался

Жуков. — На работе шофер пьяным не бывает, лишнего не закладывает, это уж его воля, как проводить свободное время...

А Бахрушин все настойчивей и настойчивей, с пьяным упорством приставал к жене:

— Лучше тебе уйти. Ну какой из тебя партработник? Иди обратно в агрономы...

Похоже, кто — то вбивал ему в голову эту мысль.

Анна посоветовалась с Тарабриным.

— Иван Степанович, что же это такое? Никакого достоинства. Ведь мы исключаем за такое из партии. Поверьте, я бы не дрогнула, проголосовала исключить...

— Нет, Анна Андреевна, неудобно, — подумав, сказал Тарабрин. — Тень на вас упадет. А в конечном счете и на райком. Воспитывайте.

И все — таки дольше так продолжаться не могло. На кого бы тень ни легла, но ни люди ей не простят, ни собственная совесть.

Вон он опять лежит перед ней пьяный, потерявший человеческий облик, отец ее детей.

А ей сейчас не до него. Шесть часов. В шесть бюро. Она не имеет права опаздывать. Да и не хочет.

Она выходит из комнаты.

— Мама! — говорит она свекрови. — Присмотрите за Алексеем. Не пускайте его никуда.

Анна налила целую пригоршню одеколона, надушила руки, лицо, платье, чтоб отбить отвратительный кислый запах.

Свекровь что — то проворчала.

— Вы что, мама?

— Муж мертвый валяется, а жена по собраниям...

— Но я же не могу, мама. Не могу! Вы поймите...

Старуха ничего больше не сказала. Анна чувствовала, как осуждает ее

свекровь, она это чувствовала. Старуха только боялась: начни она говорить,

невестка прогонит ее, и Анна действительно иногда думала — начни свекровь

браниться, она прогонит ее, хватит с нее одного Алексея.

В райкоме все уже собрались. Сидели за столом, выжидательно поглядывая

на Тарабрина.

— Вот и Анна Андреевна, — приветливо сказал он.

— Ждем.

Анна прошла к столу, села на свое обычное место, поправила волосы,

смущенно улыбнулась.

— Кажется, я не очень...

— Нет, нет, я шучу, — сказал Тарабрин. — Начнем.

Это было обычное рабочее бюро. Тут хватало вопросов больших и

маленьких, серьезных и несерьезных, но для кого — то важных и, может быть,

даже очень важных, потому что от того или иного решения зависела если не

жизнь, то, уж во всяком случае, течение чьей — то жизни.

Подошел последний вопрос. За счет отчислений от сверхплановых прибылей,

накопленных коммунальными предприятиями города, предлагалось приобрести для

пионерского лагеря катер. Об этом катере давно уже мечтали ребята всего

города. В Пронске на водной станции "Динамо" продавался катер по сходной

цене...

Разобрались и с этим вопросом.

— Ну, вот и все, — облегченно сказал Тарабрин. — Можно и по домам.

— Одну минуту, — сказала Анна. — Хочу

посоветоваться, товарищи...

Она поднялась со стула.

Вот они — Тарабрин, Жуков, Щетинин, Ванюшин, Добровольский... Разные

люди, разные характеры... Кто они ей? Друзья? Во всяком случае, товарищи по работе. У каждого свои недостатки. Но в общем неплохие люди. Преданы делу...

Анна опустила глаза. Совестно все — так говорить.

— Я хочу посоветоваться, товарищи. Конечно, это личное дело. Но поскольку я секретарь райкома... Я думаю, мне следует посоветоваться...

Конечно, она обязана посоветоваться. Ее репутация — это в какой — то степени и репутация райкома.

— Дальше так продолжаться не может. Вы знаете Бахрушина. Я имею в виду своего мужа. Не могу я больше с ним жить.

Анне хотелось заплакать, но она сдержала себя, неуместно это на заседании бюро.

— Куда это годится? Каждый день пьян. То сам еле — еле доберется, а то и приносят. Милиция даже доставляла. Разговоры идут...

— Хорошо, Анна Андреевна, короче, — перебил Тарабрин. — Мы искренне сочувствуем. Хотите, я сам с ним поговорю.

Он действительно смотрел на Анну с сочувствием.

— А что толку? — резко возразила она. — Разве мало с ним говорили! Не

будь он моим мужем, его давно бы исключили из партии. Детям горе, мне мука,

и даже вам позор. Нет, Иван Степанович, это не выход. Ни мне, ни вам. Я

разойдусь с ним... — наконец она решилась это произнести. — Но поскольку я в

какой — то степени... в какой — то степени лицо официальное, я решила спросить...

— Анна Андреевна права... — Жуков задумчиво посмотрел на Гончарову. —

Разговор о Бахрушине давно идет...

— Пусть разводится, — сказал Добровольский. — Я лично не возражаю.

— Я не могу, не могу больше, товарищи, — добавила Анна, продолжая стоять и держаться за спинку стула. — Всякому терпению приходит конец. Он и

детей не дает воспитывать, и на других глядеть стыдно...

Наступило молчание. Как — то сразу. Неловкое молчание, когда слышно только дыхание людей.

Анна села, сейчас ей ни на кого не хотелось смотреть.

— Ну что? — спросил Жуков. — Разрешим Анне Андреевне развестись?

— Погоди, погоди, — Тарабрин задумчиво покачал головой. — Не так это просто...

Он вышел из — за стола, не спеша прошелся вдоль кабинета.

— Позвольте мне, — сказал Тарабрин, медленно прохаживаясь по кабинету.

— Я очень ценю, что Анна Андреевна обратилась к нам с этим вопросом. Наши с

вами, товарищи, семейные отношения — это не только личные наши дела. Все мы

здесь на виду, о всех нас идет та или иная слава, и в общей сложности это и

составляет репутацию райкома, репутацию руководства. Я очень уважаю Анну

Андреевну, и все в районе ее уважают, но сегодня она меня расстроила. Не

вижу ни обычной ее принципиальности, ни настойчивости...

Он спокойно расхаживал по кабинету и не спеша произносил одну

аккуратную фразу за другой.

— Вот Анна Андреевна обмолвилась о

воспитании детей. А что за
воспитание без отца? Без отца уже не семья...

Он подошел к книжному шкафу, за стеклами
которого тускло лоснились
вишневые корешки книг.

— Не хочу заниматься отсебятиной, но я вправе
посоветовать Анне

Андреевне обратиться к высказываниям Владимира
Ильича. Вот хотя бы... Взять

хотя бы переписку Владимира Ильича с Инессой
Арманд. Ленин ясно говорит о

семье. О своем отношении к семейному вопросу. Я
согласен, Анне Андреевне не

повезло. Но почему она ничего не предпримет для того,
чтобы превратить свою

семью в ячейку коммунистического общества? Детей
надо воспитывать... Ну, а

мужа? У нас пишут о женском равноправии, о
раскрепощении женщины. В данных

обстоятельствах слабейшая сторона — Бахрушин. Уже
вследствие общественного

положения Анны Андреевны он, так сказать,
находится под сапогом у жены.

Почему же она его не воспитывает? Пусть она
проявит добрую волю,

педагогические способности, партийный такт.
Значит, других воспитывать

можно, а на собственного мужа не хватает ни
способностей, ни усилий?

Представьте, что Анна Андреевна разойдется. Ведь
деться некуда будет от

пересудов. Всех, мол, воспитываете, а
собственного мужа не смогли
воспитать...

Говорил он вдумчиво, убежденно и — Анна не
сомневалась в этом —

действительно искал наилучшее решение.

Но вот он говорит, говорит, а его слова бегут
мимо Анны, как мутный

ручеек в придорожной канавке. Человек начитанный,

образованный, советы дает

правильные, но все это мимо, мимо... Ленина цитирует к месту, но почему он

всегда как-то удивительно одинаков. Одинаково советует — и как кукурузу

сеять, и какую картину купить в Дом культуры, и как правильно класть

кирпичи, и как не расходиться со спившимся мужем...

Тарабрин кончил, сел за стол, положил перед собой руки и даже

улыбнулся.

— Кто-нибудь хочет? — спросил он, точно заседание еще продолжалось.

— Оно конечно... — неопределенно протянул Жуков. — Что ж тут еще

скажешь...

Тарабрин одобрительно кивнул.

— Я рад, что мы вынесли этот вопрос на бюро, — веско сказал он. —

Вопрос не простой, подумать стоило, и, думаю, не ошибусь, если выскажу общее

мнение. — Он посмотрел на Анну даже с некоторой строгостью. — Воспитывать

надо, Анна Андреевна, даже близких людей, а не отмахиваться от сложностей.

Бахрушин коммунист, и кому же его воспитывать, как не секретарю райкома.

Тут он опять улыбнулся, на этот раз весьма дружественно, улыбнулся и

Анне, потому что в общем относился к ней неплохо, и собственной шутке,

которая содержала в себе вполне здравый смысл.

— Как, Анна Андреевна?

Анна утомленно кивнула в ответ:

— Я понимаю, Иван Степанович. Хорошо, постараюсь.

Она пошла к выходу, и Тарабрин еле уловимым движением дал остальным

понять, что провожать Гончарову не нужно, пусть, мол, по дороге домой

соберется с мыслями.

Но Анна и в самом деле была довольна, что никто не пошел ее проводить, ей и впрямь хотелось поразмыслить о муже, о Тарабрине, о себе.

Равнодушный человек, подумала она о Тарабрине. Правильный, но равнодушный. Напрасно затеяла разговор. Теперь нельзя не посчитаться с

Тарабриным. А ему — что? Чужую беду руками разведу.

И вдруг она, может быть, впервые, усомнилась в его партийных качествах.

Если он безучастен к ней, как же он с другими? Если чужое горе не становится его горем, какой же он коммунист?..

Она дошла до дому. Было не так чтобы очень поздно. В комнатах горел свет. Дети спали. Свекровь бормотала что-то за печкой. Алексей сидел за

столом, устремив тяжелый взгляд прямо перед собой.

Он медленно перевел взгляд на жену.

— Пришла?

Анна не ответила.

— Не желаешь? — спросил он с вызовом.

Анна села напротив.

— Долго это будет продолжаться? В конце концов тебя, дурака, из партии

исключат, — сказала она почти беззлобно.

Алексей помолчал, подумал, потом заявил:

— Не посмеют.

Он вытянул руку в сторону кухни.

— Эта гримза... — Он никак не мог подыскать слов, но Анна поняла, что

говорит он о матери. — Двадцать раз посылал. В погреб... Отказывается! —

пожаловался он. — Аня, ты меня уважаешь? Принеси капустного рассолу. До того жжет...

Он уже не кричал — просил, в его голосе звучала

настоящая жалоба.

Анна усмехнулась, взяла электрический фонарик, стеклянную банку, вышла во двор, спустилась в погреб, зачерпнула из бочки рассолу, вернулась в дом.

— На, — сказала она, ставя банку на стол. — Пей, Алеша. Опохмеляйся.

Перевоспитывайся.

XLIII

Зима прошла сравнительно спокойно. Районная конференция изменений не принесла, все остались на своих местах. Тарабрин проводил совещания. Анна ездила по колхозам. Алексей пил.

Оживление пришло с весной. На этот раз руководство посевной кампанией

Тарабрин взял в свои руки. Тарабрин считал, что в прошлом году Гончарова почти что обманула его. Отменила уполномоченных, не собрала для накачки председателей, очутилась в плену у полеводов.

На этот раз были восстановлены все старые институты, назначены уполномоченные, вызваны на совещание председатели колхозов...

Тарабрин сделал доклад. Повторил передовую "Правды". Не буквально, конечно. Называл и колхозы, и совхозы, оперировал местными сводками, обрушивался на отдельных работников. Говорил долго, подробно, был искренне уверен, что зажигает народ.

Разумеется, он предоставил слово и председателям.

— Давайте и вас послушаем...

Но каждое выступление вводил в схему. План.

Погектарный план. Культуры.

Готовность. Техника. Семена. Люди. Все в процентах...

Анна чувствовала себя больше зрителем, чем участником совещания.

Тарабрин не очень охотно давал ей слово. По его мнению, вопросы Гончаровой

уводили людей в сторону. Он не мог не признавать, что она знает район. Она

много времени проводит в колхозах, бывает на полях. Появляясь в колхозах, не

забывает, что она агроном. В райкоме работает с увлечением, однако вкус к

своей прежней профессии у нее не пропал. И все — таки, по мнению Тарабрина,

Анна излишне интересовалась частностями, а он всегда стремился воссоздать

общую картину.

Анна с интересом наблюдала за людьми. Как сильно отличалось все, что

происходило сегодня, от прошлогоднего совещания! Тарабрин правильно ее тогда

обвинял. Она действительно устроила что — то вроде агрономического семинара. А

сейчас произносились политические речи... Тарабрин хорошо помнил, что

политика есть концентрированное выражение экономики. Вот и требовал от людей

соответствующих деклараций.

Но Анне казалось, что люди скучают. Может быть, Тарабрин прав, упрекая

ее в деляческом подходе, но безыскусственные споры — какая пшеница лучше —

нравились ей больше, чем хвастливые обязательства собрать большой урожай. Во

всяком случае, прошлой осенью во многих колхозах собрали приличный урожай,

хотя не все брали повышенные обязательства. Никто ведь себе не враг!

Рядом с Анной сидел Жуков. Лицо у него было скучающе — официальное. В

прошлом году он тоже пришел на совещание скучать, а потом оживился, вмешался

в общий спор. Сегодня он может не беспокоиться.

Поспелов сидел с благодушным видом. Он готовился выступать, как и все.

Анна нет — нет да и взглядывала — и на него, и на всех других, кто с ним

приехал. Рассветовцы для нее были чуть ли не родственниками. Она глядела и

думала: неужто и рассветовцы отделаются общими фразами?

Очередь дошла до Поспелова. Василий Кузьмич не спеша поднялся на

трибуну. Пригладил волосы. Посмотрел на Тарабрина. Сказал несколько гладких

общих фраз...

И тут Анна заметила, как заерзал на своем стуле Челушкин. Он не сводил

взгляда с Поспелова. Тот взглянул наконец на Челушкина. Челушкин торопливо

кивнул. Еще раз кивнул. Кажется, они поняли друг друга.

И Василий Кузьмич как в воду бросился:

— Мы хотим отказаться от клеверов... Чивой — то с клеверами не тае...

Это уже начинался балаган. Обычный спасительный балаган. Поспелов мог

выражаться грамотно, а если начинал коверкать язык, значит, уходил под

прикрытие, пытался заслониться мнимым невежеством. Уж Анна — то знала, как

хитрит Василий Кузьмич!

— А как по плану, товарищ Поспелов? — Тарабрин сразу насторожился. —

Как у вас клевер в севообороте?

— Значится, — уныло промолвил Поспелов. — Только с ним у нас чего — то не того...

— Чего не того?

— Молоденький, жалко косить, а в передержке

тоже не оправдывает...

— И что же вы предлагаете?

Челушкин не сводил взгляда с Василия Кузьмича. Поспелов потоптался на

трибуне. Он не поднял руки, но Анна чувствовала, как мысленно он скребет

пятерней затылок. Поспелов боялся Тарабрина, не осмеливался идти ему

поперек, а нарушить план севооборота — это и значило идти поперек. С другой

стороны, Поспелов не мог нарушить уговор с Челушкиным, это настроило бы

против него всю молодежь и в Мазилове и в Кузовлеве.

— Мы его... решили отказаться. От клевера. Сеять овес. Вико — овсяную

смесь. Только она полягает. Так чтобы не полягала... овса поболее, а вики

помене. В общем, на три пуда овса пуд вики. Так не полягает. Белок!

Все это Поспелов высказал на одном дыхании, чтобы сразу отрезать...

Но Тарабрина трудно сбить. Он понял, что Поспелов уводит совещание в сторону.

— Какой там еще белок? — строго спросил он. — Кто это позволит вам ломать план севооборота?

Поспелов повернулся в сторону президиума, посмотрел на Анну, — она поняла его взгляд: в случае чего — поддержи!

Однако Тарабрин торопил его с ответом, и больше уже не было смысла играть в невежество.

— У нас высчитывали в агрокружке, — насупившись, заявил Поспелов. —

Вику с овсом в неправильной пропорции сеяли, вот вика и валит овес, никакой

машиной не убрать. А ежели наоборот, овес вику держит, убирать легче, и урожай больше...

Точно выразился, не стал коверкать даже такое слово, как "пропорция".

Разговор начинался серьезный, было уже не до шуток.

Тарабрин нахмурился.

— Кто же это у вас так решил?

И ведь он не против новшеств, он человек разумный, но надо же спросить,

увязать, согласовать. Все должны понимать, что без няньки никуда, а нянька —

аппарат, райком, райисполком, райсельхозинспекция.

Поспелов отрубил, сказал правду:

— Комсомольские звенья.

Тарабрин поднял брови.

— Даже не правление?

Поспелов заторопился, полез в карман, достал записку, загодя

составленные для него "тезисы".

— Вика, Иван Степанович, с помощью обитающих на ее корнях

а — зо — то — фик — си — ру — ю — щих бактерий усваивает из воздуха азот, накапливает в

почве и подкармливает овес...

Это он уже не сказал, прочел, это был его самый веский научный

аргумент.

Но что же будет, если каждый колхоз начнет ломать план севооборота? Что

даст район в конце года в государственные закрома? Ослабь вожжи — и тебя

захлестнет стихия...

Тарабрин встал.

— Довольно, Василий Кузьмич...

Поспелов предупредительно улыбнулся.

— Чего довольно?

— Пусть говорит, — шепнула Анна Тарабрину.

Тарабрин сделал вид, что не слышит. В этой самодеятельности повинна и

Гончарова, ее послабляющее влияние.

— Довольно дезориентировать людей. Здесь не агрокружок, а ответственное

совещание. Никто не позволит нарушать план севооборота...

Он согнал Пospelова с трибуны. Пospelов так это и понял и пошел вниз.

Он был обучен не спорить с Тарабриным. Но неожиданно поднял руку и даже приподнялся со стула Челушкин.

— Дайте ему!..

— А чего, правда...

Это покрикивали уже другие.

— Пусть расскажет, как это овес с викой!

— Это надо продумать, — веско сказал Тарабрин.

— А мы здесь и продумаем!

Всходили семена, посеянные Гончаровой!

Тарабрин поднял руку.

— Товарищи, я вам объясню. Возьмем план севооборота. Ведь для чего — то план существует...

Он произнесет сейчас речь и поставит все на свое место. Еще минута, другая, и все войдет в обычную колею.

— А вы и нам дайте поговорить! — зло, даже ожесточенно крикнул

Дормидонтов, председатель "Зари". — А то все слушай да слушай...

Приходилось, видимо, подчиниться собранию.

— Продолжайте, Пospelов...

Пospelову не хотелось возвращаться на трибуну. Но — пришлось. Однако нового он уже не сказал ничего. Просто изложил содержание брошюры, прельстившей мазиловских комсомольцев, чей почин рьяно поддержал Челушкин.

Вслед за Пospelовым попросил слова Дормидонтов. Это был несильный председатель несильного колхоза. Но о колхозе он даже не заикнулся. Он

обрушился на райсельхозинспекцию, на райисполком, а косвенно, значит, и на райком. Он сказал, что план севооборота по району

— искусственный план,
надуманый, канцелярский. Сказал, что "Заря" никогда
не поднимется на ноги,
если все время кто-то будет за нее думать и решать.
Позвольте сеять то, что
нам самим нужно. Напоремся, нам же лапу сосать...

— Ну, хватит! — сказал после него Тарабрин. —
Этак у нас действительно
получится художественная самодеятельность.
Планирование важнейшая часть
экономической политики партии. Оно
предусматривает планомерное развитие
всего хозяйства...

Он сказал все-таки все, что хотел сказать. От
общих положений перешел к
частностям, сказал, что все замечания будут учтены,
но план весеннего сева
ломать он не позволит.

В его голосе все время что-то звенело, он не
кричал, кричать он
позволял себе только в кабинете и большей частью с
глазу на глаз, но его
предупреждающие интонации запоминались.

— Не переоценивайте себя, — произнес он с
некоторой иронией и вместе с
тем с явной угрозой. — Я бы никому не советовал
утратить доверие райкома...

Анна тронула Тарабрина за пиджак. До чего же
он любит угрожать!

Тарабрин повел локтем, незаметно отстранил Анну.

— Так что учтите...

Он объявил перерыв. Надо было дать людям
пообедать. Тарелка борща и
бутылка пива иногда улучшают настроение.

Сам он пошел к себе в кабинет, позвал Анну.

— Анна Андреевна, хочу поговорить с вами...

Он попросил ее выступить. К голосу Анны
прислушивались. Тем более что
она агроном. Тарабрин хотел, чтобы Анна
выступила в поддержку плана.

Агрономически, так сказать, обосновала необходимость...

Анна обязана была поддержать Тарабрина. Но она не могла и предать

Челушкина.

— А если я попробую рассмотреть агрономические рекомендации с некоторой перспективой...

Но ей так и не дали дотолковать с Тарабриным. В кабинет вошло несколько

председателей колхозов, Пospelов замыкал шествие.

— Ну что, пообедали, товарищи? — добродушно осведомился Тарабрин. — Еще часика два — и по домам.

— Вот что, Иван Степанович, — решительно сказал вдруг Дормидонтов, —

хотим писать в обком. Не можем мы больше работать с вами. Трудно и нам и вам...

Тарабрин побледнел.

— То есть как?

— Хотим писать, — сказал Дормидонтов. — Душно.

Пospelов стоял багровый, смущенный, из всех присутствовавших ему,

кажется, больше всех было не по себе.

— Подождите, что это за заявление? — спросила Анна.

Ей вдруг стало обидно за Тарабрина. Уж кому бы грозить, но не

Дормидонтову. Во всем этом разговоре было что-то непартийное, она готова

была возмутиться.

— А может, не писать? — мягко возразил Тарабрин. — Поговорим на бюро.

Соберем всех на бюро и обменяемся...

— Правильно, — сказал с облегчением Пospelов.

— Можно и на бюро, — мрачно согласился Дормидонтов. — Но надо как-то

менять...

Он не сказал, что менять, и Анна не поняла,

что он под этим
подразумевает, она только с облегчением
почувствовала: люди высказались, у
них прорвался протест против постоянных окриков
Тарабрина, и теперь они
успокаиваются.

— Пойдемте, — сказал Тарабрин. — Пока что будем
закругляться.

Он спокойно открыл совещание, предоставил слово
очередному оратору, и

вдруг Анна заметила, что он опять побледнел.

— Вы не расстраивайтесь, — тихо ответил
он. — Мне что-то
нездоровится...

Он посидел еще минут пять. Ему, кажется,
действительно нехорошо.

— Вот что, — вдруг сказал он, поднимаясь, с
росинками пота на лбу. — Я

пойду, Анна Андреевна. У меня, кажется,
температура. Кончайте без меня,
только не давайте тут очень распространяться.

XLIV

Анна скомкала совещание. Может быть, в
присутствии Тарабрина она

позволила бы себе с ним поспорить, но теперь она не
могла его не поддержать,

как — никак прежде всего он выражал линию райкома,
он был первым секретарем...

— Все — таки не очень мудрите, —
напутствовала она руководителей

колхозов. — Если что надумаете, посоветуйтесь в
сельхозинспекции.

В общем, получилось какое — то не доведенное до
конца совещание.

Даже выступая с заключительным словом, она

мысленно все время

возвращалась к Тарабрину. Как странно сегодня все получилось. Перестали

понимать друг друга. Тарабрин — людей или люди — Тарабрина? Молчали,

молчали... Что — что, а молчать все умели. Вернее, не высказывать своего

недовольства. Своих подлинных мыслей. А тут вдруг прорвало. Все — таки нельзя

бесконечно подогревать воду в закрытой кастрюльке. Рано или поздно сорвет

крышку. Не Дормидонтов, так кто — нибудь другой бы сказал. Даже Пospelов и

тот... Выходит, что Челушкин для него теперь сильнее Тарабрина.

Утром Анна собралась было позвонить Тарабрину, как к ней позвонили от

него.

— Иван Степанович просит зайти...

Она сразу пошла. Тарабрин жил недалеко от райкома. В конце узкой

улучки, на взгорье, занимал отдельный особняк, построенный еще для его

предшественника.

Дома у Тарабрина Анна была всего два или три раза, в гости друг к другу

они не ходили, дружбы между ними не возникло.

Дверь открыла жена Тарабрина.

— Проходите, ждет, — встревоженно сказала она. — Сейчас придет врач.

Тарабрин лежал в постели, был он еще бледнее, чем вчера.

— Кажется, заболел, — сказал он глухим голосом.

— Как закончили, Анна

Андреевна?

— Нормально. Я предупредила всех. Как вы и говорили.

— Ох, Анна Андреевна, не проворонить бы нам сев, — почти простонал

Тарабрин. — Не хочется отставать от других.

Их беседу прервал врач. Анна вышла, пока он осматривал Тарабрина.

— Разве так можно? — громко заговорил врач, выйдя из комнаты после осмотра больного. — Острый аппендицит и... грелка! Беспечность...

Он вздохнул и объявил и жене Тарабрина и Анне:

— Операцию. И чем быстрее, тем лучше... Решайте, в Пронск или у нас.

Если в Пронск, везите сейчас же...

Вероятно, врачу не очень хотелось брать на себя ответственность.

— В Пронск, в Пронск, — категорически сказал Тарабрин. — Здесь я буду вмешиваться в дела, не дам никому покоя.

Отправку организовали молниеносно. Позвонили в Пронск, в обком, в городскую больницу. Вместе с Тарабриным ехали врач и жена.

Тарабрин хоть и охал, но держался спокойно, даже бодро.

— Прощайте, Анна Андреевна... — Он пожал ей руку. — Не запускайте район. Сев, сев... Свяжитесь с обкомом. Советуйтесь, помогут. Докладывайте.

Не забывайте о сводках. Разошлите уполномоченных. Пусть нажимают. Звоните в обком почаще...

Неспокойно было Анне, что уезжает Тарабрин...

Страшно подумать! Теперь сев на ее плечах... Теперь она отвечает за район! Надо позвонить в обком, сказать, что Тарабрин заболел. Тарабрин советовал почаще звонить в обком. До чего же он любил прикрываться обкомом!

До самого последнего момента. И не вспомнил ни о ком в районе...

Она пришла в райком, попросила Клашу соединить ее с Пронском. Не осмелилась вызвать Кострова, побаивалась его так же,

как Пospelов Тарабрина.

Попросила соединить ее с Косяченко. Со вторым секретарем всегда почему — то легче разговаривать, чем с первым.

— Георгий Денисович, мы отправили Тарабрина, — сказала она. — Как поступать дальше?

— Чего как поступать? — весело отозвался Косяченко. — Сеять!

— Но ведь Тарабрин, должно быть, надолго выбыл, — неуверенно произнесла Анна.

— А вы на что? — все так же весело произнес Косяченко. — Справитесь.

— Трудно, — сказала Анна. — Район большой...

— Справитесь, — уверенно повторил Косяченко. — Будет трудно, звоните, в обиду вас не дадим!

XLV

Вот она и осталась одна. Одна и не одна. Рядом Щетинин, Жуков, Добровольский, Ванюшин. Существует коллективная ответственность. И все — таки большое бремя легло на ее плечи.

На нее обрушилось множество дел. Она и при Тарабрине решала много вопросов. Решала иногда и за себя, и за Тарабрина. Но почему — то теперь все дела предстали перед ней в ином качестве. Что же изменилось? Мера ответственности.

Прошло несколько дней, и она почувствовала: дела захлестнули ее. Все в ней нуждались. Все требовало согласования с ней, ее одобрения, ее решения. К

ней шли со строительством школы, с критической
статьей в газете, с планом
севооборота, со снабжением детских яслей.
Затоваривание книг.
Молокопоставки. Квартиры. Пьяницы. Семена.
Тротуары...

Она советовала, предлагала, решала. Могла ответить
на тысячу вопросов,
и все — таки находился тысяча первый, на который
она ответить не успевала.

Если другие не будут делить с ней ответственности,
думала она, ей с районом
не справиться. Ни ей, ни Щетинину, ни Жукову...

Взаимодействие людей, организация этого
взаимодействия — вот что должно
составлять суть деятельности работников партии.

Необходимо доверять, но важно и уметь
определить, на кого можно
опереться...

А опереться можно далеко не на всех!

Взять хотя бы тот же план севооборота. Богаткин
честно расписывал все

из года в год. Он хороший человек, Александр
Петрович, но сколько же можно

сидеть в канцелярии... Он получал установки из
области, получал планы

колхозов, сводил все в общий порайонный план, и...
Почему — то это устраивало

Тарабрина. Каждый год одно и то же по
заведенному шаблону. Никаких

преобразований. Все очень добросовестно, но блинов из
одной добросовестности

не напечешь.

Сколько Богаткину лет? Она попросила Клашу
навести справку. Батюшки,

шестьдесят четвертый!

Анна была не против того, чтобы и в шестьдесят
четыре человек работал

на полную катушку, но если все нитки смотаны и
осталась лишь болванка...

Поспелов тоже спокоен до безразличия. Раньше он был живее, хотя всегда отличался излишней покладистостью с начальством. Куда прикажут, туда и везет. Никогда не поперечит Богаткину.

Апухтин. Пыхтит, а что толку? Запущен совхоз. При том внимании, какое оказывается совхозу, давно бы можно выйти вперед...

Время требовало от людей размаха, знаний, движения. Не все выдерживали взятый темп. Кое — кто отставал. Этих людей почему — то терпели, хотя отстающий человек не может двигать вперед дело...

Людей надо менять. Точнее, не людей, а руководителей. Приходит такое время, когда некоторые руководители перестают, как говорится, соответствовать возрастающим задачам. Смена кадров — это неизбежность.

Надо найти в себе мужество произвести эту смену. Но решиться на это очень трудно. Кроме всего прочего, Анна не знала, сколько времени пробудет она на посту первого секретаря. Месяц, два, три... Может быть, лучше подождать до конференции. Новый секретарь пусть и подбирает людей.

Нет, неправильно! Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Если ты убеждена, что для дела полезно сменить Богаткина, зачем проявлять нерешительность? Если ты уверена в себе, разве это по — партийному, ждать...

Трудно решиться, многие ей чем — то даже милы, она их давно знает, они хорошо относились к Анне...

Но не могла она сбиваться с шага и сбивать с шага других из — за того, что кто — то устал...

С Богаткиным разговор закончился сравнительно легко. Анна пригласила его в райком, он пришел со всеми сводками, с какими — то инструкциями, весь внимание, весь готовность...

Анна посмотрела в его добрые, голубые глаза, и ей стало не по себе.

Она усадила его на диван, села рядом. Так хотелось сказать ему что —нибудь доброе.

— Александр Петрович, вы не устали? — спросила она.

— Нет, — ответил Богаткин удивленно, в райкоме редко задавались такие вопросы. — Время сейчас не отчетное, отсыпаюсь...

— Вы меня не поняли, Александр Петрович, — призналась Анна. — Я спрашиваю не о сегодняшнем дне. Я имею в виду... — Она чуть смешалась. — Вы не собираетесь на пенсию?

Богаткин вскинул на Анну глаза...

Они здорово потускнели. Выцвели. Совсем старенький. На щеках морщины, и волосы в морщинах не пробиваются. Полтора десятка лет знакома с ним Анна.

Милый человек. Когда она сидела за канцелярским столом, он казался ей неплохим работником. Вместе составляли отчеты. Но что сделал он для колхозов, для района?

Поймет он ее или не поймет?

— Нежелательно, Анна Андреевна. Я старый агроном Знаю район. До каждой мелочишки.

Конечно, знает. А что с того?

— А мне думается, пора и отдохнуть.

Богаткин обиженно заморгал.

— Чем я не угодил вам, Анна Андреевна? Я всегда к вам относился...

— Не могло быть лучше, Александр Петрович, —

согласилась Анна. — Но

ведь годы идут...

— Стар?

— Да.

— Кого же имеете в виду?

— Филиппова из "Ленинского пути".

— Мальчишка.

— Вот и будем с него требовать.

— А с меня нельзя?..

Неожиданно Богаткин махнул рукой. Как — то вяло, безнадежно.

— Ваша воля...

Этим ответом он бесповоротно уронил себя в глазах Анны. Вялый человек.

Даже постоять за себя не хочет.

— Это не моя воля, это в интересах дела, Александр Петрович. Я помню

все доброе, помню ваше отношение. Но ведь работаем мы с вами не для себя.

Будем откровенны. Вам не угнаться за Филипповым...

— В конце концов, я тоже могу читать лекции, — обиженно произнес

Богаткин.

— Вот и читайте, — охотно согласилась Анна. — Читайте в Доме культуры.

Мы постараемся устроить вам хорошую пенсию. Но спрос с вас будет другой, и нам легче...

Конечно, он обижен. Анне жалко Богаткина. Но теперь уже невозможно быть

агрономом за письменным столом. Агроном, который сам не умеет выращивать

хлеб, не может руководить районом...

Труднее с Пospelовым.

С Василием Кузьмичем Анну связывали годы совместной борьбы за подъем

колхоза. Анна знала: Пospelов слишком покладист, легко мирится с

недостатками, любит угождать начальству, но хозяин он в свое время был

крепкий. Чего не отнять, того не отнять. С Анной он иногда спорил, чаще подчинялся, но все это были споры в одной семье, их жизнь, их благосостояние росли на одном поле.

Анна сама позвонила в "Рассвет".

— Василий Кузьмич, вы не выберетесь в город?

Поспелов появился важный, довольный, как — никак делами в районе заправлял теперь свой, мазиловский, рассветовский, можно сказать, выдвиженец. Отсвет райкомовского авторитета падал и на колхоз, все — таки это они воспитали Гончарову, из их колхоза, а не из какого —нибудь другого выдвинули человека в секретари.

Поспелов приехал довольный, даже слишком довольный, какой — то неуязвимый. Поэтому — то его и надо было освобождать. Все от него отскакивает, как горох от стенки, а руководители теперь нужны беспокойные, которым каждая неудача приносит боль...

— Как ребята, Василий Кузьмич, как семья?

Такое начало не предвещало в разговоре ни облачка. Или что — то нужно от колхоза, или Анна Андреевна затевает какое —нибудь новшество, у нее до сих пор сохранилась такая юношеская запальчивость в работе. Но Василий Кузьмич заранее решил не сдаваться, Анну Андреевну он уважает, но пора постоять за спокойную жизнь.

— Василий Кузьмич, а ведь "Рассвет" опять стал откатываться.

Что это — упрек? Поспелов не понял.

— Мы твердо стоим, — сказал он уверенно.

— Ничто не стоит на свете. Все движется. Или вперед, или назад.

Василий Кузьмич провел ладонью по бритым щекам.

— Все у нас, Анна Андреевна, движется вперед. Закон развития.

— Но есть и закон старения. Старое старится, а молодое растет. Старость должна уступать дорогу молодости.

Василий Кузьмич еле заметно забеспокоился, потрогал подбородок, одернул пиджак.

— Вы что имеете в виду?

— А ведь похуже будет в этом году баланс у колхоза? — Анна не ответила

прямо, все не решалась сказать правду. — Трудно вам, Василий Кузьмич...

— То есть как трудно?

— И вообще, и в частности. Трудно тянуть колхоз. Одышка.

Поспелов вдруг понял. Он порозовел. Поднялась вверх бровь и снова стала на место.

— Это как понимать, Анна Андреевна? — Но он уже все понял. — Считаете, не справляюсь?

Анна выдержала его взгляд.

— Пока еще справляетесь. Но скоро перестанете. Зачем доводить и колхоз и себя до такого состояния?

Поспелов подумал.

— Я ведь, Анна Андреевна, понимаю. Если райком не будет поддерживать, никакой председатель, конечно, не справится. Но вас не понимаю. Работали вместе, и, кажись, неплохо. Что ж это так?

Анна многое могла сказать: и как спорили они друг с другом, не раз, не два, и с каким завидным спокойствием принимал Поспелов и хорошее и дурное...

Но помнить плохое ей не хотелось.

— Пришло время, — просто сказала Анна. — Постарайтесь понять.

— Значит, с ярманки?

— С ярмарки, Василий Кузьмич.

— Да уж чего там... С ярманки!

— Поймите, Василий Кузьмич. Вручную вы косили, может быть, не хуже

многих, но смешно махать косой рядом с комбайном.

— Поздновато учиться.

— Вот это я и говорю.

Поспелов прищурился.

— Люди — не комбайн, Анна Андреевна. С людьми я нахожу общий язык...

— Любой человек посложнее комбайна, Василий Кузьмич, а человек на

комбайне сложнее человека с косой.

Поспелов похлопал ладошкой по столу.

— Подыскали кого?

— Да, есть на примете.

— А нам не нужно чужих, — вдруг резко сказал Поспелов. — Ни я не приму,

ни народ. Кого вы нашли? Откуда? Все свыше дают начальников!

— А если сниже?

— Это как понимать?

Анна вышла из-за стола, подошла к окну, посмотрела на светлую кудрявую

травку под окнами.

— Давайте говорить, Василий Кузьмич, начистоту. Я всегда уважала вас,

но ведь ваши дочери подкованнее вас, вы сами Любой гордитесь. Раньше у кого

голос покрепче, тот и фельдфебель, а теперь, чтоб отделенным стать, не

только надо уметь стрелять и разобрать автомат до винтика, а и других

научить. Никого мы к вам не пошлем, место тому, кто умнее в дому...

Она помолчала, знала, что обидит Поспелова, но была уверена в своей

правоте.

— Сама приеду в колхоз, буду рекомендовать Челушкина. У него тоже есть

недостатки, но он мало беспокоится о своем положении, о себе. Гриша... — Она поправилась. — Григорий Федорович из тех людей, кто затыкал собой амбразуру.

Вы считали, он не годится в кладовщики, а в Кузовлеве он почти агрономом стал...

Большой похвалы ей не высказать! Нашлась бы и другая похвала, более

высокая, но не хотелось ни обидеть, ни оскорбить Пospelова. Василий Кузьмич

легко шел на тот или иной компромисс. Гусей не любил дразнить. А гусей

иногда надо дразнить! Опыт и честность — вот золотое сочетание. Однако из

двух этих качеств предпочтение следует отдать честности. Опыт приобретается,

а честность — врожденное качество. Конечно, и преступников перевоспитывают,

но руководитель с пятнами на совести немислим. Слишком спокоен,

снисходителен, податлив Пospelов. Неплохой человек, но не пример, не

пример...

— А меня со счетов?

— Нет. Но не будем загораживать дорогу тем, кто нас обгоняет. Хотите

меняться? Идите в Кузовлево бригадиром вместо Челушкина! Проявите себя...

Анна угадывала, какие чувства бушевали в Пospelове. Возможно, он горько

раскаивается сейчас, что по — хорошему встретил ее в свое время в колхозе.

Наверно, многое хотелось ему напомнить ей, только смелости не хватало.

Он, конечно, не произнес ни слова, даже смотреть не хотел на Анну.

— Подумаю, Анна Андреевна, — процедил он, отводя глаза.

— Я не тороплю вас.

— А когда же вы это хотите... — Он не договорил.

— Повторяю, торопиться некуда, — сказала Анна.

— Не горит. Вы сами все

подготовьте. Сами привлечите Григория Федоровича, посоветуйтесь с ним лишней

раз, поднимите. Не мне вас учить, пусть все идет без обиды...

Они расстались. Анна чувствовала себя виноватой. Поспелов уходил

обиженным. Но, казалось, даже сейчас он ощущал ее правоту.

И уж совсем не получился разговор с Апухтиным. Она тоже позвонила ему,

пригласила в райком, тот сказал, что приедет. Но не прошло и часа, как Сурож

соединили с Пронском. Звонил Волков.

— Привет, Анна Андреевна! Опять повели атаку? Очень прошу, не трогайте

Апухтина...

Апухтин прятался за Волкова, как за каменную стену. Он имел,

по-видимому, инструкцию при малейшем покушении на свою особу звонить в

Пронск.

— Быстро вас информировали! — Анна не пыталась скрыть раздражения. — До

каких пор можно его терпеть? Принимать решение без вас не будем, но и

терпеть дольше...

— Повремените, Анна Андреевна! — закричал Волков. — Все в свое время.

Дайте еще полгодика сроку. Я подброшу техники...

— Да уж куда подбрасывать? — возразила Анна. — Всего хватает. Кроме ума

и способностей...

Но Волков все-таки отбил Апухтина, он защищал его с удивительным

постоянством.

Однако даже те — не такие уж большие — перестановки людей, какие

произошли в районе, дали повод к разговорам о том, что Гончарова не шадит кадры. Особенно волновались те, кто чувствовал себя не на месте. В область посыпались жалобы, и Анна с некоторым беспокойством ждала вызова в Пронск.

XLVI

Лукин, райкомовский шофер, сам предложил Анне ехать в Пронск не поездом, а машиной. Она складывала еще бумаги, когда он зашел в кабинет.

— Звали, Анна Андреевна?

— Хочу попасть к ночному поезду, Лукин. Успеем?

— В Пронск?

— Вызывают.

— А зачем поездом? Только время терять. Иван Степанович всегда машиной до самого Пронска...

Для Анны машина еще не стала неотъемлемым спутником ее жизни, как — то неудобно ради собственного удобства гнать машину в Пронск, но для Лукина это обычное дело.

— А когда же тогда выезжать?

— Вам ко скольким?

— К десяти.

— Часиков в пять, полпятого, точно будете к девяти.

— Устанете вы, Лукин...

— Мне не привыкать!

Анна плохо спала ночь — все боялась проспать. За окном только

залиловело, как она встала, умылась, принарядилась, все — таки впервые ехала в

обком отчитываться за весь район.

Когда выглянула в окно, машина уже стояла у

крыльца, она и не заметила,
как Лукин подъехал.

Выбежала на крыльцо:

— Я сейчас, Лукин...

Вернулась, надела пальто, взяла папку со всеми
сводка ми по району,
обошла детей, поправила на них одеяла. Не любила
расставаться с детьми, но
постоянно оставляла их одних — такая уж сложилась у
нее судьба.

— Не опоздаем?

— Что вы, Анна Андреевна!

Небо голубело на глазах; только выехали за
город, оно сразу

высветилось, вольно раскинулось по горизонту. Все
вокруг знакомо и привычно,

но не утратило от этого своей прелести. Анна любила
эти поля и луга, холмы и

перелески, любовалась ими с каким-то даже
напряжением и не заметила, как
заснула.

— Анна Андреевна, — услышала она сквозь сон. —
Анна Андреевна...

Это Лукин деликатно будил Анну.

— Анна Андреевна. Пронск.

Они уже ехали по городу.

Анна испуганно взглянула на часы. Четверть
десятого! В самый раз...

— К обкому, Лукин!

Через приемную прошел Секачев, помощник
Кострова. На ходу поздоровался

с Анной, вошел в кабинет. Но пробыл у Кострова
недолго.

— Заходите, товарищ Гончарова.

Костров сидел за столом. Он поднялся навстречу ей.
Протянул руку:

— Здравствуйте, Анна Андреевна. Жду. Садитесь.

Анна осторожно села у стола в кресло. Право, в
Кострове есть что — то

симпатичное. Анна не ошиблась, рассматривая его на

сессии.

— Ну, Анна Андреевна, как дела?

— О каких делах вы спрашиваете?

В глазах Кострова мелькают веселые искорки.

Какие у него глаза? В общем приветливые. Серые, с рыжинкой. С ним,

кажется, легко разговаривать.

— Вы чем интересуетесь, Петр Кузьмич?

— Всем. Вами, Тарабриным, районом. Абсолютно всем. Мы ведь, собственно, почти незнакомы. Вот и давайте знакомиться. Прежде всего о Тарабрине.

Рассказывайте, что там с ним приключилось.

Костров пытливо, даже слишком пытливо, как — то лукаво смотрел Анне в глаза.

— А что Тарабрин?

Анна не знала — надо ли рассказывать Кострову о том, что произошло на совещании. Да и в общем — то — что произошло? Ничего. Все погорячились, и только. Тарабрин, по обыкновению, поднял голос, а другие на этот раз не захотели стерпеть. Незачем посвящать Кострова в эти дразги. Анне почему — то казалось, начни она копаться в происшедшем, начни докапываться до какой — то сути, которая ей самой неясна, она совершит бестактность...

— С чего это Тарабрин у вас заболел?

— Болезнь не спрашивает, Петр Кузьмич.

Костров одобрительно смотрел на собеседницу, ему, видно, нравились ее ответы.

— Сделали ему операцию, вашему Тарабрину, — серьезно сказал Костров. —

Вовремя у него случился этот аппендицит. А то гнойник мог бы и внутрь прорваться...

Знает Костров что — нибудь о совещании или не

знает?

— Ну ладно, — сказал Костров. — Пусть поправляется. Меня вообще интересует ваше мнение о Тарабрине. Как вы к нему относитесь, Анна Андреевна?

У Анны сложилось как бы два мнения о Тарабрине. Одно, так сказать, официальное и другое — для себя. Но она не решалась высказать Кострову это свое, внутреннее мнение прежде всего потому, что сама не была до конца уверена в его правильности. Да и Кострова какие — то личные ее впечатления вряд ли интересовали. Ему нужны не субъективные оценки, а беспристрастное, объективное мнение человека, вот почти уже два года работающего бок о бок с Тарабриным.

— Как вам сказать, Петр Кузьмич... Я считаю, Тарабрин сильный работник.

Опытный. Давно уже на партийной работе. Несколько резок и грубоват... — Анна испугалась, что все — таки начинает критиковать Тарабрина, а это даже неудобно, когда человек лежит в больнице и еще неизвестно, вернется ли он на работу. — Может быть, иногда излишне нервничает, — поправилась она. —

Слишком уж привык к людям, к району. Ведь он давно у нас...

— Продолжайте, продолжайте, — поощрил Костров. — Вы правы, людям не надо давать засиживаться.

Анна не согласна с Костровым — она любила, да, любила свой район, в этот район столько уже вложено своего труда, — как можно засидеться там, где работается с сердцем? Наоборот, место это становится все дороже и дороже,

это священная привычка; страшно не засидеться, а свыкнуться!

Но она не осмелилась поправить Кострова.

— Конечно, засиживаться нехорошо, но я думаю...

— А не думаете ли вы, — перебил Костров, — что Тарабрин сам чувствует, что ему пора менять место?

Анна усмехнулась неожиданно для самой себя.

— Им овладело беспокойство, охота к перемене мест?

Она нечаянно вспомнила эти строки.

— Это откуда? — спросил Костров.

— Из "Евгения Онегина"... — Анна смутилась и, как школьница, скороговоркой договорила: — Весьма мучительное свойство, немногих добровольный крест.

— А вы прочли всего "Онегина"? — заинтересовался Костров.

— Уже после техникума, — призналась Анна. — В техникуме мы только отрывки учили, а вот когда жила в Севастополе, времени много было. Тогда я по — настоящему начала читать.

— А вы, оказывается, образованнее, чем я думал, — признался Костров в свою очередь.

Какое — то задумчивое, грустное выражение появилось у него на лице, и

Анна подумала, что сам Костров "Онегина", вероятно, не очень — то хорошо

помнит. Да он, кажется, и не скрывает этого. Она не винила его. Где уж тут

до "Онегина"! На плечах такая ответственность. Ночей ведь не спит! Тонет в

сводках. Сев. Уборка. Госпоставки. Хлеб. Мясо. Молоко. Лен. "Им овладело беспокойство"...

Но именно цитата из "Онегина" помогла, по — видимому, составить Кострову

окончательное суждение о Гончаровой.

— Послушайте, Анна Андреевна, а что вы скажете, если обком будет рекомендовать вас в первые секретари?

Чего угодно Анна ожидала, только не этого. Ее — в первые секретари?

— Справитесь?

Она даже растерялась. Значит, Тарабрин не вернется? Тогда вдвойне

хорошо, что она ничего не рассказала о нем Кострову. Все образовывается само

собой. Хочется ли ей стать во главе района? Это было почетное предложение,

оно льстило, конечно...

— Мы тут подумали, посоветовались, — продолжал Костров. — И решили

выдвинуть вас. Пока будете как бы заменять Тарабрина, а осенью на

конференции официально рекомендуем...

И вдруг Анна отчетливо поняла, что она не боится стать первым

секретарем. Она любит свой район, любит и знает людей, живущих в районе. Ей

хочется, чтобы им было хорошо, она согласна работать для них без сна и

отдыха.

— Справитесь?

Костров спрашивает уже во второй раз.

Попробую. Попытаюсь. Постараюсь... Так, кажется, полагается отвечать?

— Справлюсь, — решительно сказала Анна. — Думаю, что справлюсь...

Она не смеет, не имеет права отказаться. Тебе доверяют, а ты скажешь,

что не берешься это доверие оправдать? Она даже испугалась, что Костров

почему — либо передумает.

А он был удивлен такой прямоотой. Но она ему понравилась. Анна

интуитивно чувствовала, что нравится Кострову, — не

внешностью, конечно,

что — то отеческое было в том удовольствии, с каким Костров рассматривал Анну.

Но тут же Костров точно отодвинулся от нее, посуровел и обратился к ней

чуть ли не с пристрастием:

— А еще? Я слушаю вас. Еще что вы скажете о себе?

Анна с недоумением посмотрела на Кострова. Что может сказать она о

себе? Не излагать же ему свою биографию? Костров знает ее личное дело...

— Чем вы дышите, какие планы, какие у вас мечты?

Он ставил ее в странное положение. Чем она дышит? Кострова, должно

быть, занимало ее смущение.

Анна принялась рассказывать о районе. О колхозах. О планах севооборота.

О фермах. О городских нуждах. О расширении промкомбината...

Костров молчал. Она вдруг заметила, что Костров ее не слушает. Он

смотрел на Анну и одновременно куда — то в себя. Она продолжала говорить о

постройке в Суроже механического завода. И вдруг он прервал ее на полуслове.

— Отлично, — произнес Костров. — Вы, я вижу, знаете жизнь района и

представляете себе его будущее...

Что "отлично", Анна так и не поняла.

— Ну что ж, — сказал Костров. — Будем рекомендовать. Но только

смотрите, Анна Андреевна, за вами еще уборка. Сумеете собрать урожай —

оправдали себя. В конечном итоге это будет решать. Понятно?

Анна опять взглянула ему в глаза, не было в них веселых искр, это были

холодные глаза, и тут она поняла, что Кострова нисколько не интересуется, что

представляет собою Гончарова, он вызвал Анну не для того, чтобы узнать ее,

вызвал для формы, а может быть, и для того, чтобы она поняла, что ее

назначение зависит прежде всего от него, от Кострова.

Он снял трубку телефона, набрал номер.

— Георгий Денисович, у тебя кто? Загляни ко мне.

Косяченко не заставил себя ждать. Анна знала его, они встречались и в

Пронске, и в районе.

— Вы знакомы?

Косяченко вопросительно взглянул на Кострова, приветливо поздоровался с

Анной.

— Что ж, Георгий Денисович, думаю, мы правильно решили, — сказал

Костров. — Товарищ Гончарова, я думаю, справится...

Он встал, давая понять, что разговор с Анной окончен, вышел из — за

стола, пожал ей руку и принялся ходить вдоль кабинета.

— Что касается наметок Госплана по текстилю, — заговорил он, обращаясь

к Косяченко, — нам придется поспорить...

Он уже не видел и не слышал Анны, его занимали уже другие дела, легкой

походкой он ходил по кабинету, и, глядя, на его сосредоточенное упрямое

лицо, на крепкую коренастую фигуру, на его быстрые пружинящие шаги, Анна

поняла, что Костров уверен в себе, бодр и совершенно здоров.

XLVII

День был удивительно суматошный. Еще накануне вечером позвонили из

Пронска, сообщили, что утром в район выедет

председатель совнархоза

Гнеденко. Этого визита Анна ждала несколько недель и
чрезвычайно из — за него

нервничала. Вопреки своим правилам она постаралась
даже сделать для Гнеденко

этот визит возможно более приятным. Позвонила
Дормидонтову, попросила

приготовить обед. Гнеденко должен был миновать
Сурож, Анна рассчитывала

встретиться с ним в колхозе "Заря", откуда Гнеденко
собирался проследовать в

Пряхино.

Дело заключалось в том, что на севере Сурожского
района года три назад

обнаружили большие залежи бокситов, на их базе
предполагалось построить

глиноземный завод, но площадь залегания в равной
степени захватывала и

соседний район, Пряхинский. Гнеденко должен
был выбрать место под

строительную площадку. В постройке завода на своей
территории равно были

заинтересованы оба района, строительство
экономически укрепляло любой из

них, а прибытие нескольких тысяч кадровых рабочих
тоже не могло не сыграть

своей положительной роли. Вот Анна и
торопилась уговорить Гнеденко

остановить выбор на Сурожском районе. Она желала
прыхинцам всяческого добра,

с секретарем Пряхинского райкома Усольцевым
находилась в наилучших

отношениях, но, как говорится, дружба дружбой, а
денежки врозь: пока она в

Суроже, Сурожский район для нее дороже других.

Анна не терпела заискивания, а тут встретилась с
Гнеденко такой лисой,

столько аргументов выложила в пользу своего района и
так умело продолжала

выкладывать за обедом аргументы в пользу Сурожа, что

Гнеденко сдался, обещал
посоветоваться в Пронске еще раз, хотя сам склонился
уже к тому, что завод
надо строить именно в Суроже.

Анна добилась своего, но вернулась с этого
свидания с ощущением
какой-то досады. Она подумала было, что досадует
на себя из-за этого

проклятого обеда. Впрочем, обед был самый
обыкновенный, прошел он, можно
сказать, в дружеской и непринужденной обстановке.

Гнеденко и два инженера,
сопровождавшие председателя совнархоза, долго
взвешивали все обстоятельства,

связанные с выбором строительной площадки,
сверялись с картой, внимательно

выслушивали доводы Гончаровой, и можно было
поручиться, что желательное для

Анны решение принято уж никак не из-за красивых
глаз секретаря Сурожского

райкома. Приглашение отобедать Гнеденко принял,
говоря честно, после того,

как у него сложилось окончательное суждение. Вместе
с Анной и Дормидонтовым

он и его инженеры охотно зашли в чайную сельпо,
их провели в отдельную

комнату "для начальства", подали отлично зажаренного
гуся. Гнеденко только

ел да похваливал, охотно выпил стопку коньяку, но
когда Анна попыталась было

за все рассчитаться, решительно запротестовал и
расплатился за обед вместе

со своими инженерами.

Поездкой Анна могла быть вполне довольна. Но
досада ее, однако, не
покидала.

Она заглянула ненадолго домой, повидала детей и
тут же ушла в райком.

Прошла в кабинет, разделась, повесила в гардероб
пальто, села за стол.

Работы было много, приближалась районная конференция. Вечера теперь

Анна посвящала предстоящему докладу. Не так — то просто отчитаться!

Она нажала кнопку звонка.

— Клашенька, попросите Павла Васильевича и уходите домой.

Семенов был помощником первого секретаря. Он работал с Тарабриным лет

пять. Точный, вышколенный работник, на днях он напомнил Анне, что пора

заняться отчетным докладом. Начерно он составил для Тарабрина немало речей,

набил на этом руку. Но Анна отказалась от его помощи. "Я сама, Павел

Васильевич. Если что понадобится, скажу..." Надобилось ей, конечно, многое.

Сводки, цифры, отчеты. Но к составлению самого отчета Семенова она не

допускала. Отчет должен содержать ее мысли...

Семенов вошел, положил перед ней папку.

— Вы интересовались выработкой механизаторов, Анна Андреевна...

Он испытующе поглядывал на Анну. У Тарабрина была сила, размах, опыт.

А эта... Как сказать!

Она отпустила и Семенова. Раскрыла принесенную папку. Просмотрела.

Придвинула чистую бумагу. Задумалась...

Странная у нее профессия. В прошлом она агроном. Да, в прошлом. А

теперь профессия у нее посложнее. Партийный работник. Раньше эта профессия

называлась — профессиональный революционер. Очень сложная и очень трудная

профессия. Настоящий человек, честный, идейный, способный, на этой работе —

все, никчемный человек — ничто. Счастье, что на этой работе трений больше,

чем радостей, не очень — то на нее рвутся никчемные

люди, а удержаться на ней
и вовсе не удерживаются.

Отчет! Отчет у коммуниста всегда руководство к
действию. Вот она —
карта ее района. Хлеб. Молоко Мясо. Лес. Торф.
Бокситы. Голубой змейкой
вьется, извивается через весь район Сурожь... Ее
район! У Ленина, в его
дореволюционных работах, этот район упоминается
как один из самых
отсталых...

Теперь район, конечно, не так уж плох, но
сколько еще предстоит
сделать, чтобы превратить его в край изобилия и
благоденствия.

Край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра...

Анна не помнила, чьи это стихи, но жизнь должна
стать именно такой...

"Бог ты мой, — подумала она об отчете, — ведь за
все, буквально за все
приходится отчитываться: за колхозы, за школы, за
торфоразработки, за все
предприятия города, за всех служащих, за рабочих..."

Да кто же она такая? Кто же такой — секретарь
райкома? Как будто
непосредственно ни за что и не отвечает, и, однако,
за все в ответе. Вот
недавно рассказали ей, одна девчонка обвенчалась в
церкви, и как же Анне
стало не по себе! Чего — то, значит, недоглядели, райком
комсомола недоглядел,
она недоглядела...

Однако надобно браться за отчет. Вот сидит она
одна. Тишина стоит в
кабинете. Надо все увидеть, все взвесить, наметить
путь, повести по этому
пути людей. Сама она тоже прислушивается к голосу,

который ведет ее...

Она одна. И не одна. Наедине со своим районом.
С партией. Никогда не
одна.

XLVIII

Незаметно приблизился день испытания. День, когда она встанет перед делегатами конференции и будет отчитываться за себя, за райком, за все население района.

Четыре дня оставалось до конференции. Всего четыре дня. А еще не все ясно. Не одна цифра может еще измениться в отчете. Не все колхозы выполнили план, еще не продан весь лен, то падают, то увеличиваются надои...

До сих пор Анна не знала, с кем ей придется работать, вопрос о втором секретаре оставался открытым.

За четыре дня до конференции позвонил Косяченко.

— Ну как, Анна Андреевна, никого не подобрали во вторые секретари?

Такого вопроса ей ни разу не задавали, и он несколько огорошил Анну. У

нее был на примете человек, но она все ждала — кого предложит обком. На этот

раз вопрос был поставлен прямо.

Анна неуверенно произнесла:

— Мы задумывались тут, Георгий Денисович...

Но Косяченко не дал договорить.

— А мы подумали, Анна Андреевна, крепко подумали, — решительно перебил

он свою собеседницу. — Нашли для вас мужика. Как за каменной стеной будете...

И тут же сам засмеялся — должно быть, ему понравилось шутовское это выражение.

— Кто да кто? — заинтересовалась Анна.

— Да уж будьте уверены... — Косяченко выждал минуту. — Щадилов...

Слышали?

— Щадилов... Откуда это?

— Да вы его знаете. Второй секретарь из Борска.

Ничего особо хорошего Анна о Щадилове не слышала, но и возразить ничего не могла.

— Маленечко зазнался у себя в Борске, напортачил с мясом, вот и решили

к вам, — объяснил Косяченко.

— А зачем к нам, если напортачил?

— Пусть не зазнается!

— Зачем же...

— Да вы не бойтесь, он крепкий мужик, в случае чего может нажать, при вас в Суроже в самый раз будет...

Она пыталась возразить:

— Если Щадилов, мы у себя получше найдем...

Голос Косяченко посерьезнел:

— А вы не спорьте, Анна Андреевна, обком все взвесил, а убрать никогда не поздно. На конференцию к вам придет Узюмов, он и захватит Щадилова...

Косяченко испортил Анне настроение. Она плохо знала Щадилова, но уже

одно то, что Щадилова посылали в Сурож в наказание за какие-то провинности,

мало ее устраивало. Однако Косяченко говорил столь решительно, что она не

осмелилась отвергнуть неожиданно свалившуюся как снег на голову кандидатуру.

На следующий день она поделилась новостью с товарищами, но никто не

выразил ни особой радости, ни недовольства.

Неожиданно в райкоме появился Костров. Его — то

Анна уж никак не ожидала.

— Был в Калачеве, у текстильщиков, — объяснил он. — К вам не собирался, но по дороге решил завернуть...

В Калачеве находилось несколько крупных ткацких фабрик, "по дороге" выглядело очень относительно, Калачево стояло в стороне. Однако появлению

Кострова Анна обрадовалась.

Костров поинтересовался:

— Отчет готов?

— Читали на бюро, утвердили.

Анна подала Кострову папку с отчетом.

Костров небрежно перелистал несколько страниц.

— Не боитесь?

— Боюсь, — призналась Анна. — Все в порядке, и боюсь.

Костров снисходительно усмехнулся:

— Привыкнете.

Он прошелся вдоль кабинета быстрым своим пружинящим шагом и остановился у окна.

— Ну, а как со вторым секретарем? Устраивает вас Щадилов?

Он, конечно, знал уже о звонке Косяченко. Кострову Анна и подавно не

собиралась возражать. Почему — то она чувствовала себя в присутствии Кострова

девчонкой. Давно уже и не считала себя, и не была девчонкой, но в

присутствии Кострова почему — то терялась — настолько для нее велик был его

авторитет. Но и лгать не хотелось. Конечно, она не могла не считаться с

мнением обкома, она подчинится любому решению, но пусть все — таки знают, что

она подчиняется, но не принимает это решение душой.

— Нет, — произнесла она почти что с отчаянием. — Не устраивает он меня, Петр Кузьмич!

Кострову нравилась прямота этой женщины.

— Вы не стесняйтесь, — поощрил он Анну. —
Говорите прямо, как думаете.

Я для того и заехал, чтобы вы могли высказаться
начистоту.

— На что нам Щадилов? — сказала Анна. — В
Борске недотянул, а у нас

справится? Петр Кузьмич! Я бы партработников, у
которых слаб авторитет, не

задерживала на партийной работе. Пошлите Щадилова
по специальности, а если

не знает ничего, пусть поучится.

Костров опять усмехнулся.

— То-то и беда, не дотянул, а перетянул,
администрировать любит. Вот мы

и надумали его сюда. Вы женщина, характер у вас
помягче, Щадилов поможет в

случае, если придется нажать...

Анна бросила на Кострова недовольный взгляд.

— А я, думаете, не нажму?

Глаза Кострова смеялись.

— Нажмете?

— Нажму.

— Работать, конечно, вам... — Костров задумался.

— А если не Щадилов,
кого тогда?

Анна осмелела.

— А вы позвольте нам самим выбрать.

— А кого?

Анна назвала:

— Ксенофонтов.

Костров пытливо смотрел на Анну, он не
припоминал, о ком это говорит

Гончарова.

— Ксенофонтов?

— Из Сурожской РТС, — пояснила Анна. —
Механик и секретарь партийной

организации.

— Фамилию будто слышал, а не припоминаю, —
Костров прищурился. — Чем он

знаменит, этот ваш Ксенофонтов?

— Честностью, — ответила Анна. — Честностью, прямоотой.

— Серьезные качества. А вы давно его знаете?

— Пятнадцать лет. Я жила у Ксенофонтовых на квартире, когда приехала в

Сурож. Он еще мальчик был.

— А недостатки?

— Резок. Упрям. Нетерпелив...

Костров понимающе кивнул.

— Вызовите — ка сюда вашего Ксенофонтова.

— А может быть, к нему проехать? — предложила Анна.

— И то ладно, — согласился Костров. — Посмотрю кстати РТС.

Анна пошла вместе с Костровым к выходу.

— А вы не ходите, — остановил он ее. — Я один, не надо мне представлять

Ксенофонтова.

Анна с нетерпением ждала возвращения Кострова. Он отсутствовал около

часа. Вернулся серьезный, насупленный. По — хозяйски сел у стола. Молчал. Анна

не могла определить, с каким решением он вернулся.

Что он высмотрел в

мастерских? Она не выдержала.

— Ну как, Петр Кузьмич?

— Дайте — ка его учетную карточку...

Просмотрел карточку.

Спросил:

— Почему предлагаете его в секретари?

— Его весь город знает. Я агроном. А он механик. Полезно и для

сельского хозяйства и для промышленности. И уж очень с аппетитом работает.

Костров опять вскинул на Анну глаза.

Переспросил:

— С аппетитом?

Потом поморщился.

— Не понравилась мне РТС. Тесно, станки старые.

Надо расширяться...

— Ксенофонтов не раз выступал с этим вопросом.
А в райком попадет —
нажмет...

Костров еще раз усмехнулся и вдруг согласился:

— Ну что ж, у меня нет возражений. Сегодня
сделайте представление, а
завтра рассмотрим на бюро...

Он поднялся.

— Как будто не ошиблись. А как сама? Уверены в
себе?

Анна смежила веки, покачала головой:

— О себе тоже хотела поговорить.

Костров испытующе взглянул на Анну:

— Колеблетесь?

— Нет. Но боюсь упреков.

Костров разглядывал Анну.

— В чем?

Анна потупилась.

— Вы знаете, Петр Кузьмич... Я уже решила. Не
выберут, выгоню мужа.

Пьет. Ужасно пьет. Хотела развестись, не позволили.
Говорят, перевоспитывай.

Других за такие поступки я исключаю из партии. А
своего... ни исключить, ни
перевоспитать. Любой делегат может сказать: с других
требуешь, а у себя...

Все это вырвалось у нее как-то внезапно, она и
не собиралась говорить

об этом с Костровым. Но она действительно часто
думала, не уйти ли ей и

вправду с партийной работы. Алексей ее срамит,
лежит у нее на совести

нестерпимым грузом.

Она безвольно опустила на стул.

— Как быть, Петр Кузьмич?

— Не распускаться!

Он выкрикнул это резко, отрывисто, даже зло.
Взял за плечо, грубо,
бесцеремонно, — Анна никогда не подумала бы, что у

Кострова такие жесткие,

такие беспощадные пальцы, — взял за плечо, поднял, поставил перед собой.

— Что вы нюните? — отрывисто спросил он. — У вас пьяница, у другого

жена мещанка, у третьего сын не задался... Так из — за этого изменять себе?

Воспитывайте! А не поддается. — судите. Но не опускайте рук. Не опускайте,

понятно? Теперь нечего отступать...

Этот крик задел Анну за живое.

— Я не отступаю, — проговорила она, сдавленным голосом. — От работы не

отказываюсь. Я никакой работы не боюсь. Пойду всюду, куда пошлет партия. Но

ведь я возглавляю райком. Могут упрекнуть. Я на сессию, а его в милицейской

машине везут. Стыдно. Пошлите дояркой, свинаркой. На любую стройку. Вы

увидите...

— А кто вас упрекает? — резко оборвал Костров. — Свинаркой... —

саркастически повторил он. — А нам надо, чтобы вы были первым секретарем.

XLIX

Беспокойно провела Анна ночь перед конференцией. Ей хотелось выспаться,

но заснуть не дал Алексей. Вернулся он домой необычно рано и трезвый. В

последнее время это редко случалось. Анна было подумала, что он щадит ее,

боится сорвать ей доклад. Но именно для того, чтобы сорвать доклад, он и

пришел на этот раз трезвым.

— Нам нужно поговорить, — сказал Алексей.

— А может, лучше выспаться? — спросила Анна.

— Успею...

Он еще раз потребовал от нее, чтобы она ушла с партийной работы. Ни

больше, ни меньше. Чтобы отвела свою кандидатуру при выборах райкома. Он

хотел вернуться вместе с Анной в деревню. Не обязательно в "Рассвет". В

любой колхоз. Он хотел, чтобы Анна вновь превратилась в агронома и в равной

степени занималась собственным домом и полеводством. Он хотел, чтобы Анна

была такой, как десять лет назад.

— Пойди лучше выпей, — сказала Анна, — Пьяный ты умнее.

— Ты откажешься? — повторил Алексей.

— И, не подумаю, — ответила она.

— Значит, я ничего для тебя не значу? — спросил он.

— Значишь, — сказала она. — Все еще значишь, но теперь не так уж много.

— Партия тебе, конечно, дороже, — насмешливо сказал Алексей.

— Ты не ошибся, — подтвердила Анна.

Он принялся ругаться. Негромко, но гнусно. Так, чтобы не слышали дети,

— он не был на этот раз пьян, — но так, чтобы как можно сильнее унижить и оскорбить Анну.

Она взяла книгу, принялась читать. Спать было невозможно. Она читала, а

Бахрушин ругался. Так они провели ночь. Только под утро Алексей заснул и дал задремать Анне.

Она пришла в райком с таким ощущением, точно всю ночь провела под

обстрелом. Но она взяла себя в руки. Нет, нет, она уже не та Анна, какой

была десять лет назад.

Пригласила членов бюро. Провела краткое

заседание. В последний раз

обменялась мнениями о составе президиума...

И разошлись. Собственно говоря, райком в его теперешнем составе уже не

существовал. Через два часа откроется конференция, и райком сложит свои

полномочия.

Анна просмотрела утреннюю корреспонденцию. Открыла папку с докладом.

Проверила, внесла ли Клаша исправления в соответствии со сводкой о надоях...

Вздохнула. Вот они — итоги труда всех сурожцев. Через два часа она

встанет со своим отчетом перед делегатами конференции...

Кто — то осторожно приотворил дверь.

Кто это? Анна просила Клашу по возможности никого к ней не пускать.

Хотелось сосредоточиться, собраться с мыслями. Она не прочь была даже

вздремнуть с часок.

Алексей... Что ему нужно?

Он плотно притворил дверь и пошел к ней.

— Что тебе?

Он не ответил. Он шел к ней. Шел, выпрямившись, твердыми, уверенными

шагами. Одна Анна могла понять, что он пьян. Не хватало только, чтобы он

пьяным явился сейчас к ней в райком!

— Ну, сядь, сядь...

Он опять не ответил. Подошел к столу.

— Я спрашиваю, что тебе?

Он обошел вокруг стола и рывком схватил Анну за руку.

— Пусти!

Он опять ничего не сказал. Только держал за руку и ничего не говорил.

Она привстала. Сколько он ни пьет, а силы ему не занимать стать. Рука Анны

была точно в железных тисках.

— Сейчас же пусти!.. Ты чего молчишь? Больно. Ты с ума сошел!

На нее пахло едким запахом водки.

— Ты уйдешь из этого чертова райкома?

— Послушай, Алеша...

Он вдруг ударил ее в бок, нанес короткий и тяжелый удар в подреберье.

От неожиданности Анна чуть не вскрикнула, но она только охнула и опустилась в кресло.

— Уйдешь?..

Он принялся выкручивать ей руку.

— Уйдешь? Уйдешь?.. Слышишь?.. Искровеню всю! Кому секретарь, а мне ты жена... Выкобениваешься, тварь...

Все это было и отвратительно и унижительно. И просто ей было больно. А

он все наносил и наносил удары, все норовил ударить ее в живот.

Крикнуть она не могла. Не могла выставить себя на всеобщий позор. Вот

как она его перевоспитала! Что она за руководитель, если собственный муж бьет ее.

Она боялась вскрикнуть.

— Алеша, ты пьян... Ты пьян. Образумься. Поди проспись. Я прошу. У меня конференция. После поговорим, Алеша...

Но Алексей все продолжал и продолжал наносить ей короткие и тяжелые удары.

— Ты у меня встанешь! Ты у меня встанешь...

Он тяжело дышал, хрипло повторяя одну и ту же фразу.

Кричать Анна не могла. Не могла. Как выйдет она на трибуну? Битый секретарь! Не секретарь, а битая мужем жена...

У нее вырвался вопль:

— Да чего ж тебе от меня надо!

Она наклонила голову, прятала лицо. Выйти на

трибуну с синяками! Но

Алексей не бил ее по лицу. Мог ударить в лицо, но отвел руку. Пьян, пьян, а по лицу боялся бить, не хотел оставлять следов. Не за нее боялся, за себя.

Только бы не закричать! Любого коммуниста, который позволил бы себе такое обращение с женой, Анна исключила бы из партии. Но Алексея она не может, не может вызвать в райком! "Я исключаю тебя за то, что ты меня избил..." Это же анекдот!

— Уйдешь?

Осипшим каким-то, шипящим голосом он задавал ей один и тот же вопрос.

— Нет!

Он опять ударил ее.

— Нет!

— Карьеристка!

Все враждебные силы в его лице требовали, чтобы она отказалась от самой себя, предала дело, которому служит...

— Нет!

— Карьеристка проклятая...

Она с отчаянием взглянула в окно, точно там находилось ее спасение. Но

там одно сизое сумрачное небо. В окно заглядывал только старый ветвистый

клен. Листва с него почти вся уже облетела, лишь несколько желтых листьев

укоризненно подрагивали на голых ветвях. Он один видел все, что происходило в кабинете.

Анна не знала, как дотянулась до звонка.

Клаша торопливо вошла в кабинет, и в тот же момент Алексей отскочил от жены.

— Звали, Анна Андреевна?

Анна почувствовала, как у нее кружится голова.

— Клашенька, Алексею Ильичу нездоровится,

— произнесла она скороговоркой. — Помогите ему, его надо отправить домой...

Она не могла позволить себе даже минутной слабости. Встала. Преодолела боль, головокружение. Сосредоточилась на всем том, что ждало ее за дверью кабинета. Заставила себя забыть все ненужное. Выпрямилась. Взяла со стола папку с докладом.

— А я пойду, Клашенька, меня ждут... — Она посмотрела на мужа спокойными, может быть, чуть туманными глазами. — А ты отдохни, Алеша... —

Она уже не видела его. — Все обойдется, — сказала она на ходу и повторила, больше для самой себя: — Все... Все обойдется.

L

Не успела Анна подняться в зале на помост для президиума, как все ненужное, постороннее исчезло, заслоненное неизмеримо большим и важным.

Она вошла в зал и сразу из одиночества, из оскорбительного и тягостного одиночества перенеслась в атмосферу товарищества, уважения и взаимопонимания.

Потом вечером, и даже не вечером, а ночью, когда события этого большого дня остались позади, ей приходили на ум отдельные подробности, особенно запечатлевшиеся в памяти.

Вот она на трибуне, выступает с отчетным докладом...

Перед нею разные люди, разную степень внимания

выражают их лица, но нет
ни одного безучастного.

Когда Анна готовила доклад, она старалась не
опустить ничего

сколько — нибудь важного в жизни района, но лишь
сейчас сама со всей

отчетливостью видит, сколько изменений произошло за
последние годы в Сурожье.

Вот смотрит она людям в глаза и убеждается: есть что
сказать сурожцам.

Наверно, так получается, у фотографа; знает, что
снимает, знает, что

проявляет, но вполне отчетливо видит свою работу
лишь тогда, когда держит в

руке отпечатанный снимок.

При этом Анна хорошо понимала: все доброе, что
отмечено ею в своем

докладе, являлось заслугой всех сурожцев. Райком мог
побудить людей проявить

инициативу, но превратить ее в реальное дело должны
люди, большинство людей,

все население района.

Доклад свой Анна читала и только раз отступила от
заранее написанного

текста, когда речь зашла о моральном облике
коммунистов. Она заговорила о

пьяницах и не смогла сдержаться. Не пощадила ни
директора школы Исаева, ни

Семенычева из "Красного партизана". Как будут они
воспитывать людей, когда

не в состоянии воспитать самих себя! С пьяницами
нельзя ни колхозы поднять,

ни коммунизм строить. Им не место в партии.

Делегаты зааплодировали. Многим понятны были и
гнев и волнение Анны.

Она говорила о будущем. Новые отношения
требовали и иного общественного

поведения. Не каждый еще осознал необходимость
перемен в самом себе, но

потребность стать лучше, чище, благороднее уже

волновала души.

В прениях, естественно, пошел разговор и о повседневных делах, но в каждом выступлении — Анне казалось, что в каждом, — звенела какая-то необычная струна.

Поэтому ее и рассердил Волошин.

Колхоз, которым он руководил, считался лучшим в районе. Это в самом деле был хороший колхоз, но слишком уж привыкли руководители "Ленинского пути" к похвалам. Если похвалы не сыпались на них, они сами искали этих похвал.

Волошин рассказывал о росте общественного стада. По сравнению с 1957

годом оно увеличилось в колхозе чуть ли не втрое!..

С курчавыми черными волосами, с густыми бровями, с квадратной челюстью, с упрямым подбородком, Волошин так и просился на снимок. Сумской и Узюмов одобритительно на него посматривали. Сумской заведовал сельхозотделом, и достижения, о которых распространялся Волошин, шли, так сказать, по его ведомству. Узюмов, заместитель заведующего отделом пропаганды, тоже был заинтересован в успехах пронских колхозов, выступление Волошина лило воду на мельницу обкома.

Но Анна сразу взяла Волошина на заметочку. Нет, он не сказал неправды — стадо в "Ленинском пути" действительно увеличилось, но хвастаться было нечем.

В перерыве Анна заметила, как Узюмов сказал что-то фотокорреспонденту из областной газеты. Корреспондент снимал Волошина и в профиль и анфас, и тот с удовольствием позировал перед аппаратом.

Однако Анна постаралась, чтобы снимок в газету не попал, в заключительном слове она все поставила на свое место. Подтвердила, что стадо увеличилось, но нельзя забывать, что в 1957 году стадо болело бруцеллезом.

Так что по сравнению с тем годом оно, конечно, не могло не вырасти...

Анна заметила, что поправка не нравится ни Сумскому, ни Узюмову, но промолчать не могла.

В перерыве, перед выборами, Волошин, столкнувшись с ней в коридоре, демонстративно свернул в сторону, обиделся. Ну что ж, это случалось у нее в жизни. Кое-кто начинал ее сторониться. Но она не пыталась переделать себя и только с трепетом ждала выборов. Обком ее поддерживал, и большинство делегатов, наверно, были на ее стороне, и все же тайна голосования всегда остается тайной.

Кандидатуру Анны выдвинули единодушно. Но при обсуждении ложка дегтя в бочку меда была все же влита. Слово взял Онуфриев, заместитель Жукова. Он, конечно, кандидатуру Гончаровой не отвел, не осмелился. Онуфриев, как он выразился, хотел только предостеречь, сказать о том, что товарищ Гончарова слишком мягка, недостаточно требовательна, что он хотел бы от Анны Андреевны большей принципиальности в личной жизни. Онуфриев так и не расшифровал, что подразумевает под этим...

Выступление его сводилось, по существу, к тому, что если Анна и может быть в составе райкома, то в первые секретари она вряд ли годится. Тут — то вот и выяснилось, что Жуков не принимал Анну в

качестве первого секретаря.

Всем было ясно, что без согласования с Жуковым Онуфриев не рискнул бы так выступить.

Это была для Анны новость. Пусть! Выступление это, пожалуй, не нуждалось в ответе, но ответить захотело сразу несколько делегатов.

Слово предоставили Кудрявцеву. Бригадир трактористов из "Рассвета"

пользовался авторитетом, у него были и ордена и почет. На конференцию

Кудрявцев явился во всех регалиях — с орденами, полученными и на фронте, и в

мирное время. Обычно выступал он неплохо, но на этот раз насмешил всю конференцию.

— Я, товарищи, не встречал более принципиальной женщины, — сказал он с

решительностью, не допускающей возражений. — Я с Анной Андреевной имел дело,

когда она, извините, работала еще агрономом...

— А чего ж извиняться? — перебил его кто-то из зала.

Но Кудрявцев даже не обернулся на голос.

— А извиняюсь я за себя, вы поймете, — пояснил он, однако. — Товарищ

Гончарова женщина, как вы видите, в полном еще... Ну, словом, должен

признаться. Был такой случай, вздумал я как-то за ней поухаживать...

Делегаты оживились, один Узюмов нахмурился и вопросительно поглядел на

Анну — не прервать ли, но она пожала плечами, мотнула отрицательно головой —

пусть говорит.

— Смеяться нечего, я принципиальный случай рассказываю... — Было трудно

понять — доходит ли юмор рассказа до самого Кудрявцева, он не улыбался, на

его лице лежал отпечаток неподдельной серьезности. —
В общем, случился такой
случай. Я к ней с самыми чистыми намерениями, но в
Анне Андреевне никакого
отклика не нашел. И как же, вы думаете, она
поступила? Обычная женщина может
по морде дать. Другая заявленье в партком напишет.
А Анна Андреевна... —

Все — таки, должно быть, паясничал он сознательно,
совесть обязывала
рассказать случай, свидетельствующий о
принципиальности Гончаровой, но так
как сам Кудрявцев представал в невыгодном свете,
он предпочел придать
рассказу юмористический характер. — Анна
Андреевна не поддалась ни на какие
уговоры и... — Он не дошел еще до сути и нарочно
тянул ради вящего эффекта.

— Заставила меня перепахать весь озимый клин. Так и
так, говорит, вы меня
неправильно понимаете, Тимофей Иванович. Я, как
женщина, другому отдана и
буду ему верна, а вы, по причине некачественной
вспашки, будьте любезны,
перепашите озимый клин, иначе будете опозорены на
весь наш район и даже
выше.

— А ты что? — спрашивали Кудрявцева в разных
концах зала.

— А я что?.. Я себе не враг... — Кудрявцев
впервые улыбнулся. —

Перепахал. Женщина принципиальная, по деловым
вопросам переспорить ее
невозможно.

И уж если Кудрявцев публично признал
превосходство Гончаровой, это
значило много!

Зато Ксенофонтова пришлось отстаивать от
нападок Анне, — люди, его
знающие, извиняли ему резкость и даже грубость,

но многим он казался
чересчур невыдержанным и нетерпимым. Анне не без
труда удалось оставить его
кандидатуру в списке для тайного голосования.

К ее удивлению, Ксенофонтова избрали
единогласно, а против Анны
голосовало семь человек. Семь человек из двухсот...

Не так уж много и не так уж плохо. Если ты всем
приятен, значит, никому
не опасен, а никому не опасен тот, кто ничего не
хочет и ничего не
добивается. Анна боролась, строила, стремилась
вперед, и, естественно,
кому — то с нею было не по пути.

II

До чего глухо, гулко и неопрятно все в этом доме.
Полы в общем чистые,
их, должно быть, частенько драили до блеска, но вот
среди комнаты валяется
на полу папиросная коробка, а у стены ворох окурков
и обуглившихся спичек,
точно хозяевам некогда было вытряхнуть пепельницу.
Пачка старых газет. А в
углу паутина. Осталось от жильцов или паук успел
свить за время их
отсутствия? Удивительно пусто и неопрятно.

Анна медленно переходила из комнаты в комнату.
Пять комнат. Пять
просторных светлых комнат. Куда ей столько!
Она вошла в кухню. На столе батарея
поллитровых стеклянных банок.

Дверца стола отвалилась, висит на нижней петле.
Владельцы оставили стол. Не
нужен.

Просторно жили Тарабрины. Ну, спальня, ну,

кабинет. Ну, столовая...

Домашнюю работницу Тарабрины не держали, могли бы и на кухне обедать.

Подсобных помещений тоже с избытком...

Вчера под вечер Клаша вошла в кабинет и протянула Анне ключ.

— Семен Евграфович велел передать...

Анна сразу поняла — ключ от квартиры Тарабрина. Жена Тарабрина за

неделю до конференции перевезла вещи в Пронск. Но Жуков, должно быть, не был

уверен в избрании Анны, выжидая — кто окажется первым секретарем.

Да, кончился Тарабрин. То есть не сам он кончился, а кончилась его

деятельность в Суроже, секретари райкомов не возвращаются в районы, которые

когда — либо покинули.

Иван Степанович Тарабрин... Первый секретарь райкома. Много лет

проработал он в Суроже. Бывали у него здесь и взлеты и спады. Ругали его и

хваляли. Подвергался критике, получал награды... Всякое бывало!

А как он жил дома? Чем занимался, что читал, о чем думал?

Об этом Иване Степановиче Анна не знала ничего. Теперь она шла по

комнатам, в которых он совсем недавно обитал, спал, ел, разговаривал. А

теперь ей здесь предстоит жить...

Вот в эту угловую комнату, самую большую и светлую, поместит Нину и

Колю, в той, что глядит окнами в палисадник, устроит свой кабинет...

Кабинет! Анна улыбнулась. У себя в доме она может устроить себе кабинет!

Рядом спальня...

Анна вздрогнула, точно кто — то коснулся ее спины холодной рукой. Не

хочет она больше спать с Алексеем. Пусть живет в отдельной комнате!

После конференции Алексей избегал Анны. Вечером, когда она возвращалась, он спал или притворялся, что спит, утром торопливо уходил, раза два вообще не ночевал дома. Самой Анне тоже было недосуг, район требовал непрерывного внимания, и она все откладывала и откладывала разговор с мужем.

Да, решила она, Алексея поместит в отдельную комнату. Пусть живет, как хочет. Крыша над головой есть, а кормить — пусть кормит себя сам...

Она ходила по особняку, обдумывая, кого куда поселить. И вдруг почувствовала, что в квартире кто-то есть. Кто-то дышит в оставленной этой квартире. Может быть, кошка, оставленная хозяевами? Ну что ж, найдется место и кошке.

— Кто там?

Анна спросила громко, отчетливо и пошла к дверям...

В угловой комнате стоял Алексей. Она не слышала, как он вошел. Стоял неуверенно, виновато. Его точно пошатывало, хотя на этот раз он был трезв.

Он смотрел себе под ноги, не осмеливаясь глядеть на Анну. Но она видела, очень хорошо видела его растерянные, выцветшие глаза.

— Что тебе нужно?

— Анечка...

Она задала свой вопрос деловито, сухо, как задала бы его любому постороннему человеку, а Алексей окликнул ее жалобно, точно провинившийся ребенок.

— Анечка... — забормотал он быстро — быстро. —
Вот заживем теперь... Ты
меня прости. Ну, что с дурака взять? Ты же любишь
меня. Все будет в порядке.

Все на своих руках перетащу...

— Что перетащишь?

Ирония невольно зазвучала в ее голосе.

— Вещи!

Ирония не дошла до него.

— А я еще подумаю, стоит ли переезжать...

Она сама не знала, как вырвались у нее эти слова.

— Да ты что? — Он отступил от нее. — Ты что —
ненормальная?

— Мне с детьми хватает того, что есть... —
Подумать только! Он готов
был убить ее за то, что она не ушла из секретарей, а
теперь собирается
делить с ней квартиру! — А что касается тебя — мир
велик...

Алексей шагнул к жене.

— Анечка, не обижайся...

— А я не обижаюсь. Ты — отрезанный ломоть.

— У тебя на меня ножа не найдется...

— Ты сам себя отрезал от семьи.

— Анечка, поверь, заживем здесь...

Он не сомневался, что она простит, он привык к
тому, что Анна неизменно
его прощает.

И ей действительно опять стало его жаль! Ох, уж
эта жалость!

— Вот что, Алеша!..

Она решилась поговорить с ним, но тут зафыркала
машина, щелкнула дверца
и зазвенел звонок. Алексей рванулся было и тут же
вопросительно посмотрел на
жену.

— Открой, — сказала она.

Анна не ошиблась, это был Жуков Позвонил в
райком, узнал, что ее нет,
догадался, где она...

Жуков пожал руку Анне и Алексею.

— Осматриваетесь в новой квартире?

Она неопределенно пожала плечами.

— Осматриваемся.

Жуков энергично потер руки и засмеялся.

— Теперь будет удобно! — Он повел рукою вокруг себя. — Простор!

Анна читала его мысли. Он уступал Анне первенство до поры до времени.

Пока ее не постигнет участь Тарабрина. В конце концов дойдет очередь и до него. Он сам не прочь занять эту квартиру.

И Анне стало противно — и то, что ее меряют этой квартирой, и то, что вообще существует эта квартира, и то, что она сама распределила уже все эти комнаты.

Да разве она из — за положения не захотела бросить свой пост?

Она ничего больше не сказала Жукову и опять пошла по квартире. Хорошие комнаты Большие, светлые. На улице ветер, дом несколько дней не топили, но в доме тепло. Кухня такая, что в ней целую ораву накормить можно. Надворные постройки. Теплая уборная. Это тоже удобно, что теплая уборная...

— Да, хорошая квартира, — громко произнесла она, ни к кому, собственно, не обращаясь.

Жуков и Алексей следовали за ней, квартира действительно была хороша, и они понимали, что поддакивать не стоит, Анна сказала это скорее самой себе.

Она повернулась к Жукову, на мужа даже не посмотрела.

— Что ж, Семен Евграфович, — произнесла она с усмешечкой. — Поставим вопрос на бюро.

— Какое бюро? — Жуков махнул рукой. —

Квартира механически переходит...

— А я не поеду в эту квартиру, Семен Евграфович,
— неторопливо, но

твердо проговорила Анна. — Мне хватит моих комнат.
Женя учится в Пронске, а

Алексей Ильич с матерью... — Она не договорила. —
Стыдно перед товарищами из

промкомбината, да и перед райздравом тоже.
Тесновато здесь, конечно, но

ничего. Детский сад разместится, а на будущий год
пристроим еще две комнаты.

— Да вы что? — Жуков даже попятился. — Анна
Андреевна, да вам ни один

ваш преемник этого не простит!

Анна опять усмехнулась.

— А я не уступлю свой пост никому, кто не одобрит
моего решения!

— Да это просто глупо, — не сдержался Жуков. —
Не хотите вы, я займу, у

меня тоже, слава богу, семья. Детсаду здесь только
тесниться...

— Нет, Семен Евграфович, не согласна, —
упрямо сказала Анна. — Хоть

тесно, а все же детсад. Если хотите, это
принципиальный вопрос. Я не хую

Тарабрина, но этот стиль отживает. Пусть народ
видит, на что у нас

используются особняки...

Что-то в ее тоне было такое, что делало спор
бесполезным. И Жуков не

осмелился возражать.

И она пошла, не приглашая за собой ни Жукова,
ни Алексея и, пожалуй,

даже не замечая, что они все — таки следуют за ней.

Снег валил с первых дней декабря. Падал, падал, завалил Сурож сугробами, низкие дома замело по самые окна. Волков появился тоже весь в снегу, в цигейковой шапке, в коричневом дубленом пальто венгерской выработки, в теплых ботинках, со снегом на шапке, на плечах.

Шумно вломился в кабинет, румяный, довольный, смеющийся, снял шапку, отряхнул снег на ковровую дорожку и с протянутой ладонью пошел прямо на Анну.

— Принимаете старых друзей?

Он и вправду принадлежал к числу старых друзей. Ну, друзей не друзей, а к числу старых знакомых. Анна была знакома с Волковым лет пятнадцать.

Встречались они, правда, редко, но привыкли друг к другу, было о чем вспомнить, потому что при встречах ощущали взаимную доброжелательность.

В этот вьюжный декабрьский день Анна никак не ждала Волкова, хотя

Ксенофонтов предупреждал ее.

— Что-то, Анна Андреевна, сдается мне, с Давыдовским совхозом неблагополучно.

— Что такое, Григорий Федорович? — встревожилась Анна.

— Звонил Апухтин, вызывают в Пронск, боюсь, как бы его не того...

— Так какое же это неблагополучие, Григорий Федорович? Наоборот. Если бы областное управление совхозами не сопротивлялось, мы давно бы освободились от Апухтина...

Она попросила Ксенофонтова созвониться с Пронском, но он ничего еще не успел узнать, как в райкоме появился Апухтин.

Толстый, неуклюжий, встревоженный, по —
человечески он был даже чем — то
симпатичен, он всегда был полон благих намерений,
только у него никогда
ничего не получалось.

— Анна Андреевна, вызывают...

Обычно, когда на Апухтина наседали райком, он
бросался за помощью в

Пронск и всегда получал там поддержку. В райком он
обращался впервые, видно,

что — то изменилось.

Анна пригласила Ксенофонтова.

— Узнали что — нибудь, Григорий Федорович?

Ксенофонтов замялся.

— Да, собственно говоря, ничего не узнал. Звонил
в Пронск. Вызывают

действительно. С балансом, со всеми материалами.

— Думаешь, будут оргвыводы?

Анна вскинула на Апухтина глаза.

Тот жалобно посмотрел на Анну.

Ксенофонтов утвердительно кивнул.

— Похоже.

— Анна Андреевна... — умоляюще проговорил
Апухтин. — Райком вмешается?

— Не в вашу пользу...

Анна не боялась прямых ответов.

И вот через два дня появился Волков.

Конечно, приезд его неожидан, но можно
предположить, что приехал он

договариваться о приемнике Апухтину. Давыдовский
совхоз пользовался особой

благосклонностью Волкова, по всей видимости, он
хотел заручиться для нового

директора поддержкой райкома.

— Принимаете старых друзей?

— Спрашиваете, Геннадий Павлович! Вы редкий
гость...

— Теперь буду частый...

Волков засмеялся, весело, заразительно, ядрено.

— Извините, что прямо в одежде, очень не

терпелось пожать руку.

— Раздевайтесь.

Он тут же разделся, все шутил, посмеивался, вел себя так, точно

очутился не в служебном кабинете, а дома, у старых друзей.

Анна уже знала, что он скажет.

— Сняли Апухтина, удовлетворены?

— Давно пора. А кто вместо него?

Волков оттопырил большой палец.

— В—во!

— Любого не примем.

— А меня примете?

Анна досадливо поморщилась.

— Я серьезно спрашиваю.

— А я серьезно отвечаю.

— Нет, правда, без шуток?

— А я не шучу...

Неужели не шутит? Трудно принять его слова всерьез.

— Да кто вас отпустит?

— Обком.

— Есть решение?

— Завтра или послезавтра получите выписку.

Анна откинулась на спинку кресла.

— Нет, серьезно, Геннадий Павлович? Что произошло?

— В общем, ничего... — Волков заговорил серьезно. — Время суровое.

Требования повышаются, а мы стареем. Не выполнили совхозы план по области,

кто—нибудь должен же быть в ответе? Да и вообще. Приходится сокращаться в масштабах...

Что ж, Анна ничего не имеет против Волкова, он способный, знающий

агроном, у Давыдовского совхоза есть все возможности стать передовым

хозяйством, и при таком руководителе, как Волков, этого можно добиться в

короткое время.

Анна испытующе смотрела на гостя. Впрочем, теперь это уже не гость.

— Это в обкоме предложили вам Давыдовский совхоз?

Волков доверительно улыбнулся.

— Я подсказал, конечно...

— И вы согласились расстаться с Пронском?

— Меня оставляли, но ведь я агроном!

— Тянет?

— Тянет.

— И меня тянет, — призналась Анна. — Иногда так тянет...

Волков ласково на нее поглядел.

— Если иногда, еще не страшно.

— Ну что ж, беритесь, Геннадий Павлович, — перешла Анна на деловой тон.

— Райком окажет всяческую поддержку...

Район выигрывал, получая такого работника, теперь можно не тревожиться за совхоз.

Анна вызвала Ксенофонтова.

— Знакомьтесь, Геннадий Павлович, — сказала она, представляя ему

Волкова, — новый директор Давыдовского совхоза.

ЛШ

Разве партийный работник сумеет когда —нибудь высказать, что значит для него Пленум Центрального Комитета...

Он делает доклады, выступает на собраниях, разъясняет решения, все это верно, но разве это все?

То, что происходит в Москве, вызывает у секретаря какого —нибудь отдаленного райкома множество сложных

переживаний...

В том случае, конечно, если он коммунист не на словах, а на деле. Он читает, казалось бы, отвлеченный доклад, в котором намечаются пути дальнейшего развития страны...

А ведь в нем говорится и о его отдаленном районе! Может быть, район не упомянут, даже область не названа, а все — таки партработник находит и для себя совет за советом...

Не все, может быть, ляжет ему на сердце, но многое он в нем для себя почерпнет и, окунувшись назавтра с головой в практическую работу, будет уже и другим давать эти советы и требовать их осуществления.

Читает он и выступление руководителя своей области, тот тоже называет далеко не все районы, но секретарь райкома отлично видит, что это и за его район отчитывается секретарь обкома, и его отдаленный и как будто забытый район отражен в цифрах и фактах, которые приведены в выступлении. Это и его труд вознесен на трибуну Пленума!

Ох, какой беспокойной была эта неделя у Анны! Работы всегда много, от нее не спрячешься, не уйдешь. Анна аккуратно приходила в райком, выезжала в колхозы, но и в колхозах она старалась быть поближе к радио, прислушивалась к сообщениям из Москвы.

Усталая, вечером, дома, сидела она над газетами, читала опубликованные речи и искала в них ту рабочую правду, которая поможет ей в ее районных делах.

Это был очень важный Пленум и необычный, в ряду представительных

собраний партии он выделялся своей страстностью,
своей нетерпимостью к
недостаткам. Критика всегда была могущественным
оружием партии коммунистов,
но редко когда звучала она с такой деловой
беспощадностью, — людям надо было
очень вырасти, чтобы принять ее без обид и без оглядки
на других, отнести ее
к себе в полной мере.

Анна слушала радио, читала газеты и думала: мы
старались все сделать
постепенно, не торопясь, там немножко уменьшить
посев овса, тут немножко
увеличить посев кукурузы, мало верили в чужой опыт,
несмело доверяли себе.

Не хватало революционной решимости, а ее надо
найти в себе. Она понимала:

все, что требуется от нее, от тысяч таких, как она,
работников партии, все

это непросто. Но ошибки тоже не очень — то можно
оправдать, речь ведь идет о

хлебе насущном, сельское хозяйство надо вести так,
чтобы оно не зависело ни

от капризов природы, ни от небрежной работы
отдельных людей...

Ночь вступала в свои права, газета падала у нее из
рук. Засыпая, она

видела поля, свои сурожские поля, зеленые гроздя овса
и дорогу, бесконечную

дорогу от колхоза к колхозу, и почему — то
вспоминала Марью Петровну

Дорофееву, доярку из "Ленинского пути", лучшую
доярку в районе, скромную,

застенчивую женщину, которая никогда ничего не
просит, ни на что не

жалуется, а коровы у нее точно заколдованные — год
от году все больше дают

молока...

Наутро она просыпалась с ощущением какой — то
большей ясности и в самой

себе и в природе. День стоял серый, сумрачный, а у нее было ощущение, словно
вот – вот прорвется солнце, разведрится, откроются перед глазами полевые просторы – только выходи и работай.

Клаша приходила в райком раньше Анны. Посетители тоже ждали секретаря с утра. Клаша сразу приносила почту, газеты.

Подавая газеты, она вздохнула.

– Ох, Анна Андреевна...

Анна вопросительно взглянула на Клашу.

– Достается нам...

Пленум только что кончился. Пронской области действительно сильно

досталось, суровая была критика. Неужели оргвыводы? Анна ничего не нашла в

"Правде". Взяла свою областную, пронскую газету.

Передовая посвящена итогам Пленума. Без самокритики в такой передовой, разумеется, нельзя обойтись. Но все – таки обком упоминался как – то стороной.

Редактор не осмелился высказать всю правду в адрес обкома, зато управлению

сельского хозяйства и управлению совхозами учинен полный разгром.

Руководителям этих управлений не сносить головы, тут двух мнений быть не

могло. Впрочем, одного из них, Волкова, уже нет на своем посту...

Тем легче его громить, а ему принимать критику. Он мог спокойно

отсиживаться в Давыдовском совхозе.

Только теперь Анна начала понимать... Сам ли Волков принес себя а

жертву, или его принесли, но для руководителей области это был выход:

сосредоточить огонь на двух – трех работниках, снять их с работы и тем самым

отвести огонь от себя.

Впрочем, Волкову в Давыдове будет не так уж

плохо. Все есть в совхозе:

и техника, и люди, и неплохая земля. Вряд ли Волков настолько дальновиден, но получилось так, что он готовил цитадель для себя? В Давыдовском совхозе умный человек всегда сможет блеснуть.

А в том, что Волков будет работать хорошо, Анна не сомневалась.

Когда — то он хотел подарить Анне два улья... Себе он подарил целый совхоз.

LIV

После Пленума Центрального Комитета по всей стране прошла полоса собраний и заседаний, извлекались уроки, делались выводы, искали путей перестройки.

Вызвали и Гончарову в Пронск. Секретари райкомов приглашены были на пленум обкома, всем было понятно, что обком собирается на этот раз не для спокойного разговора.

Пассажиров в вагоне оказалось немного, а в купе, куда ее поместила проводница, и вообще никого не было. Но Анне не спалось, все думалось о трудной обстановке, сложившейся в области.

Она так и не заснула до самого Пронска. Проводница предложила чаю. Анна попросила два стакана, покрепче. Пленум назначен на двенадцать часов.

Только — только добраться до обкома.

Взяла такси, подъехала буквально за пять минут до заседания. Торопливо разделась и побежала по лестнице.

Впереди не спеша поднимался первый секретарь
Дубынинского райкома

Шурыгин. Он никогда не спешил, никогда не терял
чувства собственного

достоинства. Вот и сейчас, до заседания остались
считанные минуты,

опаздывать неудобно, а он идет себе и идет, не
торопится, будто без него

ничто не может начаться!

Анна хорошо знала Шурыгина. Даже завидовала ему
в глубине души. Костров

всегда ставил его в пример. "Учитесь у Шурыгина...
Смотрите, как у

Шурыгина... Берите пример с Шурыгина..." Хоть и
нехорошо завидовать

товарищу, но в какой-то степени он намозолил Анне
глаза. В самом деле, как

только развернешь областную газету, все Шурыгин да
Шурыгин. Что ни сводка —

дубынинцы впереди. По надоям, по вспашке, по
уборке. Переходящее Красное

знамя — Дубынинскому району. Лучшие люди — в
Дубынине...

Чем только Шурыгин брал? Может быть, в этой
уверенности в себе таился

залог его успехов?

Здоровый, плотный, ведь вот идет — не идет,
лестницу попирает ногами.

Анна кивнула ему на ходу.

— Погоди, Анна Андреевна, — остановил ее
Шурыгин. — Не торопись,

успеем...

Анна бросила взгляд на часы.

— Две минуты...

Шурыгин усмехнулся.

— Две минуты до смерти...

— До какой смерти?

— Сегодня нашему Петру Кузьмичу конец, —
веско проговорил Шурыгин. —

Похороны по первому разряду.

У Анны даже дыхание захватило при этих словах.

— Да ты что, Николай Евгеньич?..

— Диалектика жизни. Закон развития. Отстающих бьют.

Они вошли в зал.

Шурыгин прошел вперед — он всегда проходил вперед, как и полагалось

секретарю передового района, кивнул кому-то на сцене и сел в первом ряду.

Анна села с краю в самом конце и, заняв кресло, увидела, что сидит

рядом с Вершинкиным.

"Какая досада, — подумала она. — И надо ж было..."

Секретаря Мотовиловского райкома Вершинкина не считали в обкоме

перспективным работником. Костров откровенно его не любил. Уж очень это был

средний район! Средний район с тенденцией перейти в плохие. Еще не было

случая, чтоб Вершинкин рапортовал о каких-либо успехах. Во всех сводках

Мотовиловский район если и не стоял на последнем месте, то всегда находился

ближе к концу, чем к началу. Упорно поговаривали, что осенью обком не хотел

больше рекомендовать Вершинкина в секретари, но он оказался единственным, за

кого единогласно проголосовали все делегаты районной конференции, и Кострову

пришлось смириться с тем, что Вершинкин остался во главе райкома еще на один

срок.

Однако всю область облетели слова Кострова, сказанные им о Вершинкине:

— Потакает отсталым настроениям, вот и голосуют за него.

Вершинкин, в прошлом учитель, партизан, всегда с пеной у рта защищал

работников своего района.

Сегодня, когда вопрос стоял о самом Кострове и

противники Кострова

получили возможность обрушиться на него с полной силой, садиться рядом с

Вершинкиным не следовало. Костров неплохо относился к Анне, и ей как — то неудобно стало оттого, что Костров может подумать, будто она спешит примкнуть к его недругам.

— Привет, Василий Егорович, — поздоровалась Анна с Вершинкиным. — Не знаете, кто это там в президиуме?

— Новый секретарь, — шепнул Вершинкин. — Калитин. То есть пока еще не секретарь, но рекомендуют. А тот — из ЦК. Прохоров, замзавотделом...

Она с интересом посмотрела на Калитина. Задумчивое, большое спокойное лицо. Отличный черный костюм. Белая рубашка. Воротничок накрахмален. Даже галстук какой — то не такой, как у всех.

Она тронула слегка локтем Вершинкина.

— Уж очень барин...

— А ему по должности положено было, — шепнул Вершинкин. — Дипломат.

— Почему дипломат? — Она опять притронулась к Вершинкину. — Это тот Калитин?

— Ну, конечно, тот.

— А почему его к нам?

— А почему бы и не к нам? — переспросил Вершинкин. — Насмотрелся на капиталистов, злее будет. Их ведь не столько словом, сколько льном и пшеницей надо бить!

Никак не представляла себе Анна, что Кострова может сменить Калитин.

Она, конечно, читала о нем, встречала его фамилию в газетах. Он был послом в одной из крупных капиталистических стран... Ему приходилось ухо остро

держат! Но почему его послали в Пронск? Кажется, ничем не проштрафился...

Анна задала Вершинкину этот вопрос:

— За что ж все — таки его к нам?

— А за то, что не дурак, вот за что, — весело ответил Вершинкин. — Нам

умного человека давно не хватало. То есть — соответствующего ума. По

масштабам. Острого, критического, партийного...

Анна неуверенно покосилась на соседа.

— А вы думаете...

— Не я думаю, ЦК думает, — быстро отозвался Вершинкин. — А я привык

доверять ЦК. Впрочем, давайте слушать, — сказал он, усаживаясь поудобней. —

Начинается.

Костров поднялся и объявил об открытии пленума...

"Зачем только пришел он на пленум? — подумала Анна о Кострове. — Почему

не сказался больным? На январском Пленуме в Москве он подвергся жестокой

критике. А теперь выводы. Печальные выводы".

— У нас на пленуме один вопрос...

Все знали, что это за вопрос. Вопрос вопросов. Вопрос о руководстве

сельским хозяйством.

Что нового мог сказать Костров? Все уже было известно...

Однако он упрямо повторил все, что мог сказать каждый участник пленума.

Сокращение посевных площадей, низкая урожайность, запущенность

животноводства. В Заречье допустили массовый падеж поросят, в Покровке

посеяли на силос подсолнечник и ждали, когда поспеют семечки...

Костров задел даже своего любимчика Шурыгина. Оказывается, молоко,

проданное частниками, приходовали в Дубынинском районе как молоко, сдаваемое

колхозами. Правда, Костров оговорился. "Ходит такой слух, — сказал он. — Это еще надо проверить..."

А Шурыгин тут же подал реплику: "Неправда!" Что касается районов, вроде

Мотовиловского, то тут пощады не было. В Мотовиловском все было плохо:

надой, корма, ремонт. Костров приводил цифры, имена, факты. Ни одного светлого блика не было в нарисованной им картине...

И это была неправда. Были в этих районах изъяны, неудачи, но в

сравнении с прошлым хорошего тоже появилось немало. "У нас много ошибок, — с

огорчением подумала Анна о выступлении Кострова, — но ведь есть у нас и своя

честь? Неужели, если вымазать все черной краской, это и есть самокритика?"

Постепенно Костров превратился из обвиняемого в обвинителя. Он называл

плохие колхозы, упрекал секретарей, увлекся. Даже металл зазвенел в голосе...

Наконец он сделал паузу и сказал:

— А теперь позвольте коснуться своих ошибок...

Точно ему кто — то запрещал!

Костров поглядел на Прохорова. Тот молчал. Грузный, с морщинами в углах

рта, с набрякшими веками, он сосредоточенно смотрел куда — то на край трибуны.

У Анны создалось ощущение, что он все время в чем — то с Костровым не

соглашается. Но лицо его было непроницаемо, это был опытный, выдержанный,

вышколенный работник, взвешивающий каждое свое движение.

Анна опять перевела взгляд на Кострова. Металл в его голосе уже не

звенел, а дребезжал. Он заторопился, скороговорной повторил критические

суждения, какие были высказаны в его адрес в Москве,
но своих мыслей в связи
с этой критикой у него не нашлось.

"И зачем он только пришел? — думала Анна. —
Сказался бы больным. Никто
бы не попенял ему за это..."

Какая — то отчужденность от всего происходящего
чувствовалась в Кострове.

Он закончил выступление совершенно казенной
фразой о том, что — он
надеется! — пронские большевики исправят свои
ошибки, сплотятся и выполнят
стоящие перед ними задачи.

В этот момент Прохоров взглянул на Кострова.
Это был мимолетный,
мгновенный взгляд, но Анна уловила его: лучистый,
острый взгляд, мгновенно
оценивающий обстановку. Так вот кошка — греется
на солнце, кажется, ни до
чего ей нет дела, и вдруг открывает внезапно глаза и
через мгновение держит в
зубах воробья.

Не успел Косяченко спросить, кто хочет выступить,
как Шурыгин попросил
слова.

Этот за словом в карман не лез! Он заговорил и о
кукурузе, и о силосе,
и о льне и приписках, сказал, что нашел у себя в
районе председателя
колхоза, который покупал на стороне скот и
продавал его государству как
колхозный...

— Мы этого жулика выявили и исключили из
партии, — жестко заявил

Шурыгин. — Предложили прокурору района судить...

Потом он обратился к сводкам областного
статистического управления.

— А здесь липа покрупнее, — сказал он с
удовлетворением. — Вот как,
оказывается, был выполнен план сдачи льноволокна. На

складах облпотребсоюза

лежала прошлогодняя треста. Ее сдали и выполнили план...

Где он только нашел эту тресту?! Узнал от кого — нибудь...

— На это была получена санкция товарища Кострова, я уверен в этом, —

сказал Шурыгин. — А если так, чем он лучше нашего предколхоза?

"Ну и мерзавец, — подумала Анна. — Вот тебе и любимчик!"

Анна посмотрела на Кострова. Тот сидел спокойно, словно Шурыгин говорил

не о нем.

— Авантюризм, авантюризм, политический авантюризм, — несколько раз с

аппетитом повторил Шурыгин. — За такие вещи не освобождать, а исключать

надо...

Закончил он свою речь здравицей в честь ЦК.

Прохоров и на него взглянул. Но смотрел он на Шурыгина иначе, чем на

Кострова, сумрачно, исподлобья. Анна даже подумала: вот — вот он его оборвет.

Однако Шурыгин задал тон. Нашлись ораторы, которые наперебой принялись

припоминать Кострову все его окрики, все ошибки...

"Но ведь не всегда же он кричал зря, не всегда ошибался, — все больше

волнуясь, думала Анна. — Почему же никто об этом не вспомнит..."

Анна знала: на Вершинкина Костров частенько покрикивал. Она даже

поморщилась, когда Вершинкин тоже попросил слова.

Он как — то бочком подошел к трибуне, поднялся и, прищурясь, оглядел зал.

— Я решительно не согласен, — отчетливо произнес он. — То есть я

согласен с критикой, которая прозвучала на январском Пленуме в наш адрес. Но

я не согласен всю ответственность возложить на товарища Кострова. Эту ответственность мы несем наравне с ним. Если бы многие из нас честнее, лучше, а иногда и смелее работали, может быть товарищ Костров и не очутился в таком положении...

"Вершинкин говорит сейчас именно так, — подумала Анна, — как нужно было бы говорить всем".

— А в нашем районе, — продолжал Вершинкин, — нет случаев приписок и очковтирательства...

— Вы уверены в этом? — перебил его Прохоров.

— Уверен, — твердо сказал Вершинкин. — Показатели у нас не блестящие, но враньем мы не занимаемся. Мы воспитываем партийную организацию в духе непримиримости ко всякой лжи...

"И ведь он действительно не врет", — уверенно подумала Анна.

— Наш район не передовой...

— Всем известно! — выкрикнул Шурыгин.

— А вы помолчите, — сказал Шурыгину Прохоров. — Вы уже выступили!

— Наш район не передовой, — повторил Вершинкин, — но каждая тонна зерна, каждый центнер мяса, которые мы продали государству, есть действительный результат труда наших колхозников и рабочих совхозов. Но... —

Тут Вершинкин невесело усмехнулся, и горечь его усмешки дошла до самого сердца Анны. — Но мы в полной мере несем ответственность за все ошибки обкома. Мы проявляли примиренчество и соглашательство, мирясь с местом, которое занимали в сводках. Мы не завышали своих показателей, но если бы мы добились проверки показателей по другим районам,

многие не остались бы на
высоких местах. Таким образом мы тоже
способствовали обману и виновны в
самоуспокоенности, которой отличался товарищ
Костров.

Вершинкин и критиковал, и осуждал, но
говорил о Кострове с
уважительностью.

— Я не хочу ни оправдывать обком, ни
оправдываться, — продолжал

Вершинкин. — Есть решение об освобождении
товарища Кострова, и я с ним

согласен. Лично я посоветовал бы товарищу
Кострову спуститься на две

ступеньки пониже, не обижаться, а пойти поработать
туда, где непосредственно

создаются материальные ценности. Хочу также
обойтись без громких слов.

Партии они не нужны. Задача руководителя в
наших условиях — это

распространение передового опыта... — Он полез в
карман, достал блокнот. — Я

тут прикидывал. Мы в своем районе соберем
осенью зерна по двенадцать

центнеров, льна — по три, кукурузы на силос — по
четыреста центнеров.

Кукурузу посеем по чистым парам. — Он назвал еще
несколько цифр, произносил

их с кряхтеньем, с опаской и вдруг решительно сказал:
— А если не соберем,

заранее прошу дать мне по шапке.

Последние эти слова он сказал, сходя с трибуны.

После Вершинкина выступило еще несколько
человек. Следовало, как

говорится, закругляться. Список ораторов был
исчерпан, Кострову было выдано

по заслугам...

— Как, товарищи? — спросил Косяченко. —
Высказалось четырнадцать

человек...

— Хватит, — сказал кто-то из зала. — Подвести черту.

— Хотелось бы послушать товарища Косяченко, — сказал кто-то еще. —

Все-таки второй секретарь...

— А что я скажу? — тут же возразил Косяченко, как-то заискивающе, как

показалось Анне, улыбаясь. — Все ясно. Все сказано. Я полностью согласен с

решением ЦК. Полностью. Критика суровая, но справедливая. Теперь надо

засучить рукава. Отвечать делом, товарищи, делом...

Он без паузы предоставил слово Прохорову.

Тот медленно, точно нехотя, пошел к трибуне.

— Что ж, товарищи, мне, собственно, нечего добавить, — неторопливо

произнес он. — Вы все знакомы с решениями январского Пленума, знакомы с

критикой, касающейся неудовлетворительного руководства сельским хозяйством.

Такой критике подверглись руководители многих областей, в том числе и вашей.

В Центральном Комитете обсуждался вопрос. Принято решение освободить

товарища Кострова от обязанностей первого секретаря. У Центрального Комитета

нет уверенности, что он сможет обеспечить подъем сельского хозяйства. Судя

по выступлениям, члены обкома согласны с этим. В качестве первого секретаря

решено рекомендовать товарища Калитина...

Анна была разочарована. Она ждала, что Прохоров выстудит с большой

речью, проанализирует состояние сельского хозяйства в области, разъяснит

ошибки — и Кострова, и обкома в деле, а вместо этого — несколько слов,

согласие с выступлениями, сообщение о решении ЦК...

Косяченко сформулировал предложение:

— Товарища Кострова, как не обеспечившего

руководство сельским хозяйством, освободить от обязанностей первого секретаря и вывести из состава бюро.

Костров сидел, наклонив голову.

"Все — таки мужественный человек, — подумала Анна. — Не побоялся, пришел получить все полной мерой. Не всякий способен..."

Шурыгин поднял руку.

— Исключить из партии, — сказал он. — Я считаю, что Костров заслуживает исключения из партии.

"Ну и мерзавец! — опять внутренне возмутилась Анна. — Кому бы говорить, только не ему. Ведь он вознесен руками Кострова. Ведь все время Кострову в рот смотрел. Посовестился бы..."

Прохоров опять встал.

— Ну, почему же... — неодобрительно сказал он. — Разве товарищ Костров обманывал партию? Мы в это не верим. Злого умысла у него не было. Оторвался, зазнался. За это его и наказывают. Но исключать... По — моему, нет оснований.

За исключение не голосовал даже Шурыгин. Выбрали Калитина. Косяченко предоставил ему слово.

Чем — то он нравился Анне меньше Кострова. Уж очень спокоен. Как — то уж очень вежлив и обходителен. Подумать только, что происходит в области?

Снимают первого секретаря! Ведь это событие. Все волнуются. Анна хорошо чувствует, как все волнуются. А он идет себе к трибуне с таким лицом, будто ничего не случилось.

И вдруг Костров встал из — за стола президиума, сошел в зал и занял место в первом ряду. Демонстративно подчеркнул, что он посторонний уже человек в

Пронске. В поступке этом, пожалуй, не было ничего особенного, вывели человека из состава бюро, а он, так сказать, переместился теперь на то место, которое ему отведено. Но он сразу вооружил против себя Анну. Этот демонстративный рывок, этот выход из — за стола, это одновременное движение вместе с Калитиным — ты, мол, на трибуну, а я вниз, — были недостойны сильного человека.

Калитин сделал вид, что не заметил перемещения Кострова. Он далеко отставил стоящий на трибуне графин и заговорил.

Он поблагодарил пленум за доверие и сказал, что относит это доверие к той высокой рекомендации, о которой довел до сведения пленума товарищ Прохоров. Заверил, что будет работать, не покладая рук. Потребовал, чтобы другие тоже работали с полной отдачей...

Говорил четко, немногословно, привел последние данные областного статистического управления о состоянии посевов, — он успел их получить и ознакомиться с ними, — проанализировал их и перечислил рекомендации январского Пленума, которые, по его мнению, годились для Пронской области.

Анна мысленно прикинула — не повторится ли с ним то, что произошло с Костровым. Калитин выглядел как — то раздумчивее Кострова, не так категоричен, не так риторичен. Но... право же, самой себе она не могла поручиться, что прончане поменяли лапти на сапоги.

Все потянулись к выходу. Анна решила подождать, пока схлынет толпа. Она

боялась, что ее остановит Шурыгин, ей не хотелось с ним говорить. Мимо

прошел Калитин. Он оживленно беседовал с Прохоровым, но ей показалось, что

он задержал на ней взгляд. Анна продолжала сидеть. Те часы, которые она

провела сегодня в зале, дорого дались ей.

Иногда лучше не думать. Но не думать нельзя. Хорошо, что Костров пришел

на заседание, не оказался трусом. Но явная отчужденность от всего, о чем

здесь сегодня говорилось, доказывала, как, в сущности, чуждо ему было все,

чем жила область. Чиновник... Прислали в область — служил, Анна считала,

честно служил, старался, сколько мог, но не породнился ни с областью, ни с

людьми. Теперь поедет еще куда —нибудь...

Еще обиднее думать, что и Калитин может оказаться таким же. Посидит в

Пронске два — три года, пусть пять, свое отзвонит, и с колокольни долой. А

ведь одним умом, без сердца, народ не поднимешь. Она недовольна была и

Прохоровым. Он сказал — Калитина рекомендуют в Пронск. Но почему? Почему

именно в Пронск? Чем уж так особенно хорош Калитин для Пронска?

Не понравилось ей и поведение Косяченко. Он обязан был выступить. Он

охотно делил с Костровым успехи и не захотел делить неприятности.

Отмолчался.

Но самое ужасное, самое постыдное впечатление оставил у нее Шурыгин. К

нему она навсегда утратила уважение. Она не

заподозрила его в каком — либо

обмане, она верила, что дела в Дубынинском районе действительно хороши. Как

бы ни покровительствовал Костров Шурыгину, нашлись бы люди, которые вывели

бы Шурыгина на чистую воду, прибегни он к припискам и подтасовкам Но так

бесстыдно наброситься на Кострова, которому до январского Пленума пел одни

похвалы! Перед Прохоровым, что ли, хотел выслужиться?

Ох уж эти твердокаменные псалмопевцы! Такие только и норовят уловить,

как относятся к тому или иному товарищу наверху.

Они — то и избивают кадры.

Если бы не Вершинкин, они бы дали волю языкам.

А каков Вершинкин? Рекламирывать себя не умеет. Но честный человек.

Честный. Он теперь костями ляжет, чтобы собрать по четыреста центнеров

кукурузной массы. И его поддержат в районе! Все поддержат. Выбрали же его

единогласно секретарем вопреки желанию обкома. Как Костров его ни ругал, а

сам Вершинкин не отдал на избиение ни одного работника из района. Как ни

придирались, никто у него не пострадал. Значит, не за что было...

Поведение Вершинкина на пленуме было для Анны самым поучительным.

"Обязательно съезжу к нему в район, — пообещала она сама себе. — У такого

есть чему поучиться..."

Она сидела растерянная, задумчивая... Однако сколько ни сиди, а уходить

надо. Она поднялась. Пожалела, что Вершинкин, вероятно, уже ушел...

На лестнице ее нагнал Секачев.

— Анна Андреевна! Кирилл Евгеньевич просит вас задержаться.

Секачев был помощником у Кострова. Она не сразу поняла.

— Какой Кирилл Евгеньевич?

— Товарищ Калитин. Он просит вас обождать. Сразу вас примет, как только закончит разговор с товарищем Прохоровым.

Секачев запыхался. Должно быть, бежал, догоняя ее.

Анна поднялась в приемную Кострова. "Калитина, — мысленно поправила она

себя. — Теперь уже Калитина. Что ему нужно?" — подумала она.

Дверь открылась. Прохоров вышел, а Люся Зеленко тотчас впустила Анну.

Калитин шел ей навстречу.

— Товарищ Гончарова? Познакомимся. Кирилл Евгеньевич. А вас?

— Анна Андреевна.

— Анна Андреевна, — повторил он, запоминая имя.

Он повел ее к окну, придвинул к зеленой портъере стулья, пригласил сесть.

— Хочу познакомиться с вами, — сказал он еще раз. — Я приеду в Сурож.

Скоро приеду. Но знакомство с вами решил не откладывать. Вы не выступали. Я обратил внимание...

Это было странное предисловие, она не понимала, чем могла привлечь внимание Калитина.

— Вы что, сильно переживаете уход Петра Кузьмича? — спросил он. — Вы

очень живо реагировали на все происходящее. Я смотрел. На вас лица не было...

Анна покраснела. Она чувствовала, щеки ее горят. Неужели она не сумела

скрыть своих чувств? Обычно она отличалась сдержанностью...

Издали Калитин показался ей барином, спокойным, даже величавым, слишком

плавны были его движения и жесты. Но вот она увидела вблизи его серовато-голубые глаза, внимательный взгляд и поняла, что не вежливость, а отзывчивость выражалась у него во взгляде.

— Вы очень огорчены? — продолжал спрашивать Калитин. — Я наблюдал. Что именно вас разволновало?

— Было стыдно, — откровенно призналась она.

— Стыдно?

— Стыдно за секретаря Дубынинского райкома. Как же так можно, Кирилл Евгеньевич?

Она назвала его по имени легко, точно они были знакомы много лет.

Калитин насторожился.

— А что, у него что — либо не в порядке в районе?

— Нет, нет, — поспешила сказать Анна. — Я не знаю. Думаю, что в порядке. Он сильный работник. Во всяком случае, так все думают. Но я бы на его месте так не выступала.

— Вы считаете, он резко выступил?

— Ах, не то слово. Но ведь он был... Ну, как бы это сказать...

человеком Кострова. То есть опять не так... Костров выдвинул его. Верил ему.

Всегда ставил в пример...

— Тем объективнее, значит...

— Ну нет, это не объективность! Еще месяц назад он с пеной у рта защищал Кострова. Обрушивался на каждое критическое замечание в адрес

Кострова. Всему научился у Кострова, и сам же... Я совсем больна...

— Почему?

— Пропадает вера в людей...

Обеими руками Калитин взял руку Анны и погладил ее: было в этом жесте что-то дружеское, успокаивающее, Анне стала как

будто легче.

— Я скоро приеду к вам в Сурож, мы поговорим, — мягко сказал Калитин. —

Но а хочу дать вам совет. Как мне кажется, партийный совет. Всегда тяжело

видеть, как развенчивают твоего кумира...

— Почему моего? — возмутилась Анна. — Костров не был моим кумиром. Меня

просто возмущает, как легко его предали...

— Я не виню вас, но... Не сотвори себе кумира! Как бы вы ни уважали

человека, не превращайте его в непререкаемый авторитет. Бывает, ученик

вступает в спор с учителем и побеждает его.

Поэтому всегда и везде —

учитесь, учитесь, но живите своим умом.

Анна всплеснула руками.

— Но как же можно не верить в людей?!

— В людей — да, но никого не превращайте в пророка... — Добродушная и

вместе с тем лукавая усмешка мелькнула в светлых глазах Калитина. Он встал.

— Вы извините, но меня просто встревожил ваш вид. Нам еще о многом придется

поговорить, но если вы действительно чувствуете себя партийным работником,

если способны вести за собой массы, не возвеличивайте отдельных личностей, и

тогда не так страшны будут их ошибки. Верьте в людей. Живите для людей. Люден

иногда удается обмануть. Но только до поры до времени...

Он проводил Анну до двери, и, выходя от него, она подумала, что, может

быть, прончане все — таки поменяли лапти на сапоги.

Ничего не сумела бы Анна сделать, если бы в районе не выросли люди, которых неполадки в работе тревожат не меньше, чем Анну, и которые отдаются работе с такой же страстью, как и она. Гриша Ксенофонов всюду хочет успеть, нет, кажется, дела, к которому он равнодушен. Челушкин — теперь уже Григорий Федорович Челушкин — ведет хозяйство без мужицких побряхтываний и похмыкиваний, он скорее похож на кадрового офицера или, если уж применяться к мирному времени, есть в нем что-то от инженера — производственника: точность, ответственность, расчет. Милочка Губарева из "Рассвета" заочно кончает зоотехникум, еще год, два, и она будет заведовать фермой...

Анне есть на кого опереться. Впрочем, это не совсем точно. Люди идут плечом к плечу. Поди разберись, кто кого подпирает! Тут и люди, тут и техника. Надо вводить в строй кирпичный завод. Не дают покоя газеты. Торговля, школы, учителя, агрономы... Посетители идут косяком, а ведь с каждым надо разобраться в отдельности. То ее вызывают на совещание, то самой надо совещание проводить. Вернулась из Пронска, надо готовиться к выборам в Советы...

Анна только собралась было позвонить в обком, как в кабинет вбежала Клаша.

— Пронск на проводе!

Анна недовольно посмотрела на Клашу.

— А с ума — то чего сходить? — Она взяла трубку. — Гончарова у телефона.

— Анна Андреевна? — Она услышала знакомый бархатистый басок. — Это

Косяченко. Как там у вас с подготовкой к выборам?

— Все в порядке, Георгий Денисович, — отвечала Анна. — Вас, собственно, что интересует?

Анна хорошо знала, что интересует Георгия Денисовича.

— Мне ведь, пожалуй, пора к вам? — спросил Косяченко.

— Пора, пора, — согласилась Анна. — Вы ведь у нас баллотируетесь?

— Вот я и вспомнил, — добродушно произнес Косяченко. — Собираюсь завтра, успеете подготовиться?

— Больно уж срок мал, — ответила Анна. — Может, послезавтра?

— Послезавтра не могу, бюро. А позже и того хуже. Совещание в редакции.

В сельхозуправлении. Должны приехать из Москвы. Вы уж как —нибудь постарайтесь.

— Да уж ладно, — согласилась Анна. — Приезжайте.

Она тут же позвонила в Светловский совхоз, где баллотировался Косяченко.

— Вы там приведите все у себя в порядок, — предупредила она. — Приеду ведь с Косяченко, обязательно пойдет по хозяйству. Он агроном, его одной чистотой не возьмешь, знает, что к чему...

Когда Косяченко, тяжелый, веселый, розоволицый, неожиданно вошел в кабинет, еще не было десяти часов.

В темно — сером пальто, в шляпе, а белых фетровых сапогах, он размашисто прошагал по ковровой дорожке и через стол протянул Анне руку.

— Прошу любить и жаловать!

— Когда же вы поднялись? — удивилась Анна. — Мы к обеду ждем...

— Да я уж давно забыл, когда нормально вставал, — весело ответил

Косяченко. — Мы ж батраки. Думаете, нам в обкоме вольготнее?

Он вернулся к двери, поискал вешалку.

— Вон... — Лицо у Анны зарумянилось. — Купили обстановку...

Только тут обратил внимание Косяченко на новенький платяной шкаф.

Он бесцеремонно открыл дверцу. На плечиках висели два пальто, одно

нарядное, беличье, другое расхожее, коричневое, из дубленой овчины. Внизу —

туфли, ботики, на верхней полочке — духи, пудра, зеркальце.

Косяченко засмеялся:

— Дама, ничего не поделаешь... — Не спрашивая разрешения, повесил в

шкаф и свое пальто. — Как с молоком? — поинтересовался он, возвращаясь к

столу. — Сводочка где?

— Я без сводки помню, — сказала Анна. — Девяносто и две десятых.

— Не дотягиваем? — посочувствовал Косяченко.

— Корма, — объяснила Анна. — На нашем силосе далеко не уедешь.

— Ничего, ничего, — утешил ее Косяченко. — Не попасть бы только в печать.

Он заметил смущение Анны.

— Ничего не поделаешь, на ошибках учимся, — привычно выдал он

индальгенцию и даже подобрел. — В крайнем случае подбросим вам концентратов.

Он заглянул в окно.

— Как дорога? Не застрянем?

— Вы на "Волге"?

Косяченко кивнул.

— Обязательно забуксуем. Нет уж, поедем на нашем "газике".

— Все организовано?

Анна усмехнулась.

— Разве Завалишин подведет?

— А со снабжением как?

— Вы что имеете в виду?

— Все. И продукты и промтовары.

На этот раз иронически прищурилась Анна, ее рассердил этот вопрос.

— На уровне, — холодно сказала она — На уровне, Георгий Денисович.

Ненужный вопрос, подумала она. Пустой вопрос. Точно он не знает, что

завозится в Сурож. Небось сам лимитирует товары для районов. Знает лучше ее

и спрашивает...

— Нет, я серьезно, — повторил Косяченко. — Нареканий не будет?

— Конечно, будут, — подтвердила Анна. — Людям есть на что жаловаться.

— У вас Ксенофонтов сидит на снабжении? Вы все — таки позовите его, —

распорядился Косяченко — Пусть даст мне справочку по району.

LVII

"Газик" катился, как колобок, от вешки к вешке, от деревца к деревцу,

лишь кое — где подскакивая на рытвинах да разбрасывая по сторонам грязь.

Дорога была плохая, снегу мало было в этом году, да и тот, что покрывал

иногда поля и дорогу, быстро таял, точно не выносил прикосновения к земле.

Лукин не слишком торопился и заранее тормозил перед каждой

сколько — нибудь заметной рытвиной — как — никак

вез он секретаря обкома,
товарищ Косяченко не баловал частыми наездами их район!

Косяченко всю дорогу выговаривал Анне: плохо с ремонтом, со снабжением,
с семенами, плохо, наконец, с дорогами, черт возьми!
Как думают они по таким
дорогам перегонять технику?!

Анна вежливо слушала, она могла бы объяснить, возразить, но не спорила,
не возражала, хорошо знала — чем дальше в лес, тем больше дров. Начни она спорить — Косяченко примется ставить перед ней конкретные задачи, чего доброго, определять сроки, запишет для памяти, и тогда, хочешь не хочешь
тянись, а так, — начальственный басок рокотал и рокотал, точно патефон за стеной. Сама — то она знает, что ей делать!

"Газик" проскочил массивные ворота, украшенные затейливой лепкой, сохранившейся еще от времен, когда здешними землями владели графы Воронцовы, въехал на просторный усадебный двор и замер перед конторой.

Директор совхоза Грачев, секретарь парторганизации Завалишин и прочие большие и малые начальники Светловского совхоза ждали гостей у крыльца.

— Вот, добрались... — многозначительно сказал Косяченко, словно преодолел по пути бог весть какие препятствия, и принялся ласково пожимать всем руки.

— Как, Николай Николаевич, все в порядке? — вполголоса спросила Анна, здороваясь с Завалишиным.

— Ждем, ждем, — успокоительно ответил тот.

— Я не знаю, как у вас?.. — в тон ей осведомился Косяченко. —

Познакомимся с хозяйством или сразу начнем?

— Нет, нет, люди собираются, — категорически заявил Завалишин. —

Хозяйство потом.

— Решайте, — дисциплинированно согласился Косяченко. — Вам виднее.

— Может быть, перекусить? — неуверенно предложил Грачев.

Косяченко отказался:

— Потом, потом. Прежде всего дела.

Не заходя в контору, пошли в клуб. Народ толпился у входа. Хихикали в пестрых платках девчата, должно быть, они впервые участвовали в выборах.

Неподалеку куражился чубатый парень с баяном, то наигрывал, то замолкал, пытаясь проникнуть в помещение. Две старухи в темных шляхах приблизились к двери, постояли и, только что не перекрестились, истово, как будто входили в церковь, переступили порог.

В зале было полно. Завалишин недаром два года работал в райкоме инструктором, знал, что такое стопроцентная явка. Все комсомольцы с утра были на ногах.

Кто постарше терпеливо ждали начала собрания. Молодежь, собравшись у дверей, чтобы посвободнее выходить и входить, пела вполголоса песни. У

сцены, заняв по одну сторону от прохода два первых ряда, расположился

оркестр учеников средней школы. Были тут и духовые, и струнные инструменты,

балалайка соседствовала с трубой. Руководитель оркестра, молодой человек,

преподаватель пения в школе, недавно окончивший музыкальное училище,

беспокойно поглядывал на входную дверь. Он уже раза три принимался стучать

пальцем, требуя от музыкантов внимания. Едва приехавшие, сопровождаемые местным начальством, показались в дверях, он стукнул по стулу, взмахнул рукой, и оркестр, хоть и не очень стройно, заиграл туш.

Косяченко недовольно поглядел на Анну. Она с трудом сдержала улыбку.

— Это еще что за свадьба? — тихо спросил он, торопливо пробираясь к сцене.

Анна, сделав серьезное лицо, обернулась к Завалишину.

— Николай Николаевич!

Завалишин понял.

— Перестаньте, — негромко пробормотал он, проходя мимо оркестра. —

Соображать надо.

Но Косяченко успел — таки подняться на сцену под звуки труб.

— Будем начинать? — спросила Анна.

— Конечно, — сердито сказал Косяченко. — Тянуть нечего.

— Собрание кто будет вести — Федосья Абрамовна? — осведомилась Анна.

— Она, — подтвердил Завалишин.

Федосья Абрамовна Долгунец была в совхозе председателем рабочкома, до

этого она работала бригадиром полеводческой бригады, а в давнем прошлом

начала свою деятельность в совхозе кухаркой на полевом стане.

Она была грубовата, а иногда и до смешного упряма, но в совхозе ее

уважали за одно отменное качество — Федосья Абрамовна никогда и ни в чем не искала для себя личной выгоды.

Широколицая, румяная, толстая, она постучала пустым стаканом по графину

с водой и уверенно произнесла:

— Разрешите, дорогие товарищи, собрание наше,

посвященное встрече с

кандидатами в депутаты в областной и районный Совет, объявить открытым.

Какие у кого будут соображения по поводу президиума?

И сразу посмотрела в сторону Тамары Родионовой. Тамара была секретарем

комсомольской организации, и именно ей было поручено внести предложение о

составе президиума. Тамара огласила список, проголосовали, все заняли свои

места, и Федосья Абрамовна предоставила слово Жилкину, лучшему трактористу

совхоза и доверенному лицу, для характеристики кандидата в депутаты

областного Совета.

Анна не один раз слушала биографию Косяченко, то при выборах обкома, то

при выборах в областной Совет, но как — то никогда не вдумывалась в жизненный

путь этого человека. Косяченко полагалось избирать, и она избирала его, не

затрудняя себя раздумьями — действительно ли достоин он избрания. Косяченко

занимал большое общественное положение, был, так сказать, вторым человеком в

области, пользовался доверием наверху, и за долгие годы Анна привыкла

думать, что это доверие не нуждалось ни в критике, ни в проверке.

Сейчас Анна как бы заново вслушивалась в рассказ о жизни Георгия

Денисовича Косяченко. Что — то изменилось в ней самой за последние месяцы, все

меньше хотелось жить чужим умом, какой бы большой, хороший и честный ум это

ни был.

А Костя Жилкин убежденно и обстоятельно знакомил собравшихся с

биографией товарища Косяченко.

Родился в 1913 году, по происхождению крестьянин. Окончил в 1931 году сельскохозяйственный техникум, работал агрономом, вступил в партию. С 1933 года в Москве — для продолжения образования. В 1938 году по окончании Тимирязевской академии направлен в одно из западных областных управлений сельского хозяйства. Вскоре назначен заместителем заведующего управлением, затем инструктором сельхозотдела обкома, В 1940 году заведует областным управлением сельского хозяйства в Белоруссии. С 1941 года в армии, на политработе, демобилизован вследствие контузии. С 1943 года заместитель заведующего, а затем заведующий сельхозотделом обкома на Средней Волге. В 1947 году заведует сельхозотделом на Урале. В 1951 году — третий секретарь одного из обкомов Центральной России, затем заместитель председателя облисполкома. В 1954 году председатель облисполкома и с 1957 года — второй секретарь в Пронске...

Хорошая, спокойная анкета! Все прочно в этой анкете, как прочен и сам

Косяченко. Он плотно сидит на своем стуле и благожелательно посматривает в

зал. Время от времени он опускает веки, тень скуки проходит по его лицу, но

он тут же открывает глаза и принимается вновь внимательно слушать Жилкина.

Да, анкета... Не хватало в ней только дел, которые украшают

человеческую жизнь: вывел морозоустойчивую пшеницу, создал молочную породу

скота, да хоть бы и не создал, а восстановил поголовье в большом хозяйстве,

написал книгу, вырастил, выучил, воспитал десяток, да

хотя бы и не десяток,
а двух — трех хороших работников, которые своими делами славят своего учителя,
обезвредил врага, преградил дорогу вражеским танкам... Хоть бы что —нибудь конкретное, осязаемое, что можно реально себе представить и за что можно уважать человека! А то ведь, если подумать, все из канцелярии да в канцелярию...

Анна не понимала, почему в ней возникло вдруг такое предубеждение против Косяченко. Она относилась к нему точно следователь, все берущий под подозрение. Ведь кому — то, очевидно, и в канцеляриях надо сидеть и руководить. Или, может быть, всех надо пропускать через живую воду творческого производительного труда?

Вслед за Жилкиным выступали другие доверенные лица, рабочие и служащие совхоза, и говорили о других кандидатах, рабочих и служащих совхоза, выдвинутых в депутаты районного Совета. Но о тех кандидатах можно было говорить очень коротко, потому что все в совхозе отлично знали друг друга.

После каждого выступления избиратели аплодировали, а музыканты играли туш. Потом Федосья Абрамовна предложила задавать вопросы.

Вопросов было не так уж много. Скоро ли откроются ясли во втором отделении совхоза? Когда школа будет работать в одну смену? Отчего не строят прямую дорогу до Сурожа? Почему депутаты редко отчитываются перед избирателями? Как выполнен предыдущий наказ избирателей?

Выступить первым полагалось бы Косяченко...

Он наклонился к Анне.

— А что там было в наказе? Я что — то запомнил...
Анна сомневалась, читал ли вообще Косяченко этот наказ.

— Я выступлю первой, — предложила она ему. —
Отвечу по поводу всяких
местных дел, а потом уж вы...

Но тут подняла руку старуха в коричневой шали,
одна из тех старух,
которых она заметила при входе в клуб.

— До каких же это пор Вохмянцеву все будет
сходить с рук? — раздраженно
спросила старуха скрипучим голосом. — До каких
пор шифонеры и телевизоры
будут пропадать в городе?

— Кто это — Вохмянцев? — тихонько осведомился
Косяченко у Анны.

— Председатель райпотребсоюза, — так же
тихо пояснила она. —
Телевизоров не хватает...

— Комбинатор ваш Вохмянцев, вот что! — не
унималась старуха. — Хочу
спросить вас, товарищ Косяченко... — продолжала
бушевать старуха. Фамилия

Косяченко называлась в течение собрания
неоднократно, она не могла не

слышать и, как показалось Анне, больше из озорства
произносила не Косяченко,

а Косяченко. — Вот хочу спросить, товарищ
Косяченко, кто он вам — сват али

брат али телевизор справил вам из — под прилавка?

Федосья Абрамовна сочла нужным вмешаться.

— Мы вас, Агафья Филипповна, в лавочную
комиссию введем, — решительно
сказала она. — В следующий раз сами все о
телевизорах объясните.

В зале засмеялись.

Старуха только ладошкой махнула.

— Да ты что, мать моя, мне недосуг...

Смутилась и замолчала.

Федосья Абрамовна предоставила слово Гончаровой.

Анна уверенно подошла к трибуне. Она привыкла выступать, всегда

находила что сказать, нашла и на этот раз, но сейчас — она чувствовала это —

ей надо было преодолеть в себе какую-то связанность, она сама не понимала,

откуда вдруг возникло в ней это ощущение.

— Ну, товарищи, — начала она с шутки, — если Агафья Филипповна не хочет

больше жить без телевизора, значит, не так уж все у нас плохо...

Анна не знала старухи, не успела навести о ней никаких справок, но в

ней выработалось умение ничего не упускать из поля зрения, она слышала, как

назвала старуху Федосья Абрамовна, запомнила ее имя, и первая же фраза

помогла возникнуть ощущению близости между Анной и слушателями.

Как бы походя Анна ответила на многие тревожившие людей вопросы — о

дороге, о яслях, — давая попять, что нет смысла отвлекать гостя такими

незначительными, в сущности, делами. Ей важно было перебросить между

избирателями и Косяченко мостик, по которому ему легко будет подойти к

людям, и она сделала это, внимание людей перенеслось от частных к общему,

Анна вовремя остановилась, а догадливая Федосья Абрамовна тут же

предоставила слово Косяченко.

Нет, такой уверенностью в себе ей никогда не владеть!

Вот он поднялся, вот пошел, вот стал на трибуне. Вроде бы потоптался на

ней, уминая ее поудобнее Анна поднялась, налила в стакан воды, поставила

перед Косяченко, она искренне хотела, чтобы он

выступил возможно удачнее...

Косяченко ничем не ответил на ее любезность, сделал вид, что ничего не

заметил, но Анна отлично понимала, что он и заметил, и оценил ее внимание.

Он заговорил о больших государственных задачах, поставленных перед

советским народом, выразил надежду, что задачи эти будут решены. Сослался на

решения партии и правительства и было очевидно, что он не только не один раз

прочел их и перечел, но и хорошо продумал. Потом он перешел к положению дел

в области и тоже обнаружил хорошее знакомство со всеми проблемами. Он

правильно нацеливал внимание людей на все то, что надо делать в первую

очередь. Он без паники, с достоинством перечислил упущения обкома в

руководстве сельским хозяйством. Не забыл упомянуть даже о телевизорах. Он,

конечно, ничего не мог сказать о Вохмянцеве и не знал, куда деваются

телевизоры, получаемые Сурожским райпотребсоюзом, но помнил данные о выпуске

телевизоров по всей стране и привел цифры, доказывающие, как год от году

увеличивается завоз телевизоров в Пронскую область.

Анна смотрела на розовую складку на его шее и упорно думала, чем же

Косяченко стал ей несимпатичен? Никогда он не причинял Анне неприятностей,

наоборот, всегда похлопывал ее по плечу. В переносном смысле, конечно,

как — никак она была женщиной. Он вообще никому не причинял неприятностей. Но,

с другой стороны, никто не мог быть ему особенно благодарен. Никого он в

беде не поддерживал, никогда и ничем не рисковал... Он умел подносить

подарки: даст конфетку с таким видом, точно подарил "Волгу". Такое у него

было чувство собственного превосходства!

В общем, Косяченко выступил хорошо. Все, что он говорил, было

правильно, разумно и понятно. Ему аплодировали энергично и дружелюбно. Чего же еще с него требовать!

После собрания Косяченко и Анна обошли хозяйство, Георгий Денисович

бросил в адрес совхоза несколько критических замечаний, но сделал их на

ходу, между прочим, не захотел портить праздничный день, затем они пообедали

в общей столовой, у всех на виду, пригласив за столик, к себе Лукина,

приветливо распрощались и с сознанием выполненного долга покинули

Светловский совхоз и тронулись в обратный путь.

LVIII

Смеркалось. Густая дрожащая тень бежала впереди машины, то удлиняясь и

уносясь в бесконечность, то бросаясь под самые колеса Ветлы по обочинам

становились все крупнее и крупнее.

Лукин сосредоточенно смотрел вперед. На дороге чернели выбоины. Он

ловко их объезжал, не сбавляя скорости, и загодя зажег фары.

— С машины хорошо на зайцев охотиться, — лениво заметил Косяченко. —

Заяц бежит в луче и никогда не свернет в сторону.

Анна посмотрела через стекло, одни ветлы выплывали из мрака в свете

дрожащего луча.

— А вы часто так охотились?

— Нет, — сказал Косяченко. — Но я слышал.

Он был в благодушном настроении, ему хотелось сказать Анне что —нибудь

доброе, она хорошо провела собрание.

— Ксенофонтов все — таки слаб, — сказал он. — Ему далеко до вас.

Косяченко хотел этим сказать, что он выделяет Анну из всех работников

района, что поддержка ей с его стороны обеспечена.

— Ну, почему же! — возразила Анна. — Он еще не освоился, но из него

получится сильный работник.

Косяченко достал коробку с папиросами.

— Вы разве курите? — удивилась Анна.

— Редко. Только когда уж очень хорошее настроение, — объяснил он. —

Говорят, никотин один из возбудителей рака. — Он закурил. — Сегодня вот

хочется... — Косяченко протянул Анне коробку с папиросами. — Закуривайте.

— Что вы! — Анна засмеялась. — Муж меня из дома выгонит...

Дорога свернула в редкий лесок, чахлые елки разбежались по сторонам,

снежная пелена и небо сливались где — то за ними, все располагало к дреме.

Но Косяченко не хотел спать.

— Надо почаще вызывать в райком председателей колхозов, — сказал он,

попыхивая папироской. — Обмен опытом. Собирайте лучших людей, пусть делятся

друг с другом...

Он принялся давать советы. Не слишком оригинальные, но опять — таки

правильные. Анна еще раз убедилась, что он внимательно изучил материалы

январского Пленума. Сам или не сам, но он извлек из них много практических

рекомендаций, полезных для области.

Анне почему — то не хотелось отвечать. Она не считала себя умней

Косяченко, но она уже и читала, и слышала все, что он говорил. Из вежливости

она только кивала головой.

Должно быть, Косяченко убаюкал самого себя, он говорил все медленнее,

все отрывистее, наконец смолк совсем. Однако он не спал, даже не дремал. Он

сидел с раскрытыми глазами. Просто выговорился. Лицо его выражало полное удовлетворение жизнью.

"Должно быть, у него вся жизнь, — с раздражением подумала Анна, — и в

самом деле текла без сучка без задоринки. Таких людей любят в отделах

кадров, их на всякую работу примут и в любую экспедицию пошлют, придраться

не к чему! Только сами — то они не во всякую экспедицию едут".

А "газик" катил и катил вперед. Лесок кончился, машина снова выехала на открытое место.

— Скажите, Георгий Денисович, — вдруг спросила Анна. — А вы не боитесь, что вас не выберут?

— Что? — Косяченко не спал, но он точно очнулся. — Я вас не понимаю.

— Ну, забаллотируют, — объяснила она. — Вдруг избиратели не проголосуют

за вас. Чем — то вы вдруг не понравились, и вас вычеркнут...

Молчание длилось секунду, и вдруг Косяченко захохотал так искренне, так

заливисто, что оглянулся даже невозмутимый Лукин.

— Да вы что? Всерьез? — воскликнул Косяченко. — Не смешите! Да разве

наш народ способен проголосовать против Советской власти?

Косяченко искренне был убежден, что он и

Советская власть одно и то же!

— Подождите, Георгий Денисович, — попыталась
объясниться Анна. — Вы

извините, но, с точки зрения рабочих совхоза, вы
ведь не выполняете

депутатских обязанностей. За два года даже ни разу не
побывали у них.

— Ну и что? — перебил ее Косяченко. — Зато вы
бывали. Разве это не одно

и то же?

— Но вы — то не оправдали их доверия...

— То есть как? — К счастью Анны, Косяченко не
принял ее слова всерьез,

он решил, что она затеяла разговор в шутку. — Я
руковожу областью. И, как

видите, меня не снимают. Выходит, оправдываю
доверие?

Анна никак не могла выразить свою мысль.

— В общем и целом это так. Но ведь людям из
совхоза нужны ясли и нужен

мост, и не вообще ясли, а во втором отделении, и не
вообще мост, а через

Серебрянку.

Косяченко улыбнулся.

— Вот вы и стройте...

Нет, он не хотел ее понять, люди в совхозе для него
ничто, все люди для

него на одно лицо, и, увы, он тоже для них ничто,
не столько Георгий

Денисович Косяченко, сколько абстрактный символ
Советской власти.

"Да, — подумала Анна, — этот и обанкротится, а в
отставку не подаст.

Будет всюду ходить и доказывать, что и гром был, и
град, что сам черт ему

помешал! Самодовольство в нем разрослось как
опухоль, его не истребить

никакими лекарствами".

— Я не согласна с вами, Георгий Денисович, —
не сдержавшись, резко

сказала Анна. — По — моему, каждый коммунист должен приносить обществу какую — то конкретную пользу.

Кажется, только в этот момент Косяченко понял, что Анна не шутит, что ее терзают какие — то сомнения, может быть, даже пожалела о своих необдуманных словах — уважения Гончаровой он терять не хотел.

— Вы правы. Анна Андреевна, я пошутил, — сказал Косяченко. — Как депутат я, конечно, был не на высоте. Но ведь не разорвешься! Сами знаете, как мы все загружены. С вашей помощью на этот раз постараюсь не осрамиться.

Косяченко был неглуп, по тону Анны он догадался, что только прямой, серьезный разговор способен вернуть ему ее уважение, и он охотно это сделал

— признание вины без свидетелей не могло умалить его авторитет.

Но Анна ему не поверила. "Газик" мчался вперед, приближался к Сурожу.

Больше они не разговаривали. В Суроже Косяченко сошел на минуту, забежал в райком. Анна из вежливости ждала его у машины.

Обычно Лукин не вмешивался в разговоры, которые ему приходилось слышать. Но тут он не выдержал.

— Эх, Анна Андреевна! — неожиданно произнес он. — Осуждаю я вас...

Анна знала, что Лукин ее осуждает. Она не разрешила райисполкому выделить Лукину покос для коровы. Впрочем, как и другим частным владельцам.

С этого времени Лукин недолюбливал Анну. Но на этот раз, оказывается, Лукин осуждал Анну из других соображений.

— Неправильно вы разговаривали, — вырвалось у него. — Такие начальники, как Косяченко, не любят таких разговоров, будет он

теперь вам ставить палки
в колеса, увидите!

LIX

Проводить Косяченко вышли и Ксенофонтов, и Жуков, оказавшийся в кабинете у Ксенофонтова. Подошла "Волга", на которой Косяченко прибыл из

Пронска Минут пять он прощался, взявшись за ручку дверцы, давал последние наставления. Потом пожал руки Анне, Ксенофонтову, Жукову. Красные огоньки мигнули на повороте и исчезли в ночи.

— Как, удачно? — поинтересовался Ксенофонтов, имея в виду поездку Анны в совхоз.

— Да, все в порядке, — подтвердила она. — Все, в общем, в порядке.

— По домам? — спросил Жуков.

— Да, конечно, — согласилась Анна. — Можно отдыхать.

Она попрощалась со своими собеседниками и неторопливо пошла домой.

У Анны был свой ключ, но дверь оказалась запертой изнутри на щеколду;

вечером свекровь или Ниночка, по примеру бабушки, обязательно запирали дверь на щеколду.

Анна позвонила.

За дверью послышался легкий шорох.

— Это ты, мамочка?

— Я, доченька...

Все — таки от детей исходило удивительное, ни с чем не сравнимое тепло!

Было еще не очень поздно. Ниночка читала, на диване лежала ее книжка,

Коля мастерил на полу какой — то ящик. Дети подошли к матери, приласкались к ней, она редко бывала по вечерам дома.

На кухне еле слышно возилась свекровь, она не вышла навстречу Анне. В

последнее время она старалась поменьше попадаться невестке на глаза.

— Папа дома?

— Нет...

Чем ниже опускался Алексей, тем неприметнее пыталась сделаться Надежда

Никоновна. Громоздкая, широкоплечая женщина, она точно съежилась, стала

молчаливой, сговорчивой старухой. Она потеряла уверенность в сыне и раньше

Анны учуяла зыбкость его положения.

Старуха не могла не понимать: при таком муже Анна была еще хорошей

женой. Хорошей жене полагалось терпеть плохого мужа, и Анна терпела, самые

ревностные блюстительницы домостроевских правил не смогли бы к ней

придраться. Но Анна к тому же была еще начальством, и немалым начальством.

Многих таких, как Алексей, она могла лишить работы и даже отдать под суд.

Это Надежда Никоновна тоже понимала. Крушение Алексея означало бы и ее

крушение: ей некуда было деться и трудно было бы найти себе кусок хлеба.

Анну она недолюбливала, первое время только что терпела, но теперь Анна

стала оплотом дома. Приходилось смотреть из — под ее рук. Старуха это и делала

Какая уж теперь Анна невестка. Теперь Анна — начальство. Надежда Никоновна

больше не осмеливалась делать ей замечания, все более превращаясь в

безответную домашнюю бабку.

— Ужинать — то будете? — спросила она из кухни.

Анна весело поглядела на детей.

— Как, ребята?

— Будем, будем, — деловито произнес Коля.

— Будем! — крикнула Анна. — Накрывай, Ниночка, на стол!

В это время в дверь застучали. Ручка звонка торчала на виду, но кто — то стучал настойчиво и бесцеремонно.

Ниночка встрепелась.

— Я открою, мамочка!

Но стук этот чем — то не понравился Анне.

— Я сама.

Она подошла к окну, отдернула занавеску, выглянула на улицу.

На крыльце стояли трое... Все сразу стало понятно. Опять приволокли

Алексея. Двое спутников поддерживали его под руки, а один из них молотил кулаком в дверь.

Анна вышла в сени, подошла к двери.

— Кто там?

— Принимайте!

— А кто там?

— Да Алексей Ильич... Принимайте!

Сколько стояла она у двери... Минуту? Самые ответственные решения

принимаются иногда и за меньший срок. Ей было не по пути ни с Косяченко, ни

с Волковым, ни с Бахрушиным. Все они по — разному, но уводили ее с пути, с которого она не сойдет.

Анна приоткрыла дверь, вышла на порог и тут же загородила дверь спиной.

— Принимай, хозяйка...

— Он больше здесь не живет, — твердо сказала Анна.

Только она сама и заметила, как всхлипнула и проглотила подкативший к горлу комок.

Второй спутник Алексея вдруг узнал Анну.

— Товарищ Гончарова, это ж, извиняюсь, ваш супруг. Вот, доставили...

Спутники Алексея тоже нетрезвы, но еще не утратили соображения.

— Ведите его туда, откуда привели, — сказала Анна, стараясь говорить как можно спокойнее. — Здесь ему больше делать нечего, и не приводите его сюда.

Она вернулась в сени и резко захлопнула за собой дверь. Нарочно громко щелкнула щеколдой. В дверь заколотили было и притихли. Она слышала, как топтались на крыльце, потом кто-то крикнул, вздохнул, что-то сказал, потом наступило молчание, и Анна услышала, как собутельники сводят Алексея с крыльца.

Все. Ушли.

Анна вернулась в дом. Ниночка накрыла на стол, свекровь подала ужин.

Анна поужинала с детьми, почитала им, уложила. Потом, одетая, прилегла на диван. Она считала себя правой. Давно пора.

Она не знала, сколько прошло времени, когда снова раздался стук.

На этот раз стучали решительнее. Уже не руки, ноги пошли в ход.

Анна вскочила, выбежала в сени.

— Кто?

— Это я!

За дверью буянил Алексей. Он проспался и явился домой.

Она проговорила громко, отдельно:

— Иди, откуда пришел, я тебя не пущу!

— То есть как не пустишь? — крикнул он из-за двери.

— Вообще не пущу, — громко сказала она. — Вообще не пущу в этот дом!

— Я живу здесь или не здесь?

Голос звучал не так, чтобы очень пьяно.

— Нет, не здесь. Больше ты здесь не живешь. И больше я здесь с тобой не разговариваю. Придешь завтра в райком, там поговорим...

Конец и конец! Все.

— Открой!.. — Алексей забарабанил ногой в дверь.
— Хуже будет!

— Ты не грози, — отозвалась Анна. — Больше хулиганить я тебе не позволю.

Он замолотил руками и ногами, дверь вздрагивала, но сорвать ее было не под силу одному человеку.

— Не шуми. Я уйду.

Анна села на диван. Алексей продолжал грохотать. Потом все смолкло.

Анна услышала, как он неистово застучал в окно. На какое-то мгновение наступила тишина. И вдруг задрезжалось стекло, осколки посыпались на пол. В окно влетел обломок кирпича.

В одной рубашонке появилась в дверях перепуганная Ниночка.

Анна сняла трубку телефона.

— Андрианова!..

Андрианов был начальником районного отделения милиции.

Ее соединили немедленно. Андрианов сам подошел к телефону.

— Андрей Константинович... — Он сразу ее узнал. — Андрей

Константинович, ко мне в дом ломится хулиган. Разбил окно. Примите, пожалуйста, меры...

Все. Больше она церемониться не будет.

— Ты откроешь или нет? — орал Алексей. — Все окна перебью!

Он был не настолько пьян, чтобы не соображать, что делает. Анна отлично

это понимала. Анна потушила свет. Алексей еще что — то крикнул...

Потом Анна услышала, как по переулку бегут несколько человек...

Андрианов проявил оперативность. Впрочем, это было неудивительно.

Нападению подвергся первый секретарь райкома! Вероятно, все дежурные милиционеры бежали теперь к ее дому.

На улице послышалась возня, отрывистые голоса, вскрик. Затем наступило молчание.

Анна отвела Ниночку в спальню, уложила. Прошло минут пять, десять. На

улице снова послышались голоса. Зазвонил звонок.

Анна отворила дверь. Перед нею стоял Андрианов.

— Заходите, Андрей Константинович.

Они вошли в прихожую.

— В чем дело, Андрей Константинович?

Рослый и сильный Андрианов выглядел необычно застенчивым и смущенным.

— Анна Андреевна, но ведь это... это Алексей Ильич. Но Анна уже вполне владела собой.

— Я знаю.

— Вести в милицию... не совсем удобно.

— Ведите, — сказала Анна. — Не имеет никакого значения, что он мой муж.

Хватит уже, Андрей Константинович.

— Разговоры пойдут, Анна Андреевна.

Холодный воздух напал через выбитое окно в комнату. Анна вздрогнула.

— Сядьте, — сказала она Андрианову. — Я говорю с вами, Андрей

Константинович, как секретарь райкома. Как обычно поступаете вы в таких

случаях? Ломятся в дом, оскорбляют, бьют окна...

— Оформляем... — Андрианов сидел перед Анной, аккуратно положив на

колени руки и покорно глядя ей в глаза. — За хулиганство. Обычно судим...

— Вот и судите, — сказала Анна. — Довольно ему прощать. Оформляйте и судите. Как и всех прочих людей.

Андрианов еще раз вопросительно взглянул на Анну и встал.

— Слушаюсь.

— Да, да, — сказала Анна. — Оформляйте, как и всех прочих нарушителей.

Он опять посмотрел на Анну.

— Тогда я пойду?

— Да, да, — сказала Анна.

Она слышала, как Андрианов вышел на крыльцо и что — то сказал, потом

опять слышались голоса, какая — то возня, и все стихло.

Анна пошла в спальню, взяла у себя с кровати подушку, вернулась в столовую, подошла к окну и заткнула дыру подушкой.

LX

Вот и отрезана какая — то часть жизни... У Анны такое ощущение, точно она

овдовела второй раз. С одним было счастье, с другим — несчастье. В жизни

должно быть и то и другое, теперь и с тем и с другим покончено. Впрочем...

Не рано ли отказываться от счастья? Работать в полную меру своей души —

разве это не счастье? Быть матерью своих детей — разве это не счастье? Быть

необходимой людям... Нет, счастья у нее никто не отнимет!

Анна поправила в окне подушку. Больше не дует. Достала из комода рваные

детские чулки. Потушила верхний свет, зажгла настольную лампу. Накинула на

плечи платок, устроилась на диване поудобнее. Какой уж теперь сон! Взясась за штопку. Удивительно, как у детей рвутся чулки. Не накупишься.

Нет, она правильно поступила, избавив детей от такого отца. Женя все видит и понимает, но и двое младших растут не по дням, а по часам, тоже примечают каждое доброе и недоброе слово. С ними становится все трудней.

Ничего не скроешь от их глаз. Суд детей — строгий суд. Сейчас она перед ними права, и всегда должна быть права...

Никогда в жизни не забыть ей возвращения в Пронск. Она была бесконечно одна. Только бесплотная тень Толи сопровождала ее в те дни. Толя сопровождает ее в течение всей жизни. Он и сейчас здесь...

Густой желтый свет падает из-под картонного абажура на ее руки. Только на руки. Большие худощавые руки, отвыкшие от физической работы. Отвыкшие, но не боящиеся ее в случае чего. Рыжий детский чулок... А дальше — тень, тени все более темные, все более черные, и где-то в тени, за лампой, невидимая тень Толи.

Один он любил ее по-настоящему. И она любила его. И сейчас любит. И будет любить. Всегда будет любить...

Поезд уносит его, навсегда уносит, и никуда не унесет. Он всегда с ней под старой, усыпанной ягодами шелковицей!

С нею Женя, хоть Жени и нет сейчас рядом. Почему — то кажется, что Нина и Коля тоже подарены Толей...

Только один его совет она не выполнила. Так и не сделалась цветоводом. Не до цветов ей...

Она слышит, как бушует за окном ветер. Ноет нога. Раненая нога дает себя знать. Все предвещает перемену погоды. Вот – вот начнется весна. Снова себ. Самый ответственный ее себ, когда она отвечает за весь район. Все, как с детьми. Малые дети – малые заботы, большие дети – большие заботы. Так и на партийной работе. По сравнению с райкомом колхоз – малые заботы. А теперь...

Внезапно зазвонил телефон. Телефонистки по ночам редко вызывали Анну, оберегали ее покой. Ночью ее могли вызвать только в экстренном случае. Да и то старались звонить по деликатнее. А тут звонили резко, пронзительно, настойчиво.

Анна подошла к телефону. Ей подумалось, что это опять Андрианов.

Алексей безобразничает в милиции, и там никак не решаются...

Нет уж, довольно!

– Слушаю!

– Анна Андреевна, Пронск!

Дежурная телефонистка еле успела ее предупредить, как Анна услышала негромкий, мягкий, спокойный голос.

– Анна Андреевна? Извините за поздний звонок. Это Калитин. Что, Георгий

Денисович уже уехал от вас?

Анна слегка растерялась.

– Что вы, Кирилл Евгеньевич! Я очень рада.

– Ну, радоваться особенно нечему. Я вас не разбудил?

– Нет, нет. Я не спала.

– Простите, а чем вы сейчас заняты?

Анне представилось, как Калитин улыбнулся при этих словах. Она могла бы

соврать, да, может, и следовало соврать, сказать, что готовится к

какому —нибудь докладу, изучает материалы, читает, на худой конец.

— Штопаю детям чулки, Кирилл Евгеньевич, — призналась она.

— Что — что? — удивленно спросил он. — Штопаете чулки?

— Да, — сказала Анна. — Ужасно рвутся.

— Отлично, — сказал Калитин. — А как Георгий Денисович?

— Уехал. Сразу после собрания.

— А как собрание?

— Хорошо.

— Ну а как вообще жизнь? Как дела?

— Тоже хорошо.

Анна ждала, когда Калитин спросит ее о том, ради чего, наверное,

позвонил. Но он не спрашивал. Ни о подготовке к севу. Ни о глиноземном

заводе.

— А как настроение? — спросил он.

— Тоже хорошо.

— А мне что — то кажется, не очень хорошо, — возразил Калитин. — Как

здоровье?

— Все в порядке, Кирилл Евгеньевич, — бодро сказала Анна. — У вас

неверная информация.

— Да я без всякой информации... — Калитин негромко рассмеялся. — Сидел,

работал, вспомнил о вас, а тут еще Георгий Денисович... Вот и решил

позвонить. Вам от меня что —нибудь нужно?

Почему — то у Анны теплеет на сердце.

— Пока нет, Кирилл Евгеньевич. Спасибо. Понадобится, обратимся.

— И обращайтесь, — серьезно советует Калитин. — Обязательно

обращайтесь...

Как будто почувствовал, что у Анны сегодня не все благополучно!

Гудели провода, и из какой—то безвестной дали глухо доносился чей—то

писклявый голос: "Высылайте акцепты... акцепты..."

— Какие еще акцепты? — сердито произнес Калитин и постучал рычажком телефона. — Кто там врывается?

Голос мгновенно исчез.

— В таком случае все, — опять адресуясь к Анне, мягко сказал Калитин. —

Не стесняйтесь, звоните в случае чего...

Они пожелали друг другу спокойной ночи.

Разговор был беспредметным, однако после него у Анны полегчало на душе.

Свободно говорить с Калитиным она не могла. Еще не привыкла. Ей

хотелось, например, спросить, почему он терпит возле себя Косяченко?

Косяченко не меньше, чем Костров, нес ответственность за все, что

происходило в области. Но, увы, не принято, чтобы младшие задавали такие вопросы старшим.

Она подумала, как бы реагировал Калитин, если бы вдруг Сурожский район

отвел кандидатуру Косяченко в депутаты областного Совета...

А ведь следовало отвести, вдруг ясно поняла Анна. Плохо, когда у

руководства стоят люди без реальных заслуг перед народом. Все победы и

поражения зависят от людей и от тех, кто ими руководит... В ней бурлят

мысли, а сформулировать их до конца она не может даже для себя самой.

Вот бы сейчас народу такого писателя, как Толстой! Что отличает

настоящего писателя от ненастоящего? Плохой писатель видит только то, что

видят все, а настоящий писатель видит то, чего никто еще до него не увидел и

что начинают видеть все после того, как он показал...

Чулок давно выпал из ее рук. Тени расплылись на стене. Роняет свой желтый свет лампа.

Анна встает. Потуже закутывается в платок. Тихо — тихо идет по комнате, выходит в сени, открывает наружную дверь, останавливается на крыльце.

На улице тихо. Все в снегу. Темно. Но где — то в отдалении, в глубоком

невидимом небе просвечивает узкая зеленоватая полоса.

Проносится порыв ветра. Весеннего ветра. Ветер дует ей в лицо, и Анна

зябко кутается в платок. Пахнет хлебом, бензином, землей...

Ею вдруг овладевает желание выйти в поле, всем своим существом ощутить

близкую весну, приникнуть к земле, хочется очутиться там, где она встала на

ноги, где нашла себе дорогу, где получила партийный билет, и она решает, что

завтра... нет, сегодня она с утра обязательно поедет в "Рассвет".

LXI

Неужели капель? За окном отчетливо постукивает...

Анна проснулась. Она так в одежде и задремала на диване. Всю ночь не

спала, только на рассвете напала на нее дрема. А тут вот капель...

Рановато! Не дай бог, ранняя весна. Тогда просчет, поверили

метеорологам, колхозы еще не готовы к севу, две недели зимы нужны позарез!

Сон как рукой сняло. Анна вскочила с дивана, подошла к окну. Занавеска

белела на фоне серого неба, рассвет только — только расползался. Никакой

капели. Кажется, даже мороз. Анну разбудил воробей.

По подоконнику постукивал своим клювиком воробей. Это Колина работа. Он

с вечера насыпал крошек, и каждое утро воробьи спозаранок прилетали на

подоконник завтракать. Но это был какой — то сверхранний воробей. Он нахально

поглядывал сквозь стекло на Анну.

"Дай только повадку, — подумала Анна. — К даровому хлебу привыкают легче всего".

Она все — таки решила с утра ехать в "Рассвет". Она давно там не была,

пора посмотреть, что там делается. Анна улыбась, позвала свекровь.

— Вот что, мама, — вежливо произнесла Анна. — Наши отношения с Алексеем

вас не касаются, не тревожьтесь, у нас с вами все останется, как было.

Свекровь всхлипнула.

— Да я не мешаюсь.

— Вот и все, — сказала Анна. — Дайте чего —нибудь перекусить...

Свекровь не осмелилась спросить, куда Анна торопится.

— Я в колхоз, — сказала Анна. — Вы проследите, чтобы не проспали дети.

Проводите их в школу...

Она поела, оделась потеплей, кивнула свекрови, вышла на крыльцо.

Расцветал неясный мартовский день.

Анна поглядела на небо. Небо было уже весеннее, все в полосах, розовых,

голубых, лиловых. В самой вышине оно было сизо — голубым, а над горизонтом

розовые полосы желтели и ширились, поблескивая золотом...

Вот — вот брызнет солнце. Земля еще схвачена

морозом, еще хрустит под ногами ледок, а в небе уже весна, уже свирепствует розовощекий март.

Анна медленно спустилась с крыльца и пошла к райкому.

Навстречу спускалась по лестнице ее тезка — уборщица Нюра Силантьева. В

руках корзина со скомканными газетами и ведро. Она улыбнулась Анне.

— Доброе утро, Анна Андреевна. С полным навстречу!

Анна тоже поздоровалась.

— Спасибо.

— Что рано?

— В "Рассвет" еду.

В райкоме еще пусто, один Чирков, инструктор отдела пропаганды,

дежурный по райкому, с книжкой развалился на диване в приемной.

Он вскочил, увидев Анну.

— Доброе утро, Анна Андреевна.

— Вызовите Лукина, — сказала Анна. — Поедем в Мазилово.

Она прошла в кабинет, собралась было позвонить Челушкину, предупредить,

чтобы агроном Аверина никуда не отлучалась, но потом раздумала.

Аверина приехала в "Рассвет" прошлым летом. Она кончила Тимирязевку и

по путевке министерства была направлена в Пронск. Впервые Анне показали ее

на совещании в райисполкоме, но поговорить им почему — то не удалось. Потом

она мельком видела ее раза два. В колхозе ее не бранили и не хвалили.

Присматривались. После Анны рассветовцам трудно угодить.

Сегодня Анна решила уделить Авериной побольше внимания. А то послали

девчонку в колхоз и предоставили самой себе. Для

чего Авериной повторять
ошибки Гончаровой?

Отчасти по этой причине Анна и не стала звонить в колхоз. Меньше всего хотела она появиться перед Авериной в виде начальства.

Анна кинула взгляд за окно. Лукин, вероятно, уже у подъезда. Она ждала только Клашу. Но что это привлекло ее внимание? Кто на нее смотрит?..

Ах, это клен! Тот самый клен... Стоит против окна и заглядывает в комнату. Как и в тот страшный день, когда перед конференцией приходил сюда

Алексей. Она и сейчас чувствует и боль, и бессильную горечь унижения.

Она выглянула в приемную. Клаши еще не было.

— Вот что, Александр Иванович, — сказала она, обращаясь к Чиркову. —

Распорядитесь, пожалуйста. У моего окна дерево. Пусть его сегодня же срубят.

— Есть срубить, Анна Андреевна, — послушно сказал Чирков.

— Загораживает свет, — пояснила Анна, оправдывая свое решение.

Клаша наконец появилась.

— Ой, для чего вы? — сказала Клаша, войдя в кабинет и кивая на окно. —

Такой красавец...

— Красив, — сухо согласилась Анна. — Но мешает. Я еду в "Рассвет", если что — звоните...

Она не хотела, чтобы единственный свидетель ее позора продолжал заглядывать к ней в окно.

Клаша с недоумением посмотрела ей вслед, ее глаза даже заблестели от досады...

И Анне вдруг стало стыдно. Клен действительно ни при чем. Мало ли

свидетелей ее жизни с Бахрушиным. Одни преступники пытаются избавиться от свидетелей.

Она остановилась.

— Клашенька! — позвала она, указывая на окно.
— Будь по — вашему, не будем его лишать жизни.

LXII

Челушкина в конторе не было. Его можно найти в поле, на фермах, на складе, в Суроже, где он добывал что — нибудь для колхоза, но только не за письменным столом...

Он был деятельным председателем, не давал покоя ни себе, ни людям, но колхозники не обижались — жить с Челушкиным беспокойно, зато с деньгами.

В конторе те же столы, те же скамейки, те же портреты, и все же в комнатах светлее, просторнее от вымытых до блеска полов и стен.

За столами сидели девушки — Малинин не работал уже в счетоводах, — тоже аккуратные, веселые, чистые. Анна не знала их, должно быть, недавно со школьной скамьи.

Одна из них побежала искать председателя.

Анна ждала Челушкина и беседовала с оставшейся девушкой — как работает, учится ли, что читает...

Торопливо вошла Милочка Губарева.

— Анна Андреевна!

— Милочка!

Анна любила Милочку, она причисляла Милочку к тем, кто не сегодня, так

завтра станет гордостью района.

— А я вижу — Тася. Ты куда? Говорит, Гончарова приехала. Я и побежала...

Милочка стала рассказывать о ферме. Прибежала Тася. Челушкин появился

вслед за ней, тоже запыхавшийся, должно быть, тоже бежал.

— К вам, Григорий Федорович.

— Вижу.

— Весна торопится.

— Вижу.

— А у вас как?

— Вот я и боюсь...

Они понимали друг друга с полуслова.

— А как у вас новый агроном?

Челушкин улыбнулся.

— Не обижаюсь.

— Нахалка, а так ничего, — добавила Милочка.

Обе девчонки переглянулись и прыснули.

Челушкин поглядел на них

строгими глазами, и они разом смолкли.

Анна повернулась к Милочке.

— Что значит — нахалка?

— Очень себя высоко несет... — убежденно сказала Милочка. — Что ни

скажешь ей — "я знаю" да "я знаю".

Анна обратилась к Челушкину.

— Ну, а на самом деле — знает?

— Знает, — подтвердил тот. — Только уж больно непростительная.

— Что значит непростительная?

— Поймает кого на ошибке — обязательно просмеет.

— А ну попросите ее сюда, — распорядилась Анна.

— Хочу познакомиться с ней.

Челушкин кивнул той девчонке, что бегала за ним.

— Тася!

Тася опрометью помчалась прочь из конторы.

— А к севу — то она готовится? — спросила Анна.

— Вот в этом — то весь вопрос, — задумчиво сказал Челушкин. —

Готовиться — то готовится, да только сеять собирается как — то чудно.

Анна знала Челушкина и видела — относится он к Авериной с симпатией,

она нравится ему, но что — то его и настораживает...

Тася опять примчалась.

— Сейчас придет, — сообщила она. — Дома была.

С каким — то вывертом — ногу вправо, ногу влево, носки вместе, носки

врозь — она проскочила к своему столу.

Милочка прикрикнула на нее:

— Таська, что это за кренделя?

— Новый танец. Люся вчера показывала.

Анна поинтересовалась:

— Это какая Люся?

— Агрономша. Она все танцы знает.

Она опять повернулась к Челушкину:

— Ну, а как сеять — знает?

— Знает. — Это он сказал уверенно. — Но все хочет сделать по — своему.

— Ну, а если поконкретней? Как — по — своему? — Анна вглядывалась в своих

собеседников. — Что — то не пойму... Да где же она?

Милочка усмехнулась:

— Не торопится!

— Она у вас всегда так? — опять обратилась Анна к Челушкину.

— Нет, не всегда, но бывает. — Он сердито взглянул на Тасю. — Ты

сказала — кто ее ждет?

Тася пожала плечами.

Анна усмехнулась.

— А может, она и не слышала обо мне?

— Ну да! — убежденно воскликнула Тася. — Ах, говорит, это секретарь

райкома, что ли? Скажи, говорит, сейчас приду.

За дверью послышались шаги, дверь отворилась, и

появилась Аверина.

Высокая... Что она высокая, Анна помнила по первой встрече в Суроже. В

коротком модном пальто из голубоватого драпа с начесом... Анна сразу

определила — дорогое пальто. Пальто, какое не по карману сельскому агроному.

В серых остроносых туфельках. Деревенская улица еще в снегу, в грязи, но

Аверина не пожалела туфель. Малиновый шарфик...

Плоское лицо, монгольские черты, скулы слегка выдаются, косой разрез

глаз. В общем, довольно простое лицо. Но раскрашена дерзко: и губы, и брови,

и глаза подведены...

Очень не похожа на Анну, какой она себя помнит в Мазилове.

Однако Анна заранее готова простить этой девчонке ее заносчивость и

даже легкомыслие, лишь бы она оказалась знающей и восприимчивой, лишь бы из

нее можно было слепить что —нибудь подходящее для "Рассвета", для Сурожа, для

всей этой трудной стремительной жизни.

Аверина остановилась посреди комнаты, огляделась.

— Здравствуйте, с кем не видалась. Здравствуйте, товарищ Гончарова...

Но не подошла, и Анна вынуждена была сама подняться, чтобы подать руку

Авериной.

— Долго, — упрекнула, не сдержалась Анна. — Минут двадцать ждем.

— Красилась, — независимо объяснила Аверина. — Не люблю выходить из

дому растрепой.

— А для кого... — спросила было озадаченная Анна. — Для кого ж это вы мажетесь?

Она медленно обвела взглядом окружающих — Челушкина, Милочку, двух

девчушек... Действительно, для кого?

— А для себя, — ответила Аверина с легким вызовом. — Главным образом для себя.

Вот это — то Анна и должна в ней сломить! Таких девочек надо переделывать. Анна готова отдать ей весь свой опыт, подарить всю свою заботу, лишь бы воспитать из нее настоящего человека.

Они смотрели друг на друга, и Аверина поняла, что Гончарова не хочет замечать ни ее вызывающего тона, ни остроносых туфелек, так контрастирующих рядом с рабочими сапогами Челушкина.

Однако ничто не изменилось ни в лице, ни в позе Авериной, и лишь во взгляде, который она бросила на свои заляпанные туфли, в короткой паузе и еле уловимой краске на лице Анна своим чуть ли не материнским чутьем безошибочно уловила запрятанную куда — то внутрь растерянность очень молодого и очень самолюбивого существа, во что бы то ни стало пытающегося сохранить чувство собственного достоинства.

— Я к вам по поводу севооборота, — сухо сказала Анна. — Я бы хотела, чтоб вы познакомили меня...

Аверина загадочно посмотрела на Анну.

— Но ведь в район, в сельхозинспекцию, все представлено...

— Видите ли, я сама агроном, — пояснила Анна. — И работала именно в этом колхозе. Мне бы хотелось вас послушать. Чтобы вы сами показали...

Неожиданно для самой себя она потеряла нить разговора. Аверина не шла

ей навстречу. Слушала и молчала. Разговор не получался.

— Знаете что, пойдете — ка лучше в поле, —

предложила вдруг Анна. —

Посмотрим, посоветуемся. Там вы мне все и объясните...

— Хорошо, — с облегчением согласилась Аверина.

— Но только я должна
сбежать к себе. В таком виде...

Она покосилась на свои испачканные туфли.

— Мы зайдем к вам по дороге, — сказала Анна. —
Вы переоденетесь, а я
посмотрю, кстати, как вы живете.

LXIII

Анна мысленно рисовала себе жилье Авериной. Кровать. Стол. Этажерка с книгами. На стене платяной шкаф под простыней. Ну, пусть не под простыней, пусть гардероб... Но очутилась она в очень непривычно обставленной комнате, точно перенесенной из какой-нибудь модной московской квартиры. Окна в комнате, конечно, невелики, рамы похожи на решетки, потолок невысок, и пол не паркетный, словом, комната как комната, как десятки комнат в Мазилове, но у Авериной она выглядит совсем не так, как представляла себе Анна. Вместо кровати широкая, застеленная ковром тахта, никаких этажерок — вся стена в асимметричных полках, заставленных безделушками и книгами, окна задергиваются одной пестрой шторой, свисающей от потолка до полу, полированный гардероб, радиолы, на стенах странные рисунки — какие-то танцовщицы в голубом, узкоглазая девушка с веером, похожая... Да, очень

похожая на Аверину!

— Садитесь, — пригласила Аверина. — Я сейчас.

Анна с любопытством осматривалась.

— Вас как зовут? — спросила она Аверину.

— Люся.

— А полностью?

— Людмила.

— А по отчеству?

— Петровна, — сказала Аверина. — Но зовите просто Люся, меня все так зовут.

И опять что-то детское прозвучало в ее голосе. Похоже, она сама сейчас радовалась, что Гончарова не приняла всерьез ее браваду, и боялась потерять тот оттенок простоты и задушевности, который, кажется, промелькнул в их разговоре.

— Вам сколько лет? — спросила Анна.

— Двадцать три Уже старая.

— Кончили Тимирязевку?

Аверина кивнула.

— В прошлом году. До сих пор не могу опомниться.

— От чего?

— От удовольствия, — сказала Аверина и засмеялась, и ее узкие глаза превратились в щелочки. — Ужасно надоело учиться.

Она торопливо рылась в гардеробе.

— А это что? — Анна указала на рисунки. — Абстрактная живопись?

Аверина обернулась.

— Ну что вы! — удивленно сказала она. — Это уже классика. Даже скучно

Но я их люблю Дега и Ренуар. Хотя Плеханов и ругал их в свое время...

Анна не знала живописи, она могла судить о ней только с точки зрения

своих личных вкусов, статьи Плеханова о живописи она тоже не читала.

— Я не знаю живописи, не дошли у меня до нее

руки, — призналась Анна,
глядя на репродукции с грустным любопытством.

В свою очередь, Аверина разглядывала Анну. Она только сейчас начала
ощущать привлекательность этой стареющей уже и, наверное, очень усталой
женщины. Нужно иметь много внутренней свободы, чтобы не притворяться
всезнайкой.

Анна перебрала несколько пластинок, сложенных стопкой возле радиолы.

Все незнакомые композиторы и незнакомые исполнители, один Рахманинов
понаслышке знаком Анне.

— Вы какую музыку любите? — поинтересовалась Анна.

Ей хотелось, чтобы Аверина назвала Чайковского, под музыку Чайковского

Анне всегда как — то удивительно легко мечталось.

— Джаз, — категорично отозвалась Аверина. — Я люблю острые синкопы.

Что такое синкопы, Анна спросить не осмелилась. Она опять перешла к
личной жизни Авериной.

— Вы не замужем? — поинтересовалась Анна.

— Ну что вы! — воскликнула Аверина.

— Но кто —нибудь у вас есть в Москве?

— Нет, — отрезала Аверина. — Был один, но я с ним рассталась. Не
устраивает.

Чувствовалось, что на эту тему Авериной не хочется говорить.

Анна взглянула на часы.

— Поторопитесь, Люся, у меня мало времени, — сказала она деловым тоном.

— Я подожду на крыльце.

На этот раз Аверина не заставила себя ждать, она вышла вслед за Анной в

кожаной куртке, узких синих штанах, в аккуратных, по ноге, резиновых

сапогах.

Они не спеша прошли по деревне, миновали околицу.

— Куда? — спросила Аверина.

— Ведите, — уклончиво ответила Анна. — Теперь вы здесь хозяйка.

— В таком случае...

Аверина свернула в сторону Кудеяровой горы — любимое место Анны, — там, за горой, за веселым березовым лесом, тянулся тот самый широко раскинувшийся клин, с которого Анне так и не удалось получить все, что можно было бы с него получить.

Они шли и перебрасывались короткими репликами.

— Вы сами откуда?

— Из Москвы.

— Не удалось остаться?

— А я и не пробовала.

У Анны не было оснований сомневаться в правдивости Авериной, но уж очень она была какая — то чересчур городская.

— Неужели так и не пытались?

— Могла остаться, но не пыталась.

— А как могли?

— У меня отец довольно известный художник. А мать в Госплане. Начальник

сектора, шишка. Предлагали. Связи есть и в академии, и в министерстве. А я

сказала — нет, еду в Пронск...

— Именно в Пронск?

— Или что —нибудь вроде. Меня интересуют суглинистые почвы. Я и здесь сумею...

— Попасть в аспирантуру?

— Нет, писать о своих суглинках. Если захочу.

— Вы, значит, Тимирязевку выбрали по влечению сердца?

— Конечно. Еще в школе прочла "Физиологию растений" и сразу определила

свое призвание. Я могла поступить в любой вуз.

— По знакомству?

— И без знакомства.

— А по Москве скучаете?

— Конечно. Но и здесь могу жить. Уже привыкаю.

— А к нам надолго? — задала Анна откровенный вопрос. — Сколько времени рассчитываете проработать в районе?

— Надолго, — ответила Аверина, не раздумывая.

— А может быть, и насовсем.

Это была странная девочка, но далеко не такая пустая, какой она сперва показалась Анне.

— Но ведь вы захотите, — сказала Анна, — как-то устроить свою личную жизнь.

— Возможно, — согласилась Аверина.

— А если не встретите здесь ничего подходящего?

— В Москве тоже можно не встретить подходящего... — Аверина рассмеялась. — Тогда я сделаю себе гомункулуса!

Анна хоть и получила биологическое образование, о гомункулусе имела весьма смутное представление.

— А вы сможете? — отшутилась она.

— Человек все может, — уверенно заявила Аверина. — Даже выращивать кукурузу на шестьдесят восьмой параллели!

Они остановились на склоне горы. Одна — готовая бежать, все время бежать, вся в полете, другая — более спокойная, уверенная в себе, умеющая вовремя остановиться.

Анна прищурилась, пытливо осматривая поле. Повсюду лежал снег. Лишь кое-где, как полыньи, сердито чернели проталины.

Теперь земля доверена другой, как-то она с нею справится? Анну заботило все, что касалось этой земли, и было интересно, что

собирается делать здесь

эта самоуверенная, но как будто не глупая и, наверное, неплохая девочка.

— Ну, рассказывайте, — сказала Анна. — Что предполагаем, о чем мечтаем.

Рассказывайте все. Я ведь тоже агроном, и судьба "Рассвета" в какой — то степени и моя судьба.

Аверина схватилась вдруг за березку, обхватила ладонями тонкий ствол,

затрясла — мелкие льдинки полетели с ветвей, — точно ей некуда было девать свою силу.

— Анна Андреевна! — повернувшись к Анне, воскликнула вдруг Аверина. — С

вами можно говорить откровенно? Или хитрить и разговаривать по правилам?

Молчи, скрывайся и тай...

— Нет, не надо таить... — Анна улыбнулась. — Я для того и привела вас сюда.

Она огляделась. Вся земля в мокром снегу. Но среди березок розовели

аккуратные круглые пеньки.

— Сядем, — предложила Анна. — Поговорим.

Они сели напротив друг друга.

— Рассказывайте, — повторила Анна.

— А что рассказывать?

Анна рукой обвела поле.

— А вот что собираетесь делать. Что сеять, как. Григорий Федорович хоть

и не жаловался, но, чувствую, что — то его смущает. Может, вам в чем помочь?

Может, не хватает чего — нибудь?

"Неплохая девушка, — подумала Анна, — ей только подать руку, и

поддержать, и вовремя остановить, и она многое сделает, ей цены не будет..."

— Самостоятельности! — резко произнесла Аверина.

Анна не поняла.

— Чего?

— Самостоятельности, — повторила Аверина. — Я откровенно говорю, я верю

вам. Нам всем не хватает самостоятельности. Права делать то, что находишь

нужным. Анна Андреевна! Мне нужно одно. Чтобы меня меньше опекали.

— Подождите, Люся. Вас заносит...

— Ничего не заносит! Я взрослый человек, комсомолка. А мне все время

твердят: увяжи, договорись, согласуй. Ну дайте мне возможность работать

самостоятельно! Накажите в конце концов, но не обрушивайте на меня недоверие

авансом...

— Но почему же не посоветоваться? — чуть нахмурясь, остановила ее Анна.

— У меня больше опыта, а я и то советуюсь...

— И плохо, — перебила ее Аверина. — Я совершенно уверена, что иногда

это даже плохо. Я знаю все, что вы скажете. Коллектив, коллективное

руководство, план... А я скажу, что у вас связаны руки. Вот вы — секретарь

райкома, вы же проверенный работник, вас не допустили бы иначе на этот пост.

Но ведь вас опекают как маленького ребенка. Ваши же товарищи. Обком,

крайком. Все, кому не лень. Я наблюдала за своей мамой. Она по своей линии

пикнуть никому на местах не дает! Почему писателю никто не подсказывает, как

писать книгу? Договор подпишут, денег дадут, а писать не учат. Не удастся —

отвергнут, но пока пишет, не вмешиваются. А мне, если я вздумаю вывести

новый сорт хлеба или новую породу скота, тысячу раз помешают. Одна вы своими

советами...

Анна даже рассердилась:

— Ох, Люся!

— Что — Люся? Разве я не права? Спрашиваете — не скучаю ли без Москвы?

Скучаю! Но Москва мне поперек горла стоит. Без Москвы уж и не дыши! А

история делается не только в Москве, история делается там, где жнут хлеб и

добывают нефть. Без Москвы невозможно не скучать, но Москва — это еще не вся

Россия. У Большого театра пшеницу сеять не будут, а для меня в суглинках вся жизнь.

Она выкладывала и выкладывала свои претензии, и что — то в них было

неправдой, и что — то правдой, Анне было что возразить, и почему — то не

хотелось возражать; именно то, на что жаловалась Аверина, часто мешало Анне держаться свободнее и независимей...

— Подождите, Люся, — уже решительно остановила ее Анна. — Не будем

затевать общий спор, спустимся на землю. На эту вот мазиловскую землю. Что

вы хотите на ней делать? Кто вам мешает? Чем?

Аверина встала, опустив вдоль бедер длинные руки. Она стояла как школьница. Но как очень упрямая школьница.

— Извольте, скажу. Мне мешает даже Григорий Федорович. Хотя он очень

хороший человек. Все время говорит, что надо посоветоваться с вами. Слишком

въелась в него дисциплина. Как, впрочем, вероятно, и в вас. А я считаю,

спрашивать никого не надо!

— Слушаю, слушаю вас, — примирительно произнесла Анна.

— Чтобы снять завтра с работы? — насмешливо произнесла Аверина — Но я

все равно ничего не боюсь. Так вот! Я хочу перейти на

двойной посев, сразу

сеять яровую пшеницу и озимую. Это не моя выдумка, я об этом и читала и сама

видела...

— Как, как? — заинтересовалась Анна. — Совместный посев?

— Да это очень понятно, — сказала Аверина. — Влага, свет, питательные

вещества используются рациональнее, если совместно произрастают культуры,

относящиеся к одному виду, но разнящиеся по возрасту и развитию...

— Подождите. Как — сразу? Не будет ни той, ни другой.

— Будет! Будет! Получается. Надо только глубже вникнуть в физиологию

растений...

Аверина принялась сыпать доказательствами.

Ее заносило, но и нельзя было сразу вылить на нее ушат холодной воды.

— Разве Григорий Федорович мешает вам поставить эксперимент? — с

сомнением спросила Анна.

— Да не эксперимент! — возразила Аверина. — Я весь этот клин хочу

отвести под совместный посев!

Анна насторожилась:

— Что вы! Рисковать урожаем?

— Не только урожаем — собой! — воскликнула Аверина. — Позвольте мне

рискнуть собой!

Анна молчала, не улыбаясь уже, поглядела на Аверину.

— А вам не кажется, — проговорила она медленно, — что рисковать урожаем

— это гораздо больше, чем рискнуть собой?

Да, она не глупа, окончательно решила Анна об Авериной, заметив, как

вздрыгнула та от ее слов. Все понимает, есть характер, есть страсть. Эта

из — за боязни одиночества замуж не выйдет и с плохим мужем не станет церемониться. И в спор с секретарем райкома, если нужно, не побоится вступить. Есть в этой девочке что — то такое, что привлекает к ней Анну.

Честное слово, ей хотелось, чтобы ее Женя поступала так же...

— Выслушайте меня, Люся, — сказала Анна, стараясь говорить как можно сердечнее. — Не бросайтесь в воду очертя голову. Семь раз примерь. Будем думать вместе. Я помогу вам, у меня накоплен кое — какой опыт. Я все для вас сделаю...

— Не нужно!

— Не горячитесь. Человек слабей в одиночку. Чем вам помочь?

— Ничем!

Она ничего не хотела от Анны!

Но Анна была достаточно умна, чтобы не обижаться на Аверину.

— Надо еще доказать свою преданность общему делу. Надо доказать людям, что их любишь...

— А я и доказываю, — упрямо сказала Аверина.

— Чем?

— Тем, что соберу со своих гектаров по тридцать центнеров!

— А вот у меня нет в этом уверенности, — осторожно сказала Анна. — Если

бы то, что вы предлагаете, хоть кем — то было апробировано...

— Да апробировано!

— Кем?

— Жизнью! Вы не могли не читать! Советуют сеять одновременно и раннеспелую и позднеспелую кукурузу. Высокорослую и низкорослую. Будет силос, и будут початки...

— Погодите, погодите...

Действительно, она что-то читала об этом. Может быть, стоит Авериной разрешить? Но самой Анне не с кем сейчас посоветоваться...

— Не знаю... — неуверенно произнесла она. — Я бы не возражала. Но не весь же клин. Вернемся, подумаем, поговорим с Челушкиным. Я скоро буду в Пронске, посоветуюсь в обкоме...

— А без обкома нельзя? — Аверина порозовела, ее лицо сделалось розовее ее шарфика. — Обязательно за чью-то спину... — Она вошла в азарт. — Просто совестно! Как бы чего не вышло. Пашете и осторожничаете. Живете умом бесстрастных чиновников. Оскорбляйте землю трусостью!

Горячность, порывистость... Нет, Анна не была такой, не так ее воспитывали. А эта ничего не боится, бросается напролом... Другое время!

— Ну хорошо, успокойтесь, — согласилась Анна. — Я обещаю вам, Люся, заняться вашими планами. Серьезно и без всякого предубеждения Вы мне верите?

Аверина испытующе, но с надеждой поглядела Анне в глаза.

— Хорошо...

Они пошли обратно к деревне, прямо по склонам, через лес, то увязая в сыроватой земле, то с хрустом продавливая тонкую снежную корку.

Аверина шла стремительно, большими шагами, широкоплечая, высокая, длинноногая...

Анна умела и любила ходить, но сейчас еле поспевала.

Кого Аверина ей напоминала? Анне казалось, что они встречались раньше.

Где—то в другом месте. Вот она идет, идет... Так стремительно!

Ну конечно... Анна видела Аверину в Музее имени Пушкина. В Москве. Анна

ходила по музею и в одном из залов видела эту женщину... Такую же

длинноногую и стремительную, как Аверина. Имени богини Анна не помнила, но

вспомнила и уверенный поворот головы, и насмешливое выражение лица...

У Анны такое ощущение, будто именно греческая богиня мчится сейчас

перед нею сквозь березовую рощу к священной цели.

"Отчаянна, — подумала о ней Анна. — Смела. С такой не справиться".

— Люся! — позвала ее Анна. — Вы очень уверены в себе?

Та не отозвалась...

Небо совсем нахмурилось, сделалось беспросветно серым, будь потеплее —

пошел бы дождь, туча затянула все небо, подмораживало, пошел снег,

посыпались черные хлопья.

"Вот мы же знаем, снег белый, совершенно белый, — подумала Анна, — а

кажется почему—то черным..."

— Да подождите вы! — крикнула Анна. — Откуда в вас такая уверенность?

Аверина остановилась.

— Оттуда же, откуда и у вас...

Они пошли медленнее.

— Вероятно, и у вас, и у меня были неплохие учителя, — великодушно

добавила Аверина.

— А вы уверены, что вам не придется переучиваться? — лукаво подзадорила

ее Анна.

— Нет, не придется, — резко возразила Аверина. — Думаете, одни министры

понимают, кто прав и кто ошибается? Выслушать

полезло всех, а жить лучше
своим умом.

"Эк ты какая", — опять подумала о ней Анна.

— Суть не в учителях, а в учениках, — продолжала
Аверина. — За советы

спасибо, но жить я буду так, как сама нахожу
нужным. Пусть каждый человек
сам будет за все в ответе.

Анна подумала, что это выражение, которое так
нравится Авериной, имеет

двойкий смысл — жертвенный и победный, и тут же
подумала, что не так — то

просто превратить эту девочку в жертву.

Они опять пошли молча. Снег все сыпался,
сыпался. Густой, мокрый,
черный.

"Нужна я ей или не нужна?" — подумала Анна об
Авериной. Анне казалось —

нужна, и она действительно была ей нужна, а спросить
Аверину, та решительно
скажет, что ей не нужен никто.

Однако Анна была бы довольна, если бы ее дети
выросли такими же, как

Аверина. Удивительная сила заключалась в этой
длинноногой девочке с
накрашенными губами!

Внезапно развиднелось. Серое небо раздвинулось, и
из глубины прорвался

клок голубого неба. Голубой лоскут все разматывался и
разматывался.

Аверина подняла кверху лицо и прислушалась.

— Вы слышите? — спросила она.

— Что? — спросила Анна.

— Жаворонок, — сказала Аверина.

Анна покачала головой.

— Какой сейчас может быть жаворонок?

— А я слышу!

— Вы фантазируете, Люся.

— Честное слово, слышу!

До жаворонок было еще далеко, не могла она

слышать никакого жаворонка,
и, однако, ей дано было слышать жаворонка, который
за тридцать земель еще
только собирался в полет.

1962